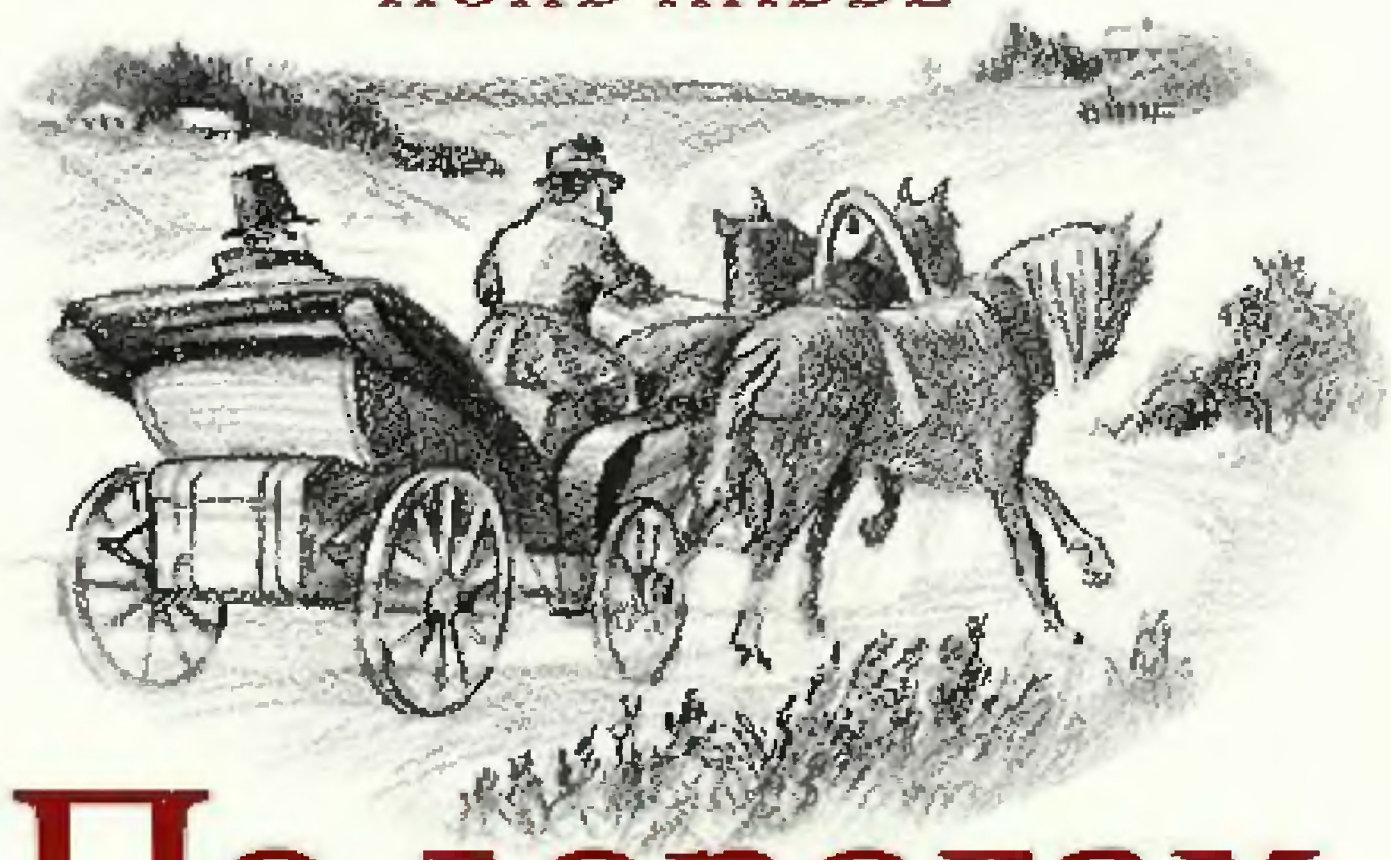
ПОЛЬ ЛАББЕ

По дорогам России

ОТ ВОЛГИ ДО УРАЛА

Аннотация

Впервые издающаяся на русском языке книга известного французского путешественника Поля Лаббе (1867–1943) посвящена описанию его поездки летом 1898 г. в Поволжье, на Южный Урал и в Казахстан. Насыщенная яркими бытовыми сценами и ценными этнографическими наблюдениями, она представляет важный источник восприятия российской глубинки европейцем в конце XIX в.

Для этнографов, географов, широкого круга читателей.

Поль Лаббе
По дорогам России от Волги до Урала

© Паулсен, 2017
© Губайдуллина А. Ш., Сахибгареева Л. Ф., пер. с фр., 2017
© Кучумов И. В., предисловие, прим., 2017

* * *

Предисловие

Французский путешественник Поль Лаббе, объездивший большую часть России и опубликовавший по итогам своих поездок несколько книг, практически неизвестен в нашей стране. О нем не упоминает в своих очерках по истории зарубежной этнографии С. А. Токарев, на русском языке нет отдельных работ об этом замечательном исследователе[1], да и в самой Франции о нем, видимо, тоже уже давно забыли.

П. Лаббе (1867–1943) родился в Арпажоне (недалеко от Парижа), рано осиротел. После окончания лицея он мечтал о дипломатической службе и стал готовиться к поступлению на юридический факультет и в Школу политических наук. Однако его преподаватель немецкого языка, заметив у своего ученика способности полиглота, порекомендовал ему добиться разрешения на поездку в Россию. В итоге П. Лаббе был командирован к нам французским правительством «для производства этнографических исследований» и, таким образом, стал исследователем Урала, Поволжья, Сибири, Туркестана, Казахстана и Сахалина, а также Монголии и Маньчжурии.[2]

Позднее П. Лаббе занимал должности генерального секретаря Парижского общества коммерческой географии (1905–1919) и Французского альянса (1919–1935). В 1924 г. он стал командором Ордена Почетного легиона. Скончался путешественник в маленьком нормандском местечке Кароль в период нацистской оккупации Франции.[3]

Время, в которое странствовал по нашей стране автор настоящей книги, было периодом военно-политического союза России и Франции, возникшего в 1891 г. На фоне сближения двух стран между ними активизировалось культурное сотрудничество, возрос интерес к русской истории, началось своеобразное открытие для французов загадочного и непонятного

---

[1] Исключение составляет обзор итогов его поездки на Сахалин в 1899 г.: Севела М. Вести и размышления из Франции // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск, 2015. № 19. С. 26–32.

[2] Он также путешествовал по Сербии и Румынии и тоже оставил об этом записки.

[3] Дом (двухэтажный), где в начале XX в. жил в Париже П. Лаббе (rue Montaigne, 14 bis. См.: Bulletin de la societe de geographie de Lille. Lille, Ier semestre de 1911. Liste des membres. P. 2), сохранился, и его можно посмотреть на панорамном снимке карт Google.

для них нового союзника. Тема России становится частой не только на страницах французских газет, но и в гуманитарной науке Франции. Известные французские слависты Ж. Легра, Л. Леже, Э. М. Вогюэ, А. Леруа-Больё и другие их коллеги старались постичь мучившую Запад не одно столетие загадку русской души. В Россию потянулись французские журналисты, путешественники, ученые. В 1896 г. Министерство просвещения Франции инициирует поездки сюда П. Лаббе.

Сегодня его путешествия, если рассматривать их как научные мероприятия (хотя таковыми они не являлись), назвали бы индивидуальными полевыми выездами. И действительно, вторая половина XIX – начало XX веков – это время «путешественников-одиночек», а не экспедиций.[4] П. Лаббе был одним из тех, кому нравилось преодолевать границы и открывать новый для себя мир.[5] Он жил в золотую эпоху травелога, когда путевой дневник являлся не только результатом поездки, а ее необходимым условием и целью.[6] В отличие от многих своих современников П. Лаббе не гнался за экзотикой, а анализируя характеры, или, как тогда говорили, «физиологии», пытался проникнуть в самую суть народа, в душу страны, которую изучал.

Как отмечали современники, французский географ был любознательным, прекрасно говорил по-русски, отличался отменным здоровьем и весельем.[7] В поездках у П. Лаббе был «моментальный аппарат» (так называлась тогда новейшая фотокамера «Кодак»), которым он старался запечатлеть все самое интересное. Его путевые записки стали тогда для многих подлинным откровением. Во многом благодаря ему география азиатской России стала хорошо известна во Франции и в Европе в целом.

Книга, которую сейчас держит в руках читатель, посвящена рассказу о поездке ее автора в Поволжье, на Урал и в Прикаспий летом и осенью 1898 г. Путь П. Лаббе отчасти проходил по маршруту, по которому за несколько десятилетий до него совершили свои путешествия известные французские писатели А. Дюма и Т. Готье[8], оставившие об этом интересные воспоминания.

Однако описания П. Лаббе далеко не столь пластически выражены, живописны и информативны, чем у двух вышеназванных авторов. Для него характерно стремление представить Россию в ее обычном, повседневном состоянии. В отличие от Т. Готье, оставившего яркий рассказ о нижегородской ярмарке, П. Лаббе показывает Нижний Новгород вскоре после ее окончания, когда жизнь в городе входит в будничную колею. И даже поведав о своем личном участии в православном празднике в Казани, он предварительно старается представить читателю обыденное бытие этого губернского центра. Нет у него и характерной, скажем, для А. Дюма тяги к натужной развлекательности, обширных экскурсов в русскую историю – в конце XIX в. эти сведения, этот ракурс видения России французам уже были не нужны.

Путешествие П. Лаббе достаточно четко делится на три части: по Поволжью, на

---

[4] Севела М. Указ. соч. С. 26.

[5] Головнев А. В. Антропология путешествия: от imago mundi до selfie // Уральский ист. вест. 2016. № 2 (51). С. 11.

[6] Майга А. А. Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура. 2014. № 3 (37). С. 255.

[7] Севела М. Указ. соч. С. 27.

[8] Рус. пер.: Дюма А. Путевые впечатления: в России. М., 1993. Т. 1–3; Дюма А. Из Парижа в Астрахань. Свежие впечатления от путешествия в Россию. М., 2009; Дюма А. Собрание сочинений. М., 2010. Т. 73, 74; Готье Т. Путешествие в Россию. М., 1988. В справочном аппарате этих работ содержится подробный анализ путешествий указанных авторов по нашей стране.

Южный Урал и к уральским казакам. Первая часть его маршрута представляет собой заметки очевидца, наблюдающего жизнь населения России в основном с палубы парохода. «Путешествие на пароходе, – отмечает современный исследователь литературы травелогов, – не предполагает физического контакта с окружающим. Путешественник находится в состоянии созерцателя, фланера, он не испытывает физической нагрузки, не преодолевает пространство, а свободно движется мимо него. Преобладает не пространство, а впечатление о нем… Зрение становится основным инструментом восприятия… Ракурс обзора в речном путешествии – линейный, взгляд прикован к линии берега, пространство сгруппировано вдоль оси реки… Пространство берега предстает неким складом артефактов местной жизни. Вглядываться не позволяет скорость путешествия, и это, безусловно, накладывает отпечаток на характер восприятия. Описание впечатления больше напоминает зафиксированную копию окрестного пейзажа – быструю фотографию, в основе которой лежит репортажное воспроизведение»[9]. П. Лаббе и сам признается, что с палубы много не увидишь, а с учетом того, что на подверженной широким весенним разливам Волге населенные пункты стоят далеко от берега, возможности путешественника и вовсе ограничиваются в основном пристанями. Поэтому обычными эпитетами, которыми П. Лаббе награждает волжский пейзаж, являются прилагательные «скучный», «неинтересный», «унылый» и т. п. Впрочем, монотонность российского ландшафта – это общее место у многих зарубежных путешественников, в частности А. Дюма.

И еще одно важное замечание. Скорость, с которой передвигался на пароходе автор настоящей книги, для конца XIX в. была уже не предельной. Железная дорога позволяла преодолевать пространства еще быстрее, но она никак не подходила для путешественника, поскольку сводила к минимуму возможности наблюдений, ради которых П. Лаббе и оказался в России. Поэтому этот вид транспорта им совершенно игнорируется. А если того требовали обстоятельства, например необходимость тщательной фиксации окружающей действительности, автор смело прибегал к использованию медленных и архаичных средств передвижения – тарантасов и телег. Все это, однако, не говорит о том, что путешественник был чужд технических новинок: как было сказано, самым современным фотоаппаратом он пользовался часто и весьма эффективно.

В описании П. Лаббе абсолютно доминирует характерная для «Путешествия в Россию» Т. Готье «импрессионистичность», фиксирующая лишь то, что попало в поле зрения писателя.[10] Причем эта тенденция наиболее сильно выражена в рассказе о путешествии по Поволжью и ослабевает, когда автор оказывается на Южном Урале или у казаков. Если освоение культурного пространства нашей страны у Т. Готье и, в частности, у его предшественника А. Мериме («Один год в России», 1847) происходит через эстетику дуально противоположных времен года (сочинения обоих авторов состоят из двух частей – «Зима» и «Лето»[11]), то П. Лаббе познает выбранный им для изучения регион исключительно летом. Однако в его книге также прослеживается дуалистичный подход, только он не поэтический, как у названных выше авторов, а скорее цивилизационный, в котором относительно культурное Поволжье противопоставлено дикому Южному Уралу (точнее, той его части, которая не затронута цивилизацией) и представляющему собой смесь варварства и цивилизации уральскому казачеству. И все же Россия в описании П. Лаббе – страна весьма традиционная, с едва пробивающимися сквозь плотный слой архаики отдельными

---

[9] Власова Е. Г. «Дорожные дискурсы» уральского травелога XVIII – начала XX вв. // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 6. С. 118.

[10] Подробнее см.: Ощепков А. Р. Россия в книге Т. Готье «Путешествие в Россию» // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 2. С. 155.

[11] Там же. С. 154, 156. У А. Мериме раздел «Лето» посвящен Москве, а «Зима» – Санкт-Петербургу.

островками модернити, которые сами все пронизаны традиционализмом. Вместе с тем, оценивая ее в своей, «цивилизованной» системе координат, автор делает это с большим уважением: период франко-русского сближения сказался на творчестве П. Лаббе в полной мере.

Значительная часть книги посвящена описанию поездки к башкирам современных Ишимбайского и Альшеевского районов Республики Башкортостан[12]. Если до этого автор в основном наблюдал жизнь с палубы парохода, то теперь, свернув с широкого тракта, слез с тарантаса и углубился в местность, которую редко посещали путешественники. Архаичность башкирского мира, описанного П. Лаббе, подчеркивается и старинным способом путешествия по нему, применявшимся только в XVIII в.: верхом или на повозке. Сам автор вряд ли осознавал (как будет показано ниже, труды предшественников, как французов, так и русских, посещавших эти места, ему были, скорее всего, неизвестны), что попал не просто в другой мир, но и в другую эпоху, к башкирам времен Екатерины Второй, ставших объектом описаний путешественников эпохи Просвещения, а его путешествие в Башкирию и по направлению, и по способам перемещения сильно напоминало академические экспедиции на Урал в XVIII в.

Дискурс описания уральского пространства в те годы, во времена поездок П. Палласа и И. Лепехина, «определялся самым тесным взаимодействием путешественника с окружающим ландшафтом. Путешествия этого типа наполнены тактильными контактами. В них преобладает ощущение тесноты пространства, его плотности и труднодоступности. Лес вдоль дорог стоит стеной… Плотность контакта с окружающим миром проявляется также в спонтанном этнографизме путевых записей: путешественник останавливается у местных жителей, включается в их быт, становится свидетелем их обрядов. Тесный контакт с культурой коренных народов приводит и к знакомству с национальной кухней. В образ пространства начинают проникать вкусовые впечатления путешественников»[13]. Все это мы наблюдаем и в описании путешествия П. Лаббе к башкирам. Он обращает внимание читателя на дремучий лес, через который только и можно попасть в неведомую полукочевую культуру[14], на труднопреодолимые горные массивы, на постоянные препятствия-границы в виде рек, на непривычные для европейца блюда, которые есть противно, но приходится. Триединство горы, леса и реки, определяющие специфику уральского пространства[15], проявляется в описаниях П. Лаббе в полном объеме.

П. Лаббе, в соответствии с существовавшей тогда в русской науке классификацией[16],

---

[12] В то время понятие «Башкирия» носило культурно-географическое значение, точных границ ее не было. Поэтому в другой своей работе П. Лаббе уточнял: «Под Башкирским краем в данном исследовании подразумевается преимущественно Стерлитамакский уезд, который я прошел вдоль и поперек и который составляет основу Башкирии, населенную как степными башкирами, изменившими свой образ жизни под влиянием прибывших сюда переселенцев и новой ситуации, так и горными, полностью избежавшими русского влияния» (Лаббе П. Русская колонизация в Башкирии // Протонации Южного Урала и Среднего Поволжья во французских репрезентациях XVIII – начала XX вв. СПб, 2015. С. 88). Подробное экономическое описание этой территории см.: Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Самара, 1899. Т. II. Стерлитамакский уезд.

[13] Власова Е. Г. Указ. соч. С. 116.

[14] Глухие места восточной части Стерлитамакского уезда, в частности Гирей-Кипчакская волость, где побывал П. Лаббе, действительно представляли тогда сплошной лесной массив: Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. II. С. 679.

[15] Власова Е. Г. Указ. соч. С. 117.

[16] Малиев Н. Антропологический очерк башкир: публичная лекция // Труды общества естествоиспытателей при Казанском университете. Казань, 1876. Т. 5, вып. 5. С. 32.

подразделяет башкир на степных и горных (в современной литературе – горнолесных), отмечая, что последние лучше всего сохранили характерные особенности своей традиционной культуры.[17] Конечно, автор настоящей книги не был профессиональным этнографом. Он скорее журналист-путешественник, чем строгий ученый.[18] Неизвестно, изучал ли он предварительно по имеющейся литературе те места, которые планировал посетить. Во всяком случае, из текста книги не видно, что ему были знакомы сочинения путешественников, которых мы назовем ниже. В этом он продолжает традицию Т. Готье, который, как известно, описывал почти «исключительно непосредственные авторские впечатления от России… Готье не пытается блеснуть эрудицией, демонстрируя свои познания о России, не дает никаких исторических экскурсов, справок, отсылок»[19].

Между тем что касается Башкирии, то до П. Лаббе в ней уже побывали известные французские исследователи Ф. Лепле, Ш.-Э. Уйфальви, П. Ж. Камена д'Альмейда[20], собравшие этнографический, антропологический и фольклорный материалы; публикации, сделанные ими по итогам своих поездок, сформировали у французской научной общественности представления об этом народе, в частности его происхождении и культуре.[21] Правда, в отличие от них записки П. Лаббе были рассчитаны на более широкого читателя, они насыщены бытовыми подробностями, личностными характеристиками, передают атмосферу, в которой живут его собеседники, хотя автор не всегда бывает точен в тех областях, которые требуют глубоких научных знаний. Исторические экскурсы, которые в предлагаемой читателю книге в отличие, скажем, от путевых записок А. Дюма сведены к минимуму, не являются сильной стороной автора.

Так, например, объяснение П. Лаббе происхождения башкир от массагетов – это крайнее упрощение проблемы, причем большинство его современников высказывались по этому вопросу иначе, более основательно и, как показало дальнейшее развитие науки, в основных чертах верно. В частности, соотечественник П. Лаббе, востоковед и

---

[17] Именно в восточной части Стерлитамакского уезда, куда отправился П. Лаббе, у зажиточных башкир еще продолжал эпизодически сохраняться прежний кочевой тип хозяйства (Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. II. С. 51), который, однако, был больше данью традиции, чем экономической необходимостью (Усманов Х. Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. М., 1981. С. 129). Более подробное, чем у П. Лаббе, описание см.: Никольский Д. П. Из поездки к лесным башкирам. М., 1895.

[18] Севела М. Указ. соч. С. 26.

[19] Ощепков А. Р. Указ. соч. С. 155.

[20] Le Play F. Les ouvriers européens: étude sur les travaux, la vie domestique et la condition morale des populations ouvrières de l'Europe; précédées d'un exposé de la méthode d'observation. 2 ed. Paris: A. Mame et fils, 1877. Vol. 2. P. 1–46 (рус. пер.: Из работы Ф. Лепле «Башкиры – скотоводы, ведущие полукочевой образ жизни (Восточная Россия)» // Документы и материалы по истории башкирского народа (1790–1912) / сост. А. З. Асфандияров, Р. Н. Рахимов, Ф. Г. Хисамитдинова. Уфа, 2012. С. 214–261); Ujfalvy de Mezö-Kovesd Ch. Expédition scientifique française en Russie, en Sibérie et dans le Turkestan. Vol. 3. Les Bachkirs, les Vêpses et les Antiquités finno-ougriennes et al-taïques. Paris: E. Leroux, 1880. P. 51–71 (рус. пер.: Уйфальви де Мезо-Ковезд Ш.-Э. Страна башкир на Урале // Протонации Южного Урала и Среднего Поволжья во французских репрезентациях XVIII – начала XX вв. / пер. с фр. Л. Ф. Сахибгареевой. С. 60–71); Camena d'Almeida P. La colonisation russe dans les gouvernements d'Oufa et d'Orembourg // Annales de Géographie. 1899. Vol. 8, № 38. P. 127–140 (рус. пер.: Камена Д'Альмейда П. Ж. Русская колонизация Уфимской и Оренбургской губерний // Протонации Южного Урала и Среднего Поволжья во французских репрезентациях XVIII – начала XX вв. С. 72–85).

[21] Нельзя не отметить и работу итальянского исследователя и путешественника С. Соммье, также оставившего описание своего посещения башкир: Sommier S. Un estate in Siberia fra Ostiac-chi, Samoiedi, Sirieni, Tatari, Kirhisi e Baskiri. Firenze; Torino; Roma: Ermanno Loescher, 1885 (рус. пер.: Соммье С. Лето в Сибири среди остяков, самоедов, зырян, татар, киргизов и башкир. Томск, 2012. С. 541–580).

путешественник Ш.-Э. Уйфальви, суммировав сведения, известные к тому времени науке, и используя результаты собственных антропологических и этнографических изысканий, в 1880 г. пришел к выводу, что «башкиры проживают на своей нынешней родине с глубокой древности, являются угро-финским племенем, принявшим язык своих завоевателей – татар», и «только антропология в состоянии дать нам точные сведения об их происхождении»[22]. Согласно П. Ж. Камена д'Альмейда, башкиры «были финского происхождения, но впоследствии тюркизировались»[23].

Нельзя сказать, что П. Лаббе был первопроходцем изучения процесса российской колонизации Башкирии, особенностей решения правительством России земельного вопроса у башкир. Эти проблемы не только подробно изучались русскими коллегами ученого, но рассматривались, в частности, в уже упоминавшейся статье П. Ж. Камена д'Альмейда. Тем не менее автор изучил этот вопрос гораздо подробнее, чем его предшественник.[24] Наряду с этим П. Лаббе дополняет статистические данные своими наблюдениями – метод, который в середине XIX в. уже использовал применительно к башкирам французский социолог Ф. Лепле. Это позволило исследователю сделать вывод, что реальная арендная цена башкирских земель была выше той, которая указывалась в акте купли-продажи, поскольку включала в себя еще и нигде не оговариваемую сумму, длительное время уплачиваемую переселенцами башкирам в качестве взяток.

Согласно П. Лаббе, такая «наценка» составляла до 5 руб. за десятину. Если учесть, что, по его мнению, средняя цена аренды десятины земли не превышала 40 коп. в год, то становятся понятными последующие попытки арендаторов перехитрить арендодателей – они хотели вернуть себе затраты на взятки. Разумеется, поверхностные и кратковременные наблюдения П. Лаббе нельзя считать универсальными. Земельный вопрос в Башкирии был сложным и решался различными способами, некоторые из которых вызывали у демократической общественности страны возмущение, выливавшееся на страницы местной и столичной прессы. П. Лаббе, проведя собственное исследование этой проблемы, внес в ее понимание определенные нюансы, которые, к сожалению, не учитывает даже современная региональная историография, однозначно оценивающая земельную политику Уфимской губернии как «грабительскую» и колонизаторскую, в которой коренному населению отводится роль постоянно обманываемого субъекта.

Вернувшись из поездки по Поволжью и Уралу в Париж П. Лаббе предварительно издал две статьи о своей поездке в Башкирию. Одна из них была академической[25], вторая рассчитана на более широкого читателя.[26] Часть помещенных в них сведений не вошла в настоящую книгу, поэтому наиболее интересные фрагменты, дополняющие ее, приводятся

---

[22] Уйфальви де Мезо-Ковезд Ш.-Э. Страна башкир на Урале // Протонации Южного Урала и Среднего Поволжья во французских репрезентациях XVIII – начала XX вв. С. 63.

[23] Камена Д'Альмейда П. Ж. Русская колонизация Уфимской и Оренбургской губерний // Там же. С. 82.

[24] Современный взгляд на эту проблему см.: Усманов Х.Ф. Указ. соч. С. 56–103; 2006; История башкирского народа / гл. ред. М. М. Кульшарипов. СПб, 2011. Т. IV. С. 261–274; Steinwedel Ch. Threads of empire: loyalty and tsarist authority in Bashkiria, 1552–1917. Bloomington, 2016.

[25] Labbé P. La Colonisation russe en Bachkirie // Bulletin du Comité des travaux historiques et scientifiques section des sciences économiques et sociales. Paris, 1900. Année. P. 34–55 (рус. пер.: Лаббе П. Русская колонизация в Башкирии. С. 86–107).

[26] Labbé P. Voyage dans l'Oural (en Bachkirie) // Le Tour du Monde. Journal des voyages et des voyageurs. Nouvelle série. 6e année. 1900. 2e semestre. P. 613–624 (рус. пер.: Лаббе П. Путешествие на Урал (в Башкирию) // Протонации Южного Урала и Среднего Поволжья во французских репрезентациях XVIII – начала XX вв. С. 109–123).

нами в примечаниях.

7 августа 1898 г. П. Лаббе прибыл в Оренбург, где находился восемь дней. Приехав на Меновой Двор, гость и оренбургские купцы позавтракали в киргизской (казахской) жуламейке – небольшой дорожной юрте. Прибывшие привлекли внимание находившихся на Меновом Дворе по торговым делам татар, бухарцев, хивинцев, киргизов. Для гостей заиграла музыка и был исполнен татарский танец. Воодушевленный приемом, П. Лаббе 11 августа посетил приют для детей-сирот и пожертвовал 50 рублей в их пользу.

23 августа П. Лаббе вместе с управляющим губернией вице-губернатором И. Н. Соколовским побывал в Илецке (ныне г. Соль-Илецк), где «в присутствии вице-губернатора и Лаббе был произведен на почвоуступных работах пороховой взрыв целины штока соли, представившей оригинальное, весьма красивое зрелище…».

24 августа французский гость посетил известного оренбургского краеведа и собирателя фольклора Г. С. Рыбакова (1867–1921), который продемонстрировал несколько образцов татарских и башкирских песен, обработанных для пения с сопровождением фортепиано и предназначаемых к печати. Музыкальность некоторых напевов превзошла ожидания Лаббе. Особенно понравилось пение киргизов (казахов) с аккомпанементом на их музыкальном инструменте – домбре. 27 августа П. Лаббе посетил профессионально-педагогическую выставку Оренбургского учебного округа, где интересовался «изделиями учеников из киргиз и башкир».

Из Оренбурга путешественник в начале сентября 1898 г. отправился в Уральск для изучения быта уральских казаков, посетил г. Гурьев, а затем поспешил во Францию «так как он состоит в числе распорядителей по устройству предстоящей в Париже Всемирной выставки…» (она состоялась в 1900 г., и П. Лаббе курировал со стороны Франции экспозицию России). На память об Оренбурге путешественник получил в подарок альбом фотографий с видами губернского центра. В канун 1899 г. он прислал оренбуржцам новогоднюю телеграмму, в которой писал: «Я никогда не забуду приема, который оказал мне ваш город во время исполнения мною моего поручения…»[27]

Последняя часть книги посвящена рассказу о поездке автора к уральским казакам. Как и первая часть, она не несет особой оригинальности и больше похожа на газетный репортаж, чем на имеющее этнографическую ценность исследование. К тому времени литература о культуре и быте уральского казачества была довольно обширной. Достаточно назвать работы И. И. Железнова и А. Д. Рябинина.[28] Существовали гораздо подробные, чем у П. Лаббе, описания казачьего рыболовства.[29] Но для широкого французского читателя эта информация была совершенно неизвестна. Тем более что в книге П. Лаббе она подана на широком фоне типажей и нравов большинства слоев населения Уральской области.

Стремление образованного французского обывателя понять Россию, характер и нравы ее населения, в эти годы было особенно сильным и породило большой объем научной, публицистической и художественной литературы: даже действие девяти романов Ж. Верна,

---

[27] Подробнее о пребывании П. Лаббе в Оренбурге см.: Судоргина Т. «Симпатии останутся вечно неизменными…» // Вечерний Оренбург. 1998. 19 авг.; Исковский А. Увидеть Оренбург и… сфотографировать // Вечерний Оренбург. 2011. 11 янв.

[28] Железнов И. И. Уральцы: очерки быта уральских казаков. М., 1858. Ч. I–II; Рябинин А. Д. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 22. Уральское казачье войско. Ч. I–II. СПб, 1866.

[29] Данилевский Н. Я. Описание уральского рыболовства // Исследование о состоянии рыболовства в России. Т. III. Уральские рыболовства. СПб, 1860; Рябинин А. Д. Указ. соч. Ч. I. С. 182–214. Вскоре после поездки П. Лаббе, но еще до выхода его книги были опубликованы подробные этнографические очерки уральского рыболовства: Бородин Н. А. Уральские казаки и их рыболовства. СПб, 1901; Хорошихин И. П. Краткое описание рыболовств Уральского казачьего войска. СПб, 1902.

никогда не бывавшего в нашей стране, происходит в России. Конечно, от автора, в течение лета и отчасти осени объехавшего и затем охарактеризовавшего в своей книге огромную территорию, нельзя было ожидать разработки полноценной модели российской цивилизации, да он и не ставил перед собой этой цели. Россию, даже ее часть, нельзя объективно описать в небольшом сочинении.

Естественно, выбор П. Лаббе местностей, тем и сюжетов субъективен и не может ни в малейшей мере претендовать на репрезентативность. Скорее, это отдельные живые, сочные и занимательные мазки, но никак не академический отчет. Не зря французский издатель, анонсируя выход «По дорогам России…», отмечал, что книга П. Лаббе читается как роман.[30] Его сочинения были рассчитаны на широкого читателя, которому хотелось узнать о неизвестных землях, расположенных на территории России, которая во время его путешествий была одним из лучших друзей Франции. Как справедливо заметила М. Севела, П. Лаббе «прежде всего замечательный рассказчик», с «живым языком, не лишенным иронии (и самоиронии)»[31]. Юмор, пронизывающий эту и остальные книги автора о России, кроме придания им занимательности выполнял и важную социальную функцию: он способствовал разрушению тех негативных стереотипов восприятия нашей страны в глазах французов, которые сложились у них от чтения сочинений Ж. Ш. д'Отроша, А. де Кюстина и ряда мемуаров ветеранов наполеоновских войн.

За книгу «По дорогам России от Волги до Урала» Французская академия «бессмертных» (Académie Française) в 1906 г. наградила П. Лаббе Фабианской премией, учрежденной в 1897 г. для авторов, «которые предложили наиболее справедливые, эффективные и реальные пути для улучшения морального и материального положения наиболее многочисленного класса».

Примечания автора помечены как «прим. авт.», научного редактора книги – без обозначения. Части I–II и гл. 8–10 части III переведены А. Ш. Губайдуллиной, гл. 11 части III – Л. Ф. Сахибгареевой.

И. В. КУЧУМОВ,
кандидат исторических наук

---

[30] L'Est Républicain. 1904. 14 nov. P. 3.

[31] Севела М. Указ. соч. С. 30.

Поль Лаббе

Часть первая
Путешествие по Аолге

Глава первая
Волга – На русском пароходе – Нижний Новгород и ярмарки

«Матушка Волга», как любовно называют ее русские крестьяне в своих песнях и сказаниях, является крупнейшей рекой Европы. Она, в отличие, например, от Дуная, не связывает торговлей несколько стран, а протекает по территории одного государства и впадает во внутреннее море. И тем не менее эта река, соединяя русских с Каспийским бассейном, обеспечивает России торговлю с Персией и Центральной Азией, а также играет важную роль в экономике империи.

Поволжье в три раза превосходит площадь Франции и охватывает девять губерний, по реке ходят тринадцать сотен пароходов и около тридцати тысяч грузовых судов, груженных дровами, углем, керосином, солью, соленой рыбы, скотом, персидскими и туркестанскими товарами.

Вблизи Твери ширина Волги составляет 200 м, около Костромы – 600 м, у Нижнего Новгорода – 760 м, а под Саратовом превышает 4800 м. В период весеннего паводка она разливается еще шире. Зимой, длящейся здесь пять месяцев, навигация прекращается, а летом река сильно мелеет. В это время речные суда либо вообще стоят на приколе, либо опаздывают на несколько часов и даже дней. При подходе к Астрахани фарватер реки постепенно заиливается. Система каналов связывает Волгу с другими реками России, облегчая и удешевляя транспортировку грузов внутри империи.

Вплоть до Твери могут ходить только маломерные суда, крупнотоннажные – только от Нижнего Новгорода вниз по течению. Однако русские и иностранные путешественники зря игнорируют верховья Волги. В Твери, например, имеется несколько восхитительных церквей, есть своя изюминка и в Рыбинске – процветающем, но скучноватом купеческом городе. Что касается Ярославля, то это самый очаровательный и живописнейший из всех

русских городов, который в последнее время вообще похорошел благодаря торговле. Когда завершится строительство железной дороги на север, он станет крупной станцией на протяженной магистрали, которая свяжет Москву с Архангельском, а Центральную Россию – с берегами Белого моря.

Всякий любитель русского искусства должен обязательно побывать в этом городе и увидеть великолепные шедевры его церковной архитектуры, в частности храм Иоанна Крестителя (Иоанна Предтечи), построенный в 1680 г. Его великолепные фрески иллюстрируют старинные жития святых.[32] Тот, кто не посетил Ярославля, многое потерял, поскольку, например, Кострома, расположенная ниже по течению, уже не столь живописна и не так богата росписями и величественными сооружениями.

В этих местах река не столь широка и позволяет увидеть с палубы парохода немало интересного. Местное население состоит из славян, и лишь с Нижнего Новгорода начинают попадаться представители финских, татарских и монгольских рас. На берегах можно увидеть угро-финнов, пермяков, мордву, чувашей и черемис, калмыков, татар, турок, киргизцев[33] и другие народности, названия коих я уже и не припомню.

Суда, используемые на крупных русских реках, как правило, весьма комфортабельны, ведь путь по Двине, Волге, Оби, Лене или Амуру нередко занимает 8–10 дней. Путешествие по Волге – это, как я уже сказал, обычная поездка, которая у русских всегда вызывает восторг, хотя, конечно, туры по Финляндии, Кавказу или восхитительному Крыму могут показаться более увлекательными. Берега Волги и ее притоков довольно однообразны, и хотя там можно найти немало живописных мест, обычно прибрежная полоса состоит из песка и, как правило, низкая; противоположный же берег более крутой. Изб здесь мало, они стоят вдалеке от берега на сваях, поскольку во время паводка река сильно разливается вширь.

Церковь в Ярославле

На пути следования постоянно встречаются бурлаки, тянущие длинные баржи с гурьевской икрой, астраханскими кожами, бакинским керосином, азиатским чаем, самарским хлебом, салом и киргизским скотом. По воде медленно плывут бесчисленные плоты, идущие

---

[32] Церковь Иоанна Предтечи в Толчкове – один из знаменитейших памятников ярославской архитектуры. Объект культурного наследия (памятник истории и культуры) федерального значения. Строилась с 1671 по 1687 г. в Толчковской слободе, на правом берегу Которосли. 45-метровая колокольня была построена позже, в 1690 г. Роспись велась в 1694–1695 гг. артелью ярославских живописцев во главе с Дмитрием Плехановым и Фёдором Игнатьевым. В оформлении стен использованы изразцы. Пятнадцать глав церкви разбиты на три группы. Изображена на оборотной стороне банкноты номиналом 1000 рублей Банка России образца 1997 г.

[33] Киргизы (киргизцы) – устаревшее название казахов.

из костромских лесов, с причаливающих к судам маленьких баркасов местные жители предлагают пассажирам и кокам карпов, подкаменщиков, стерлядей и осетров.

Крупные русские реки очень широки, поэтому жизнь прибрежного населения остается для путешественника тайной за семью печатями. За один день плавания по Рейну, Эльбе и Роне можно увидеть больше, чем за неделю круиза по Волге, но русские к этому давно привыкли.

Днем монотонность волжского пейзажа утомляет и раздражает, но вечером, и особенно после захода солнца, начинаешь ощущать величие этой огромной реки. О, какие там дивные закаты! А насколько восхитительна ночь, что постепенно обволакивает корабль! Вода как бы покрывается тонкой пленкой, и вы теряете ориентацию в пространстве. То тут, то там вспыхивают красные или зеленые огни проходящих где-то рядом огромных судов. На реке царит абсолютное безмолвие, изредка прерываемое жалобным криком вспугнутой чайки, то и дело тишину нарушают всплеск весел и пение, раздающееся из медленно плывущей по течению лодки.

Но если за бортом корабля жизнь кажется унылой, то на палубе все наоборот. С вами едут татары и евреи, пытающиеся всучить вам свой товар даже здесь, реже можно встретить чувашей, подвижных и веселых мордвинов, суровых и молчаливых калмыков и башкир, обходительных и словоохотливых китайцев, еще реже – киргизцев и туркменцев, и в избытке персов и армян; последние промышляют торговлей, причем делают это лучше татар и склонны к жульничеству. С армянами, которые съели на ростовщичестве пуд соли, вообще следует держать ухо востро.

Ну и, наконец, большинство пассажиров речных судов составляют русские. Что бы ни произошло с кораблем – опаздывает ли он, сядет ли на мель или припозднится в пункт назначения, – они всегда отнесутся к этому со смирением: на все, мол, воля божья! Главная черта русского человека – это терпение, которое, он верит, ему обязательно воздастся. Русские не полагаются на власти, знают, что корабль обязательно прибудет с опозданием, и, в отличие от нас, понимают, что не пароходства обслуживают путешественников, а путешественники предназначены для пароходств. Для русского главное, чтобы было побольше водки и закуски, чтобы дымился самовар, чтобы под рукой всегда были игральные карты, а вокруг – веселая компания. Зачем зря переживать: пароход рано или поздно все равно придет к месту назначения. Время для русских – понятие растяжимое, поэтому все они по сути философы.

Пристани и люди на них почти везде одинаковы. Обычно селения располагаются на крутом берегу далече от причала, но иногда все же можно увидеть сараи, примитивные избы, а вдалеке деревянный городок, с домами, теснящимися вокруг выбеленной известкой церкви с красным или зеленым куполом. Услышав корабельный гудок, люди пешком, на повозках или верхом устремляются к пристани.

Пассажиры гуськом идут по понтону, впереди всегда вышагивает, как правило, поддатый полицейский. С борта бросают сходни, и все, активно работая локтями, устремляются на этот шаткий и опасный мостик. Пристани притягивают множество нищих. Вот старик, сквозь лохмотья которого выглядывает иссушенное тело, клянчит у пассажиров милостыню, обращаясь к ним то «батюшка», то «дружок», другие демонстрируют рубцы и гноящиеся язвы на ногах, лица, обезображенные ужаснейшей из всех болезней[34].

Матросы и грузчики гонят всех их прочь. Монашки, кажется, не мывшиеся с тех пор, как приняли постриг, выпрашивают пожертвования своим монастырям, крестьянки громко зазывают покупателей:

– Возьми мою земляничку, батюшка!

– Купи-ка молочка, хозяин!

– Смотри, какой у меня вкусный хлеб!

---

[34] Речь идет о проказе (лепре).

Тут же к услугам путешествующих стоят дрожки, кои, кажется, помнят еще времена Екатерины Великой[35]. Ими управляют одетые в тяжелые, усыпанные блохами кафтаны кучера, в густых и длинных бородах которых, никогда не знавших гребня, полно хлебных крошек, табака и пыли.

На маленьких пристанях пассажиров садится мало, но каждый тащит с собой огромное количество пожитков. Толстощекие и чумазые ребятишки цепляются к женским юбкам. Совсем уж мальцов, одетых в простые цветные рубашонки, бабы несут, как узлы с грузом, под мышкой, и их голые ножки болтаются в воздухе.

Звеня шпорами, с гордо поднятой головой поднимается на палубу обер-офицер с саблей. Расступившись перед ним, пассажиры затем вновь сбиваются в толпу, причем одни пытаются занять места получше, а другие проскочить без билета. Чего только не увидишь перед окошком кассы! Мимо простых татар, едущих в третьем или четвертом классе со своими закутанными в покрывала благоверными, движется их спесивый соплеменник-богач в сопровождении одетых на русский манер и с открытыми лицами жен. Он старается походить на русского, но его выдает физиономия. А вон идет длинноволосый рыжий поп с женой и целым выводком детей. Наконец, появляется русская семья с носильщиками, нагруженными подушками, матрацами, одеялами, зонтиками, сумками, чемоданами, сундуками и самоварами. Юноши откровенно пялят глаза на женщин, среди коих особенно выделяются своими несуразными платьями и дородностью форм купчихи.

Едва пароход отчаливает, новые пассажиры укладываются спать, отдыхают или приступают к еде. Из сумок вынимаются чай, икра, колбаса, сыр, коробки с сардинами, булки и водка, салфетки, носовые платки и сигареты, в самовар заливается вода. Все рассаживаются за столы и начинают есть.

Всю ночь напролет люди режутся в карты. Некоторые азартные игры на кораблях запрещены, но капитан и сам не прочь поиграть с пассажирами.

На палубе беспрерывно звучит фортепиано. Хотя русские изумительно музыкальны и среди них встречаются великолепные исполнители, они, по причине собственной лени, являются самоучками.

Пассажирские классы мало отличаются друг от друга, разве что третий и четвертый выглядят чуть попроще. Русские не обращают внимания на социальные различия, поэтому уже через несколько часов все пассажиры и даже команда корабля стали моими приятелями.

Мужики спят на палубе на спине или на брюхе прямо в одежде, разбросав в стороны разутые ноги, их жены посапывают рядом в тех же позах, в расстегнутых рубахах, в обнимку с ребенком, сосущим грудь. Проснувшись, они едят, играют в карты, орут песни и пляшут под гармошку. Ссорятся они часто и жестоко, ночью могут предаться любовным утехам прямо на палубе. Помню, возвращался я как-то в Нижний Новгород по Оке, одному из крупнейших притоков Волги. Перегнувшись через перила, я увидел внизу сидящего на самом носу корабля матроса, в чьи обязанности входило следить за фарватером реки на мелководье. Разложив землянику, огурцы и чай, он вздумал перекусить. Недалеко, на канатной бухте, притворившись спящей, лежала дородная крестьянка. Она украдкой подглядывала за матросом, а он тоже заинтересованно посматривал на эту бабенку в теле. Сперва они перемигнулись, затем улыбнулись друг другу, потом он угостил ее земляникой, и как только достал бутылку водки, она принялась пить ее прямо из горла, многозначительно задрав подол юбки. Тем временем решительная рука матроса постепенно поднималась по мясистой ляжке крестьянки все выше и выше… То, что произошло дальше, описывать здесь, конечно, нельзя, но на следующий день я не удержался и поздравил его с успехом. Он захохотал и восхищенно заметил:

– Удивительно, сколько баба может выпить!

За время плавания мы стали с ним закадычными друзьями, добрый малый оказался

---

[35] Екатерина II Алексеевна Великая (1729–1796) – императрица Всероссийская с 1762 г.

любителем хлебнуть и затем поговорить по душам. Когда один пассажир однажды сообщил ему, что я француз, он удивленно посмотрел на меня и спросил:

– Так ты что же, оказывается, не наш? Вот так новость! Я никогда бы не подумал, что вы такие же, как мы!

До этого сей матрос полагал, что иностранец должен чем-то отличаться от его соотечественников. На мой вопрос, знает ли он, где находится Франция, парень ответил утвердительно. Для него, как, впрочем, и для большинства русских мужиков, Россия была окружена морем, а Франция располагалась за ним. Пытаясь рассеять его заблуждение, я сказал, что из Парижа в Петербург можно попасть по железной дороге.

– Врешь, братец, – не поверил мне матрос, – уж я-то знаю, как есть на самом деле, у меня сродственник жил в Петербурге, так вот он мне рассказывал, что твой царь приплыл к нашему на пароходе![36]

Мне пришлось признаться самому себе, что матрос отчасти был прав.

Тем временем наш пароход приближался к устью Оки. Справа на крутом склоне Дятловых гор[37] постепенно появлялся Нижний Новгород, изумительно красивый благодаря своим разноцветным колокольням и зеленым террасам, а на противоположном, низком, берегу стоял еще один город, оживающий только на два месяца в году во время известной на весь мир ярмарки.

Нижний Новгород, или, как попросту называют его мужики, Нижний, с палубы корабля или правобережья Оки выглядит просто очаровательно. Недалеко от слияния ее с Волгой летом устанавливают большой понтонный мост, который после закрытия ярмарки разбирают: весной его может унести во время ледохода, а зимой через реку переправляются на санях.

В город можно подняться по зигзагообразной дороге, но путь можно сократить, если воспользоваться лестницей или запущенным несколько лет назад электрическим фуникулером. С прорезанных глубокими оврагами Дятловых гор открывается чудесный вид на Оку и Волгу, ширина их в этих местах составляет примерно по семьсот метров. Посреди Оки расположен длинный песчаный остров, который в паводок почти полностью уходит под воду, поэтому дома там стоят на сваях. На огромной равнине прямо у реки раскинулся большой город, состоящий из бараков, магазинов и лавок, открывающихся только во время ярмарки. По Волге и Оке плавают большие суда наподобие американских, а также буксиры, плоты и рыбацкие лодки. На окраине Нижнего Новгорода возвышается красивая Рождественская церковь с белоснежной резьбой и красными стенами, немного напоминающая загородный дом. [38] Спасо-Преображенский собор выглядит не столь привлекательно – это большое четырехугольное и унылое сооружение, но с довольно красивыми стенными росписями.[39]

Я четыре раза бывал в Нижнем Новгороде и всегда восхищался его просторными улицами, большими домами, широкими и ухоженными лавками. В городе всегда царит суета, в нем множество мужиков, одетых в черные и белые бараньи тулупы мехом вовнутрь,

---

[36] Речь идет о визите президента Франции Ф. Фора 11(23)–14(26) августа 1897 г. Он прибыл в Кронштадт на флагманском броненосце «Потюо» в сопровождении кораблей французской эскадры.

[37] Дятловы горы – семь холмов, расположенных по правым (высоким) берегам рек Ока и Волга в месте их слияния. На них был основан Нижний Новгород.

[38] Церковь Собора Пресвятой Богородицы, более известная как Рождественская или Строгановская, – действующая православная церковь, расположенная на Рождественской улице Нижнего Новгорода. Построена в 1696–1719 гг.

[39] Спасо-Преображенский кафедральный собор находился в юго-восточной части Нижегородского кремля. Построен в 1830–1834 гг., в 1929 г. взорван.

а грязной и плохо выделанной кожей наружу. Мужчины и женщины одеваются и обуваются почти одинаково, поэтому их можно различить только по наличию бороды.

На вершине холма вблизи большой площади возвышается Нижегородский кремль с одиннадцатью башнями и бульваром; его Дмитриевская башня датируется 1374 г.[40]Итальянский архитектор Петр Фрязин[41] соорудил кремль в 1511 г., но позднее его не раз перестраивали. С башни открывается восхитительный вид на красавицу Волгу с ее большими зелеными и желтыми островами, на бескрайнюю степь, затапливаемую весной. Над рекой нависают террасы прекраснейшего Александровского сада[42]. Спустившись по крутой и извилистой дороге, я оказался у увенчанных зелеными крышами белых стен Печерского монастыря[43]. Рядом уютно расположилось кладбище[44]. Когда я бродил среди могил, ко мне подошел высокий монах и пригласил заглянуть в монастырские покои.

– В Нижнем, – заявил он мне, – весело бывает только во время ярмарки. В эти дни все радует глаз, пейзаж кажется прекраснее преимущественно за счет красивых женщин!

Заметив мое удивление, он пояснил:

– Я говорю так, потому что Вы француз, а они, как известно, думают только о женщинах.

– Ну, это не совсем так, – расхохотался я, – хотя, конечно, святой отец, без женщин мужчинам никак нельзя!

– И женщинам без мужчин тоже… – с довольным видом произнес монах.

Ярмарка, о которой говорил батюшка, проводится ежегодно с 15 июля до конца августа.[45] Когда-то центром торговли была ханская Казань, и, завидуя ее успеху, царь Иван III[46] основал свой торг в устье Суры, вблизи деревни Васильсурск[47] и нынешнего Черемисского монастыря[48]. Вскоре эту ярмарку перенесли к Макарьеву монастырю[49], приблизительно в 70 км от Васильсурска. Ее небесным покровителем считается Святой

---

[40] Дмитриевская (Дмитровская) башня – главная башня Нижегородского кремля, выходящая на площадь Минина и Пожарского. Построена в начале XIV в. Является неофициальным символом Нижнего Новгорода.

[41] Петр Фрязин (Пьетро Франческо, годы жизни неизвестны) – итальянский архитектор.

[42] Александровский сад – парк в центре Нижнего Новгорода, основан в 1835 г. Назван в честь императрицы Александры Фёдоровны, супруги императора Николая I. Расположен на склонах Волги, в границах Верхневолжской и Нижневолжской набережных, стен Нижегородского кремля и комплекса трамплинов на площади Нориманова. Площадь сада около 35 га.

[43] Вознесенский Печерский монастырь – ныне действующий мужской монастырь Нижегородской епархии Русской православной церкви в Нижнем Новгороде, основан в 1328–1330 гг.

[44] Было закрыто в 1926 г., уничтожено в 1936 г.

[45] Нижегородская ярмарка – крупнейшая ярмарка в России, проводилась в 1817–1917, 1921–1929 гг. ежегодно с 15 июля по 25 августа, но настоящий торг начинался с августа и продолжался до начала сентября.

[46] Иван III Васильевич (1440–1505) – великий князь московский с 1462 г.

[47] Ныне поселок городского типа Васильсурск Воротынского р-на Нижегородской обл.

[48] Козьмодемьянский Михаило-Архангельский Черемисский монастырь, основан в середине XIX в., закрыт в 1921 г.

[49] Женский православный Свято-Троице-Макарьево-Желтоводский монастырь расположен на левом берегу Волги возле пос. Макарьево Лыс-ковского р-на Нижегородской обл.

Макарий[50]. Один нижегородский француз, с которым мне довелось познакомиться, называет его Святой Робер Макер, поскольку неоднократно бывал обманут армянскими и персидскими купцами.[51]

В 1816 г.[52] пожар полностью уничтожил торговую площадь Макарьева монастыря, но в 1822 г. было построено 2500 новых лавок[53] на удачно выбранном месте в Нижнем Новгороде.

Ярмарочная площадь представляет собой прямоугольник 1700 на 1000 м, состоящий из нескольких перпендикулярных аллей. В середине находится бульвар, обрамленный ивами, в конце которого возвышается большой собор[54], а напротив – здание губернской администрации. Вокруг площади была создана система каналов, из которых можно брать воду в случае пожара. Весенние разливы Волги и Оки приносят немало бедствий, и казне приходится ежегодно выделять много средств для обустройства торговой площади, ремонта старых и строительства новых зданий. Правда, все это затем компенсируется: говорят, что сдача в аренду ярмарке пяти тысяч лавок приносит казне один миллион франков, выручка от торгов составляет в среднем пятьсот пятьдесят миллионов франков, а численность приезжающих на это мероприятие достигает четырехсот тысяч человек[55].

Накануне открытия ярмарки в Нижний Новгород съезжаются торговцы из России, Сибири, с Кавказа, Туркестана, Персии и даже из Китая и Индии. В этот период навигация на Волге становится очень интенсивной, в город прибывают доверху наполненные товарами суда, приезжают представители крупных негоциантов из больших российских городов. Торжественное открытие ярмарки происходит в день Св. Макария в присутствии архиепископа, губернатора и городских властей, производятся моления, поются гимны, над храмами вывешиваются флаги. Согласно народной примете, если они свободно полощутся по ветру, то ярмарку ожидает успех, а торговцев – большая прибыль, если же нет, значит, Св. Макарий чем-то недоволен. Когда я заметил одному мужику, что дело тут просто в ветре, то вызвал у него искреннее возмущение.

Своего апогея ярмарка достигает к 1 августа, так как с каждым годом опоздавших к ее открытию становится все больше. В эти дни жизнь в городе, особенно в торговом квартале, становится крайне напряженной, улицы заполняются людьми и повозками. Хотя ярмарка формально считается русской, на самом деле она интернациональна. Для каждого товара отводится отдельный квартал. Чего здесь только нет! Плиточный чай из Кяхты, тюменские и сибирские рогожи, роскошные мервские и тегеранские ковры, бухарские шелковые и киргизские шерстяные ткани, каменная соль из Илецкой Защиты[56], оренбургские шали, бакинская нефть, астраханские кожи, туркестанский хлопок, сибирская пушнина… Более всего пользуются спросом сукно, шерсть, хлопок, металлы, меха и шелка, из русских товаров чаще покупают железо, чугун и нефть, заключают контракты на аренду речных судов, из

---

[50] Макарий Великий (Макарий Египетский, ок. 300–391) – христианский святой, отшельник.

[51] Робер Макер (фр.) – тип ловкого дельца-пройдохи.

[52] 16 августа 1816 г.

[53] Точнее, 2530 лавок.

[54] Спасо-Преображенский (Староярмарочный, Спасский) собор, построен в 1816–1822 гг.

[55] Автор преувеличивает число участников ярмарки. На самом деле оно не превышало двухсот тысяч.

[56] Ныне город Соль-Илецк – административный центр одноименного р-на Оренбургской обл. П. Лаббе употребляет старое название этого населенного пункта – с 1865 г. он назывался Илецком.

импорта популярны чай (ежегодно его закупается в среднем на 55–60 млн франков), лекарства и краски (12–13 млн франков), продукция из Хивы и Бухары (12–13 млн франков), Персии (10–11 млн франков) и Европы (11–12 млн франков).

Лучшие лавки располагаются в здании губернской администрации[57], построенном в 1890 г. В нем находятся губернатор и ярмарочная контора, полиция, государственный банк, почта и телеграф, экспонируются удивительнейшие предметы роскоши, произведения художников и ювелиров, выигравших столько Гран-при на Всемирной выставке 1900 г.[58] Екатеринбургские золотых и серебряных дел мастера продают здесь изумительнейшие уральские камни – турмалины, топазы, изумруды и бериллы, персы торгуют бирюзой и аметистом, крупнейшие ткацкие фабрики Москвы представляют изящные ткани скромной расцветки, бухарские и ташкентские купцы – чудесные шелковые полотна, нередко ослепительно ярких цветов.

В 1900 г. я в качестве журналиста освещал русскую экспозицию на Всемирной выставке[59] и позже встретил нескольких ее участников на нижегородской ярмарке. Двое из них – самаркандский и бакинский торговцы – угощали меня ориентальными сигаретами[60] и приглашали отведать свои национальные блюда, зная, что я до них большой охотник. Любезность, с которой обхаживали меня в Нижнем Новгороде эти два купца, подтверждала, что в Париже они неплохо на мне заработали.

Про самаркандца я знал, что тот хитрит с бухгалтерией, а у бакинца мне в Париже пришлось покупать персидскую мануфактуру и ковры. Вопрос о цене заставил его надолго задуматься.

---

[57] Имеется в виду Главный ярмарочный дом по ул. Совнаркомовская, 13 (площадь Ленина). Его первый этаж занимали магазины, второй – административные службы.

[58] Всемирная выставка состоялась в Париже 15 апреля–12 ноября 1900 г. Для русского отдела была выделена самая большая экспозиционная площадь – 24 000 кв. м.

[59] П. Лаббе являлся французским куратором павильона Сибири и Азиатской России. В нем, в частности, демонстрировались этнографические экспонаты, собранные им среди туземцев Сахалина (Севела М. Указ. соч. С. 28).

[60] В так называемых «ориентальных» сигаретах использовался табак, выращенный в Турции, Греции и прилегающих регионах.

Нижний Новгород

– Триста рублей! – наконец выдавил он из себя.

Я в ответ предложил ему сто пятьдесят целковых, вызвав у продавца приступ негодования. Скрипя зубами, он попросил двести девяносто, но когда я молча направился к выходу, то скинул еще пятак. Однако я продолжал стоять на своем – сто пятьдесят, и точка! Продавец был вне себя от возмущения и наконец, предложил мне всякий раз добавлять к своему условию пять рублей, а он в ответ на столько же будет снижать свою цену, в результате мы постепенно сможем договориться. Я в свою очередь заявил, что приобрету эти вещи, только если цена на них будет реальной. Мы, как это принято на Востоке, спорили уже битый час, и когда он понял, что я сейчас уйду и больше не вернусь, то воскликнул:

– Ну, диржи, диржи, бири, грабь меня, о шайтан!

С этими словами он швырнул мне в лицо мои покупки:

– Забирай сибе и скатерть, и падушку. Ти хочишь миня разарить, я это сразу понял! Ну и подавись ти сваим кавром!

И в тот же миг этот предмет пролетел над моей головой.

Разозленный купец забился в угол, отказавшись помогать мне упаковывать товар, и, всхлипывая, принялся пересчитывать мои деньги. После этого случая он часто попадался мне на рынке, умоляя что-то купить у него: значит, сей плут все же не остался тогда внакладе, и, несомненно, намеревался провести меня опять. Однажды он предложил мне бирюзу.

– Она настоящая? – поинтересовался я, равнодушно перебирая камешки.

– О-о-о! – воскликнул он с возмущением. – Абижяешь, дарагой! Канечно, канечно, все, все настаящие!

– Жаль! Мне нужен всего лишь один, для подарка, и поэтому вполне устроит дешевенькая подделка.

– О-о-о, дарагой! – продавец не догадался, что я его разыгрываю. – Здесь пално таких!

Все бухарцы, хивинцы и киргизцы ежедневно посещают мечеть[61], моля своего

---

[61] Нижегородская ярмарочная мечеть была построена в 1822 г. (по др. данным в 1827-м) и находилась на Магометанской площади на набережной у Бетанкуровского канала, разрушена в 1930 г.

Магомета помочь им перехитрить русских. Один из них даже как-то признался мне, что жульничать, конечно, плохо, но если мусульманин обманет христианина, то это не считается большим грехом. Однако я сразу подумал: а если будет наоборот, как тогда быть?

Каждый вечер торговцы проводят в ресторанах, где пьянствуют, играют в карты и крутят романы с заезжими певичками. После ряда громких скандалов губернатору пришлось на год запретить этим женщинам появляться в Нижнем. Поэтому в этот мой приезд амурных приключений там поубавилось, зато спиртного стали употреблять больше.

Как правило, все ярмарочные переводные векселя должны быть оплачены до конца августа, ибо 10 сентября конторы и магазины закрываются на целый год. Хотя жизнь на торговой площади после этого замирает, а город входит в привычный ритм и с его улиц исчезают ярмарочные атрибуты, нижегородский порт еще долго продолжает работать в напряженном режиме.

На сей раз я оказался в Нижнем вскоре после закрытия ярмарки, но на причале было полно народа: стоял сентябрь и в город все еще прибывали гости. Агенты судоходных компаний рыскали по причалу, заманивая клиентов, а те выбирали ту фирму, у которой самый громкий зазывала. Один такой светлобородый детина из пароходства «Кавказ и Меркурий» [62] буквально вынудил меня купить у него билет до Астрахани. Потом я отправился на торговую площадь через протяженный пригород Кунавино[63], который своими гостиницами, фабриками, церквями напоминает самостоятельный город. Большинство лавок уже опустело, а на дверях гостиниц висели замки. К причалу подъезжали большие телеги с товарами, затем эти огромные тюки исчезали в трюмах кораблей. Торговцы подгоняли и торопили грузчиков – зима в России наступает быстро и мешкать с отъездом нельзя.

Я ехал в плохонькой коляске с провалившимся сиденьем и попросил кучера остановиться перед зданием губернской администрации.

– Так ты опоздал, дяденька, – расхохотался кучер, – уже восемь дней как все закончилось!

Заплатив этому омерзительно грязному «племянничку», я вышел на опустевшую и безжизненную торговую площадь. Ого-го! Мне открылся вид на длинные и безлюдные улицы, заколоченные дома, над которыми летали и каркали стаи черных ворон. У ворот прямо на тротуаре спал привратник в овчинном тулупе; казалось, что он не проснется до следующей ярмарки. Его лежавшая рядом собака удивилась не вовремя появившемуся очередному иностранцу, навострила уши, но не залаяла. Я как будто попал в мертвый город, по неизвестной причине внезапно покинутый населением в самый разгар торжества.

Ярмарка – это на самом деле праздник: большие афиши, расклеенные на стенах, сообщали о театральных постановках, на прохожего смотрели портреты американских циркачей, рекламировались имена известных русских, венских и парижских певиц, выступающих в ярмарочных кабаре. Вдоль улицы стояли маленькие, одинаковые дома с чердачными окнами, а в воротах вместо ручек висели кольца. Вывески магазинов были написаны красными, синими или черными, иногда даже золотыми буквами, преимущественно на русском, реже на французском, немецком, персидском и китайском языках.

Неожиданно передо мной возник уже другой сторож и спросил, чего мне здесь надобно. Я ответил, что просто хожу, и тогда он вслед за моим кучером (только вместо «дяденьки» назвав меня «батюшкой») воскликнул:

– Ты пришел сюда слишком поздно!

---

[62] «Кавказ и Меркурий» – одно из крупнейших пароходств на Волге, существовало в 1849–1918 гг.

[63] Город Кунавино (позднее Канавино) в 1928 г. вошел в состав Нижнего Новгорода, ныне его Канавинский р-н.

Желая развеять скуку, он увязался за мной. Одет этот мужик был в большие войлочные сапоги из бараньей шерсти, серую каракулевую шапку, а его длинный широкий кафтан был подпоясан красным кушаком.

– Откуда ты будешь? – поинтересовался он.

– Из Парижа. Знаешь, где это?

– Да где уж мне! Я человек темный, но думаю, что город твой находится на юге России, куда богатые ездят гулять на всю катушку. Россия ведь так велика, что всех мест и не запомнишь!

Да, подумалось мне, он представлял свою родину намного большей, чем она была на самом деле.

– Должно быть, теперь, когда ярмарка закончилась, ты скучаешь? – спросил я.

– А то! Но не могут же эти два месяца длиться вечно, – ответил мне привратник.

– Как в этом году прошла торговля?

– Да как всегда – один день стояла хорошая погода, потом шел дождь, а мужики так и не разбогатели!

Вскоре нам повстречались двое китайцев: один старый, а другой совсем мальчишка. Они сидели на тротуаре и играли в карты. Я спросил у своего спутника, знает ли он их. Он ответил, что это торговцы из Кяхты, которые по какой-то причине не успели вовремя уехать. Мне захотелось поговорить с ними.

– Эй, твари! – крикнул им мужик. – Этот человек, вроде бы как немец, а, впрочем, черт его знает, кто он… хочет вам что-то сказать.

Китайцы не шелохнулись.

– Эти скоты, – пояснил мой спутник, – по-русски понимают хуже собак.

Я подошел к ним, чтобы узнать, во что они играют.

– Слышь, ты, – обратился к ним мужик, – скажи-ка мне, на что ты тратишь деньги, которые выманил у русских?

Китаец что-то пробормотал по-английски, но я не совсем понял смысл сказанного и переспросил его. Однако он, хитро взглянув на меня, отрезал: «А зачем тебе это? Наша игра слишком проста для европейского ума!»

Тут вдруг его партнер, молодой китайчонок, громко вскрикнул, подскочил на месте и пустился в пляс. Привратник остолбенел от удивления, а клевавшие что-то рядом вороны и голуби испуганно вспорхнули. Старый китаец хохотал от всей души, глядя на своего друга, продолжавшего скакать по кругу.

Мой спутник решил, что они оба сошли с ума. Кивнув на них, он несколько раз постучал пальцем по своему лбу, произнеся фразу, которую в таких случаях обычно говорят русские: «Так у них, оказывается, не все дома!»

Глава вторая
Казань – Татарская свадьба – Великий православный праздник

Пейзаж, открывающийся с борта судна на пути между Нижним Новгородом и Казанью, довольно скучный, чего не скажешь о творящемся на палубе парохода. А сколько интересного можно увидеть на остановках! В этих местах живут русские, татары, чуваши и черемисы. Последние встречаются реже, но о них я расскажу подробнее. Внешне их мужчины выглядят ужасно: кожа у них смуглая, нос приплюснут, лица скуласты, а глаза раскосы. Что касается черемисок, то их безобразность вообще заслуживает высокой награды: на голове они носят остроконечные колпаки, на груди – что-то вроде нагрудника, увешанного камешками, монетами и какими-то таинственными амулетами, деревянными поделками, клыками волка, медвежьими когтями и перьями коршунов и сов. В свое время черемисы были крещены, и согласно нынешней статистике относятся к православным, но мы-то хорошо знаем, что такое статистика! Эти дикари приняли навязанного им нового бога, признав его могущество и святость.

– В мире столько злых духов, что не обязательно во все их верить! – объяснил мне один черемис.

Так что христианский бог лишь дополнил и без того многочисленный пантеон их божеств. При этом черемисы до сих пор продолжают совершать в лесах свои древние шаманские обряды. Они боятся невидимых взору злых духов, которые пытаются подобраться к человеческой душе, чтобы съесть ее или обречь человека на страдания. Некоторые из нас верят в загробную жизнь, в отпущение грехов за раскаяние, но примитивным и ограниченным черемисам все это совершенно чуждо. Они устраивают жертвоприношения, поскольку признают свое бессилие перед природой, которую, не понимая, обожествляют. Они, как и все отсталые народы, считают бога жестоким и античеловечным. Когда они женятся, то, прежде чем отправиться к русскому священнику, посещают своего колдуна. Если супруги хотят развестись, их привязывают спинами друг к другу, и старейший сельчанин разрезает веревку ножом. Считается, что после этого они совершенно свободны.

На пристанях Казанской губернии часто можно встретить чувашей, народ тоже довольно ярко выраженного финского типа. Они переняли одежду и привычки от русских, и потому их с ними часто путают. Смирного нрава, они стараются как можно меньше привлекать к себе внимание.

Татары, напротив, не отличаются скромностью. Их численность в этих местах доходит до полутора миллионов человек. Они хорошо сохранили свой расовый тип, почти не испытав влияния других народностей. Склонные к торговле, они живут в городах, сельские жители землепашеством не занимаются, а тоже промышляют торгом и ростовщичеством, добившись в этом превосходных результатов.

Казань встречает прибывающего в нее путешественника низкими и грязными берегами, на которых стоят на сваях почерневшие дома. У причала торговцы криками зазывают купить у них предметы религиозного культа, картинки, пирожные, хлеб, молоко, колбасу. Нищие и калеки демонстрируют всем свои ужасные язвы и раны. Экипажи, предлагаемые гостям города, кажется, попали сюда из далекого прошлого – настолько они разбиты, отвратительны и неудобны; кучера, судя по их чудовищной неопрятности, видимо, еще старше своих повозок. Вытерпев езду по усеянной рытвинами дороге и насмотревшись на огромную мрачную равнину, странник, в зависимости от погоды покрытый грязью или пылью, в конце концов прибывает в гостиницу, расположенную на главной улице[64].

Казань – город очень древний; известно, что он был разрушен в 1396 г. князем Василием Дмитриевичем[65], а после восстановления стал столицей татарского ханства, основанного Улу-Махметом[66]. Его преемники часто воевали с русскими и безжалостно преследовали христиан. Цари неоднократно пытались обеспечить защиту православия, и в 1552 г. Иван IV[67] взял город и захватил все ханство. Казалось, что теперь жить в нем стало

---

64 Скорее всего, имеется в виду «Казанское подворье» («номера Щетинкина»), позднее – гостиница «Казань» (ныне ул. Баумана, 9/15). В настоящее время на реставрации, планируется преобразование здания в жилой дом.

65 Василий I Дмитриевич (1371–1425) – великий князь московский и владимирский с 1389 г. На самом деле Казань была полностью разрушена в 1395 г. (по другим данным, в 1399-м) в ходе похода сына Дмитрия Донского, московского князя Юрия Дмитриевича (1374–1434) на булгар.

66 В современном написании Улу-Мухаммед хан (Улуг Мухаммед, 1405–1445) – золотоордынский (до 1436), крымский (1437) и казанский хан (1438–1445), основатель (1438) Казанского ханства.

67 Иван IV Васильевич, прозванный Грозным (1530–1584) – великий князь московский и всея Руси с 1533 г., первый царь всея Руси с 1547 г.

безопасно, но в 1774 г. казак Пугачев[68], ставший известным на весь мир благодаря прекрасной повести Пушкина «Капитанская дочка», занял Казань и полностью разрушил ее. Сегодня она полностью восстановлена, пожары больше не грозят ее историческим памятникам, и теперь это довольно невеселый крупный город, малоинтересный, с однообразными длинными прямыми улицами и столь же безвкусными просторными домами, похожими на казармы. Университет, знаменитый своими профессорами и ставшими известными выпускниками, с архитектурной точки зрения не менее убог. Кроме Казани университеты существуют в Петербурге, Москве, Варшаве, Одессе, Киеве, Харькове, Вильно, Дерпте, Тифлисе и Томске. Горожане любят хвастаться своей образованностью, и один русский автор утверждает, что в Казани увлеченно изучаются иностранные языки; по моим же наблюдениям, казанцы сегодня страстно увлечены не языками, а карточной игрой.

Казанский кремль был построен вышеупомянутым Улу-Махметом, но неоднократно разорялся и сгорал. Его современное состояние не представляет большого интереса. Широкую известность приобрела кремлевская башня Сююмбеке[69]. Согласно легенде, княжна Сююмбеке[70], не сумев отстоять независимость своей родины и потеряв власть, бросилась с этой башни вниз.[71] На самом же деле Сююмбеке умерла в московской неволе. Говорят еще, что под башней похоронен татарский святой и из его черепа раньше бил чудодейственный ключ[72]. Мне захотелось проверить это, но каждый раз, когда я пытаюсь лично убедиться в каких-то чудесах, оказывается, что незадолго до моего приезда они закончились. А ведь я уже был готов поверить, что башня действительно относится ко временам Сююмбеке[73].

После открытия Транссибирской железной дороги Казань оказалась несколько в стороне от международных торговых путей, но зато теперь она напрямую связана с Москвой, а сама дорога протянется до Урала. Комиссия Императорского русского технического общества недавно решила установить прямое железнодорожное сообщение между Санкт-Петербургом и сибирским городом Курган. Вскоре поезда свяжут Санкт-Петербург с Вяткой: решено пустить составы через Каму на юг, чтобы уже в ближайшее время соединить Москву и Казань с Уралом. Это приведет к дальнейшему развитию торговли в Казанской губернии, которая и без того уже немалая: в Казани, которая сегодня насчитывает приблизительно 150 000 жителей, производится большое количество кож, сукна, хлопчатобумажных тканей и мыла, на нее приходится значительная доля товарооборота в

---

[68] Пугачев Емельян Иванович (1742–1775) – донской казак, предводитель народного восстания 1773–1775 гг. в России.

[69] Башня Сююмбике – дозорная (сторожевая) башня в Казанском кремле.

[70] В современном написании Сююмбике (1516–1557) – правительница Казанского ханства в 1549–1551 гг.

[71] По одной из легенд, башня была сооружена по приказу Ивана Грозного за семь дней (символизирующих семь ее ярусов) после взятия Казани в 1552 г. по условию-просьбе царицы Сююмбике, которая якобы сбросилась с седьмого яруса.

[72] По одному из преданий, башня Сююмбике была построена на месте могилы святого шейха, из черепа которого бил ключ. Этот так называемый Тайницкий ключ находился у подножия Кремлевских стен. Считается, что во время осады Кремля в 1552 г. русскими войсками осажденные брали из этого родника воду. К роднику из крепости вел потайной подземный ход, который был взорван русскими войсками с целью лишить жителей Казани питьевой воды. К началу XX столетия родник находился в запущенном состоянии, а в 1954 г. в связи со строительством Куйбышевского водохранилища и вовсе был засыпан.

[73] Вопрос о дате постройки башни является дискуссионным: часть ученых датирует башню XVII–XVIII вв., некоторые – второй половиной XVI в., другие – до 1552 г.

Закамье.

Мне неоднократно приходилось бывать в этом городе. Однажды я провел там больше месяца и завязал полезные знакомства с местными мусульманами. Татарский квартал[74] Казани все еще дышит стариной, на его пыльных улицах всегда полно бойких и жизнерадостных людей. Казанских татар нельзя считать некрасивыми. Они среднего роста и правильного телосложения, у них своеобразная походка, заключающаяся в естественности и изящности движений. Русский не может нести груз столь грациозно и непринужденно, как татарин. У татар широкая грудь, короткая шея, черные блестящие глаза, не слишком выдающиеся скулы, как правило тонкие губы и жиденькая бороденка, которую они обычно бреют.

Татарские женщины намного привлекательнее, чем кажутся на первый взгляд, и они об этом знают: хотя религия запрещает им открывать лицо, когда мужа нет рядом, они могут украдкой показать его чужаку. Во всяком случае, я имел возможность убедиться в их красоте. Глаза у них обычно живые и с хитринкой, ресницы и брови накрашены. Зубы они чернят, а руки красят хной. Женщины занимаются домашним хозяйством и рукоделием. Они постоянно пьют чай, едят жирную пищу и сладости, от чего сильно толстеют и потому стесняются выходить на улицу. Но татары, как, впрочем, и русские купцы, любят упитанных женщин, напоминая мне нотариуса Аристида Фрессара [75] из пьесы Александра Дюма-сына[76], который признавался:

– Да, моя жена толстая, но вы знаете, когда очень любишь женщину, чем ее больше, тем лучше!..

Татары носят белую или голубую рубаху, бедняки поверх нее надевают длинную безрукавку из зеленой или желтой китайки, а богатые – из яркого и пестрого шелка. Верхней одеждой является халат из бухарской ткани, на голове у них всегда маленькая шапочка[77], поверх которой уже настоящая шапка, иногда украшенная бобровым мехом. Головным убором мулл является белый тюрбан. Все татары-мужчины любят кольца, настоящие и поддельные драгоценные камни, украшенные бирюзой и аметистами пояса из металлических пластин, женщины питают к украшениям не меньшую страсть и носят на себе целую коллекцию колец, серег и ожерелий.

В Казани я подружился с учителем одной из татарских школ. Эти учебные заведения хорошо известны среди мусульман, их окончили многие священнослужители восточной России и Сибири. Учеников обучают там чтению на татарском, арабском и персидском языках. Школьные здания почти всегда построены на пожертвования состоятельных татар и содержатся тоже благодаря татарским меценатам. Ученики периодически преподносят своим учителям подарки и деньги. Обыкновенно учителя одновременно являются и священнослужителями, и врачами. Около каждой школы, как правило, располагается мечеть. Мой друг-учитель всякий раз принимал меня как лучшего приятеля, и едва я появлялся в его владениях, он сразу же приказывал подать мне чай и салму, то есть вареную баранину.

Его дом не отличался от жилищ других татар и состоял из двух частей, разделенных передней, предназначенной для молитв. В комнате, где меня потчевали, стояли стол, несколько стульев, широченная кровать, прикрытая занавесками, маленький буфет с посудой, у двери два таза для умывания: один из них предназначался для мужа, другой для

---

[74] Имеется в виду Старая Татарская (Старо-Татарская) слобода, которая располагалась в центре Казани, в южной части современной территории Вахитовского р-на города.

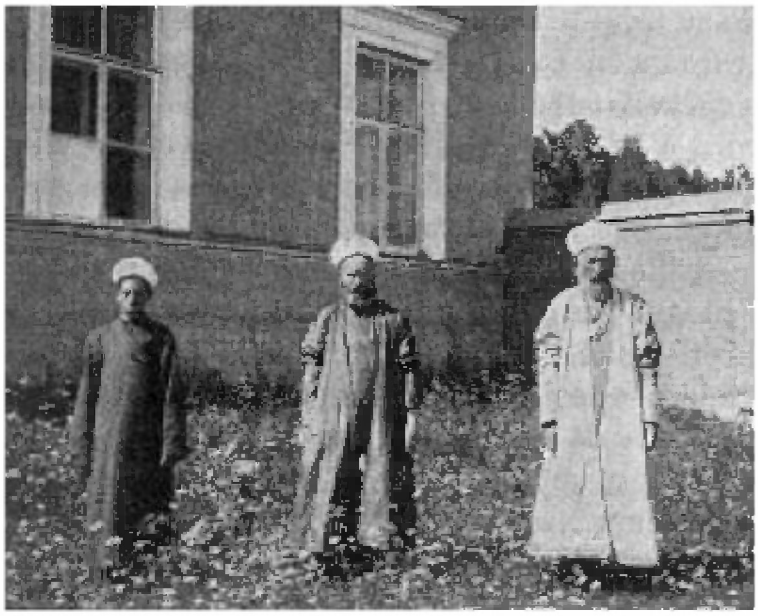
[75] Персонаж пьесы «Незаконный сын» (1858).

[76] Дюма-сын Александр (1824–1895) – французский писатель.

[77] Имеется в виду тюбетейка.

жены, ибо так требует их религия.

Однажды мой друг пригласил меня на свадьбу своего кузена. Замечу, что каждому татарину дозволяется иметь до четырех жен, не считая сожительниц, но этим правом пользуются редко, так как нужно давать тестю большое приданое. Редко когда у татарина бывает более двух жен, и мне известен лишь один пример, когда их было три. На нижегородской ярмарке туркестанские торговцы до сих пор продают в жены красивых бухарских девушек, и стоит это удовольствие немалых денег.

Татарские муллы

Пока мы шли к дому жениха, Гали (так звали моего друга) вкратце рассказал мне об особенностях татарского брака. Его кузен уже давно хотел жениться и обратился для этого к свахе-своднице. Он был из правоверной семьи и, следовательно, впервые мог увидеть свою невесту только на свадьбе; приданое, или, как его называют на всем пространстве от Уральских гор до Тихого океана, калым, было уже наполовину заплачено.

– А когда же отдадут остальную часть? – полюбопытствовал я.

– Да через несколько дней после свадьбы, – ответил Гали. – Она идет целых восемь дней, но без невесты, однако у нее уже побывали женщины, которые вручили ей подарки и пообедали.

Неожиданно мой спутник воскликнул:

– Смотрите, смотрите, вот они едут!

Мы подошли к дому жениха в тот момент, когда он привез в экипаже свою невесту, которая прикрывала лицо своей шалью. На дуге коляски висело белое полотенце.

Жених пригласил меня в дом, а сваха тем временем вела за собой новобрачную. Будущий супруг продемонстрировал мне полученные им подарки, к которым я добавил несколько монет от себя. После этого нам подали примерно двадцать различных яств, одно жирнее другого. Среди них надо упомянуть целую гору плова (это такие кусочки баранины вперемешку с рисом), источавшего душистый аромат благодаря моркови, изюму, плодам айвы и диким абрикосам. Его нужно есть из общего блюда березовой ложкой, помогая при этом пальцами.

Вдруг к моему большому изумлению гости принялись плеваться вокруг себя, показывая хозяину, что уже насытились. После этого они стали бросать на скатерть в зависимости от своего достатка золотые, серебряные и медные монеты на подарок невесте. Отец девушки поблагодарил их. Затем мулла спросил, полностью ли выплачен калым, и после утвердительного ответа началось моление. Жених отнес невесте подаренные ей монеты, а вернувшись, поблагодарил всех. Однако Гали поведал мне, что иногда невеста

бывает недовольна количеством монет, и тогда гостям приходится опять раскошеливаться.

Тут Гали сказал, что пора уезжать; действительно, гости уже начали расходиться, некоторые в весьма веселом настроении, а двое вообще уснули в жениховом доме.

Теперь свахе предстояло отвести жениха в супружескую опочивальню, где его уже ожидала жена; согласно обычаю, их запирали там на четыре дня и только свахе разрешалось нарушать их уединение.

Когда эти четыре дня прошли, я, придя попрощаться с моими татарскими друзьями, встретил там сваху и поинтересовался, как дела у молодоженов. Она прыснула:

– Я только что отворила двери их комнаты, но им там так понравилось, что они не хотели выходить из нее!

Эта женщина была очень довольна подарками, полученными от семьи жениха: молодой человек был богат, и она уже предложила ему свои услуги на тот случай, если он решится взять вторую жену. По ее признанию, сейчас свахой быть не так престижно, как раньше, но она рада тому, что, во-первых, делает людей счастливыми и, во-вторых, немного зарабатывает на этом. Я поздравил ее и пообещал, что обязательно дам ее адрес своим друзьям – пусть она и им поможет!

В тот день, гуляя по городу, я был удивлен множеству нищих на его улицах, именно русских нищих, поскольку у татар не принято просить милостыню: в случае крайней нужды они торгуют лимонами и арбузами. Русские города вечно кишат попрошайками, но никогда я не видел их столько, сколько в этот раз в Казани. Я не мог понять, что произошло: город, который всегда казался мне таким безмятежным, стал иным.

Гали, который пригласил меня позавтракать с ним, спросил, почему я уезжаю накануне самого крупного религиозного праздника азиатской России, и посоветовал остаться на несколько дней. Я согласился.

Он же объяснил мне причину оживления в городе и наплыва множества нищих: оказывается, через день начнется празднование в честь Смоленской иконы Божией Матери, и все крестьяне Казанской и соседних губерний, будь то бедные или богатые, оставив свои дома и поля, пришли в Казань, чтобы на въезде в город засвидетельствовать свое почтение главнейшей русской святыне.

Возвращаясь в гостиницу, я встретил полицмейстера, который подтвердил мне сказанное Гали и тоже порекомендовал поприсутствовать на завтрашнем мероприятии.

Вечером[78] с этим согласился гостиничный:

– Вы правильно сделали, что остались, потому что завтра вы увидите святую икону, самую могущественную из всех русских икон!

Произнеся это, он истово перекрестился. Это был неплохой малый, но, однако, большой воришка, о чем уже давно было известно всем постояльцам.

* * *

В конце XV в. некий нищий[79] прибыл в Казань. Единственным его богатством была Смоленская икона Божией Матери[80]. Сам он был родом из окрестностей Смоленска[81], ныне

---

[78] Это было 25 июня (8 июля н. ст.) 1898 г.

[79] Речь идет о монахе Евфимии, который пришел в эти места 13 октября 1615 г. из Великого Устюга.

[80] Имеется в виду Седьмиозерная (церк. – слав. – Седмиезерная) икона Божией Матери – икона Богородицы, почитаемая чудотворной. Размер 71,4 х 61,4 см. Является списком со Смоленской иконы Божией Матери. Празднование 26 июля (9 августа н. ст.), 28 июля (10 августа н. ст.) и 13 (26) октября. В настоящее время хранится в Петропавловском кафедральном соборе Казани.

[81] Правильнее – из Великого Устюга.

крупного города в центральной России. Но жизнь в Казани его не прельщала, он не хотел ни работать, ни торговать. Стремясь к уединению и молитвам, странник искал в окрестностях города место, где можно было посвятить себя служению Богу, и подолгу на коленях просил Всевышнего помочь ему в этом.

Однажды он оказался в безлюдной и дикой Седьми-озерной пустыни, страдая от изнеможения и голода, но, помолившись, уснул сном праведника. Ему приснился огонь, выходящий из земли. Пробудившись, он побежал туда и увидел большой вековой дуб, на ветвях которого висели приношения, сделанные идолопоклонниками-черемисами своим языческим богам; сии нечестивые дары оскверняли то место, но после молитвы странника на небе сверкнула молния, раздался страшный гром, эхом отозвавшийся вокруг. Сраженный молнией, дуб с треском зашатался и рухнул на землю, его ветви, ствол и корни охватил посланный Богом карающий огонь и испепелил древо начисто, не оставив даже горсти золы. Так осквернённое место очистилось и стало пригодным для отшельничьего скита.

Долгие годы праведник провел здесь в одиночестве, вдали от мирской суеты, принимая несчастных, утешал их, давал советы и молился с ними. Услышав о его святости и воодушевленные его примером, к нему присоединились другие отшельники. Тогда казанский архиепископ поселил его в городе рядом с собой[82], а в Седьмиозерной пустыни порешил основать монастырь[83] и построить храм[84] в честь Смоленской иконы Божией Матери. Строительство было закончено быстро, икону торжественно поместили в храм, и она сразу же начала творить чудеса: дорога из Казани в монастырь была плохой и тяжелой, но, как только путник на мгновение прикасался к иконе, усталость как рукой снимало.

Прошли годы. Архиепископа и святого отшельника уже давно не было в живых, когда в городе вспыхнула эпидемия чумы[85]. Казань, соседние деревни, всю губернию охватил ужасный мор. Умерших было так много, что их не успевали хоронить, оставляя на съедение собакам и волкам. Были совершены публичные моленья, но напрасно; отчаяние охватило губернию. Не зная, кого следует винить в этой напасти, народ начал убивать врачей. И тогда один священник вспомнил о высокочтимой иконе, некогда принесенной святым отшельником. Это была последняя надежда. Все горожане двинулись в Седьмиозерный монастырь за иконой и принесли ее в Казань. С ней обходили дома, и везде она возвращала жизнь умирающим и здоровье больным; чума исчезла за несколько дней.

С тех пор иконе приписывается множество других чудес, перечислить которые здесь невозможно. Добрая и жалостливая к обиженным, она в случае необходимости бывает решительной. Очень часто она сама покидала церковь, куда ее приносили и где ей не понравилось, и возвращалась в свой монастырь. Если, напротив, место ей нравится и она хочет в нем остаться, то делается столь тяжелой, что носильщики не могут ее поднять.

Каждое лето[86] в день годовщины избавления от чумы икону с большой помпой привозят в Казань; это главный праздник для города и всей губернии. За иконой едут в Седьмиозерный монастырь. Доставив в Казань, ее носят по церквам города, жилищам

---

[82] Евфимий был вызван Казанским архиепископом в Казанский Спасо-Преображенский монастырь Казанского кремля, где впоследствии и скончался.

[83] Имеется в виду Богородичная Седьмиозерная пустынь – православный мужской монастырь Казанской епархии Русской православной церкви к северу от Казани, в пригородном пос. Семиозерка Высокогорского р-на Республики Татарстан. Открыт в 1627 г., первоначально назывался Вознесенским.

[84] Имеется в виду возведенный в 1668 г. Смоленский собор. До нашего времени не дошел, сохранились лишь руины цокольного этажа.

[85] Это событие имело место в 1654–1655 гг.

[86] 26 июня (9 июля н. ст.).

больных и немощных людей, которые не могут сами прийти к ней. Ночь перед торжественным въездом она проводит в маленьком Кизическом монастыре[87], находящемся в лье от Казани.

На столь великое празднество съезжаются все жители Казанской и соседних губерний. В самый разгар сельской страды они бросают свои дома и урожай, при этом богатые берут с собой в дорогу все свои сбережения, а бедные с характерной для русского человека беспечностью просто стремятся попасть в Казань и присутствовать на торжествах. Они не думают о том, как туда доберутся и как вернутся обратно, идут пешком двадцать, тридцать и даже пятьдесят лье, ночуя под открытым небом и живя на подаяние.

Празднование в честь Седьмиозерной иконы Божией Матери в Казани

Таким образом, везде сотни несчастных с нетерпением ожидают этого празднования. Больные и немощные, они тащатся на дороге с клюкой и узелком с провизией; надежда служит им поддержкой и наставницей. Они верят, что икона избавит их от страданий, а если

---

87 Кизический Введенский монастырь (Свято-Введенский мужской монастырь, Кизический мужской монастырь) – ныне действующий православный мужской монастырь в черте Казани, основан в 1691 г.

смерть застанет их в пути, то на все воля Божья. Если же святая икона не даст им исцеления, они не держат на нее зла. Видимо, полагают они, она хочет подвергнуть их еще каким-то испытаниям и только тогда утешить и помочь. Поэтому они не жалеют затраченных усилий и на следующий год вновь идут в Казань, веря, что теперь икона их точно излечит; кроткая вера и смирение с судьбой – в этом вся русская душа!

По всем дорогам тянутся повозки: здесь и древние тарантасы, в которых едут, лежа на сене или соломе, и наполовину разбитые неудобные телеги, готовые в любой момент опрокинуться. Рядом с этими первобытными экипажами с трудом плетутся люди, часто просто босиком. Они ночуют во дворах грязных трактиров на окраинах Казани, в городских парках, в рвах кремля и бог знает где еще! Вот несколько приличных на вид, но робких и запуганных чувашей, а вот бредут в Казань несколько диких и недоверчивых черемисов в некогда белой одежде; формально православные, но в душе и по обычаям язычники, они, поверив побасенкам попов и крестьян, оставили свои леса, чтобы увидеть икону, которую почитают самым могущественным идолом своей новой религии.[88]

В день, когда православная святыня, покинув свое постоянное место пребывания, должна была прибыть в Кизический монастырь, я отправился туда впереди толпы паломников. Они разделились на две группы. Первая, состоящая из наиболее ленивых и вполне довольных жизнью, ожидала икону перед монастырем на пыльной дороге; вторая отправилась за ней в Седьмиозерный монастырь. Каждый год у мужиков есть два способа ублажить сию святыню: одни борются и даже дерутся за право нести ее, другие толкутся в монастырской колокольне, чтобы получить возможность звонить в колокол по ее прибытии.

У русского народа вообще существует множество религиозных обрядов, причем некоторые довольно опасны для здоровья. Например, каждый год во льду делается прорубь, и священник благословляет реку. Мужики набирают ее в бутыли и пьют, считая священной, а в Москве мне приходилось быть свидетелем, как наиболее истовые верующие даже купались в ледяной воде Москвы-реки, не думая, что это может привести к воспалению легких, ведь, по их мнению, освященная вода безвредна для организма!

Благодаря любезности полицмейстера я смог пробраться сквозь толпу и попасть в Кизический монастырь. С высоты его колокольни мне открылось огромное скопище паломников; вдали на фоне голубого неба в лучах солнца ласково и причудливо сияли звонницы Казанского кремля, купола церквей и мечети. Со стороны города надвигалось огромное облако пыли, поглощая поднявшую его толпу: у русских принято идти быстрым шагом во время религиозных процессий. Пыль неслась и кружилась, напоминая торнадо.

У ворот монастыря стояли священники в парадном облачении. Внезапно зазвенели колокола и запели дьяконы. Все паломники, несмотря на нещадный зной, обнажили головы; пронесли хоругви, после чего восемь человек вынесли святыню. В тот день только Смоленская икона Божией Матери имела право входить через почетные врата; ее несла плотная толпа грязнущих и покрытых потом и пылью людей. В сопровождении священников, властей и почетных гостей вроде меня икону внесли на территорию монастыря, после чего стражи грубо захлопнули ворота перед носом верующих, лишив их возможности поближе увидеть святыню.

Во дворе монастыря на открытой площадке перед портиком церкви священники распевали молитвы, за стенами стояла тишина, толпа застыла в смирении, но слабый шум от нее все же доходил до нас. Монастырский двор был слишком мал для того, чтобы вместить всех желающих. Мы оказались в положении осажденных. Над нашими головами плыли облака пыли, через которые с трудом пробивались солнечные лучи.

Пока суть да дело, я осмотрел монастырское кладбище, обратив внимание на примитивные по содержанию надгробные эпитафии, изобилующие орфографическими

---

[88] В силу того, что монастырь располагался на Царевококшайской дороге, марийцы, приезжавшие в Казань, всегда посещали Кизический монастырь, особенно в день пребывания там Седьмиозерной иконы Божией Матери.

ошибками, погулял по кедровому и еловому парку, а затем вышел на главный двор. Из подворотни виднелось множество переминавшихся ног. Внезапно во двор залетела палка, и вскоре ее владелица, довольная своей выдумкой низкорослая крестьянка, чтобы ее достать, пролезла под воротами и оказалась внутри монастыря. Ее примеру тотчас же последовала другая, затем полезла женщина постарше, но, обладая пышными формами, она смогла протиснуться в подворотню только наполовину и застряла, став похожей на большую жужжащую муху, живьем пригвожденную к картонке коллекционера. Чтобы освободиться, ей приходилось грести, как пловец, руками, вызывая у окружающих смех, но все было тщетно.

На следующий день икона прибыла в город и сразу была помещена в соборе Казанского кремля. Кремлевские ворота находятся на почти прямоугольной площади, рядом расположены музей и здание городской Думы[89], откуда открывается вид на степь. Из окна городского органа власти я долго смотрел на толпу. У русских она совершенно не похожа на нашу, она более пестрая, состоит из ярко одетых мужчин и женщин, но не столь эмоциональна, не блещет радостью, не извергает неожиданные и озорные шутки, как наша, готовая хохотать над чем угодно. У русских людское скопище зачастую напоминает религиозную общину: оно легко управляемо и монолитно, что стороннему наблюдателю может показаться демонстрацией истинного величия.

Вслед за главным соборным колоколом зазвонили все городские колокола. Солнце сияло на инструментах военного оркестра, встречавшего у ворот кортеж с иконой. Величественно, в сопровождении духовенства, окруженный хоругвями, медленно прошел архиерей, и толпа, прежде почти безмолвная, вовсе затихла. Мужики первых четырех рядов крепко сцепили руки, чтобы сдержать напор тысяч людей. Вдруг по собравшимся, застывшим в тягостном ожидании, пробежал трепет. Людская масса содрогнулась и охнула: то явилась святыня!

Впереди нее шли губернатор и городской глава, оба при полном параде. В былые времена они сами несли ее в Казань. Архиерей склонился перед образом и помолился. Стоящие рядом с ним чиновники опустили головы, городской глава и сотрудники администрации встали перед иконой на колени, после чего архиерей широким жестом благословил народ.

Зрелище было незабываемым – белые стены кремля, костюмы, позолоченные ризы сияли в лучах солнца, тысячи обнаженных голов склонились ниц, тысячи рук в едином порыве творили крестное знамение…

Во время своих долгих странствий по европейской части России и Азии я не раз был свидетелем подобных празднований, которые, как правило, заканчиваются массовой пьянкой и громкими песнями находящихся в невменяемом состоянии мужиков и – да, увы! – баб. Я ожидал, что и на этот раз все завершится этим, но к моему великому удивлению вечером в городе стояла тишина, было безлюдно и ничего не напоминало о недавнем торжестве.

Предчувствие меня не обмануло: шагая при свете луны вдоль кремлевских стен, я наконец увидел, как пьяненький мужичонка, распевая песню, изо всех сил карабкается по склону кремлевского холма, всякий раз кубарем скатываясь вниз. Отлежавшись, он, продолжая что-то орать, возобновлял свои попытки. В одну из них он едва не попал под экипаж, в котором проезжал полицейский чин. Взбешенный этим, страж закона выскочил из повозки и схватив пьяницу за шиворот, бросил его к себе. Упершись ногой в грудь выпивохи, чтобы тот не выпал по дороге, полицейский приказал кучеру ехать в ближайший околоток. Каково было видеть все это! С одной стороны коляски свешивались ноги, а с другой голова несчастного. Немного очухавшись, пьяница вновь заорал свою песню.

Наступила ночь. Гуляя вокруг кремля, я различил во мраке несколько живых силуэтов.

---

[89] Городская дума – представительный орган власти в дореволюционных городах России. Здание Казанской городской думы располагалось на ул. Воскресенской, ныне ул. Кремлевская, 1.

От них отделилась девушка, которая подошла ко мне и попросила милостыню. Оказалось, что она была с молодым человеком и дряхлым стариком. По словам девушки, они пришли из Симбирской губернии. В молодости их дедушка видел столько чудес, сотворенных Смоленской иконой Божией Матери, что, несмотря на свой возраст, болезни и немощь, решился прийти в Казань, чтобы выздороветь от лицезрения святыни. Но сейчас он просто сидел на краю какой-то ямы. Я спросил, стало ли ему лучше, но ответа не получил.

– Не могу знать, – по-армейски ответил за него парень.

– Он говорил, – добавила девушка, – что мучения его прошли. Сейчас он, кажется, спит и, возможно, видит во сне праздник и Божию Матерь, которая излечила его!

Я дал девице несколько монет и пошел прочь, представляя, как сейчас из пустынной и спящей Казани по всем дорогам и во все концы тянутся домой больные и измученные паломники, получившие небольшое утешение, такие, как этот молчаливый старик; обессиленный и, возможно, доживающий последние дни, он перед уходом в мир иной будет вспоминать весь блеск сегодняшнего празднования, великолепие позолоченных риз и сияние серебряных окладов икон.

Глава третья
Развалины Болгара – Русские крестьяне – Самара – Переселенцы

Приблизительно в восьмидесяти пяти километрах от Казани в Волгу впадает ее главный приток Кама, которую местные мусульмане называют Белой рекой. Ее протяженность составляет 1872 км, она имеет большое хозяйственное значение, так как орошает плодородные равнины и соседствует с богатыми месторождениями полезных ископаемых; большие пароходы поднимаются по ней до красивого города Пермь, а ее главными притоками являются Вятка и Белая.

Между Казанью и устьем Камы берега Волги покрыты сосновыми и еловыми лесами, здесь встречаются прекрасные дубы и заросли лещины, из которой местные крестьяне изготовляют масло.

В тридцати километрах ниже устья Камы находится пристань Спасский Затон[90], рядом с которой на левом берегу реки виднеются развалины Болгара. Эта станция состоит из причала и нескольких ветхих деревянных сараев, обслуживающих городок Спасск[91], уездный центр Казанской губернии. В этих местах живут русские крестьяне, чуваши и татары.

Казанский губернатор заранее предупредил о моем приезде уездные власти, и когда пароход причалил, местный полицейский, довольно грубо оттолкнув нищих и любопытных, толпившихся на пристани, подошел ко мне и сообщил, что уже нанял превосходный экипаж, который повезет меня в Болгар, а сам он будет сопровождать меня верхом.

Моим транспортом оказалась древняя и грязная телега, передние колеса которой были расположены далеко от задних и соединялись с ними гибкими рессорами в виде длинных осиновых жердей, на которых лежал бесформенный ивовый кузов, а в нем – набитые сеном ветхие мешки. Я уселся на них, вытянув ноги. Поволжские дороги представляют собой проселки с разбитыми широкими и глубокими колеями. Хотя путешественники часто жалуются на тарантасы, они все же крепче и удобнее телег, в которых подпрыгиваешь на каждой кочке подобно резиновому мячику, отбиваешь почки и получаешь синяки на локтях и коленях.

Вытерпев четверть часа такой эквилибристики, я спросил у сопровождавшего меня полицейского, сколько верст нам еще осталось. Но тот, отдав по-военному честь, рявкнул:

– Не могу знать, ваше благородие, давайте спросим об этом у кучера!

Наш возничий был старым крестьянином со свалявшейся густой и грязнущей рыжей бородой, усеянной хлебными крошками. Из носа и ушей у него торчала длинная щетина, а над добродушными глазами нависали густые брови. Своих лошадей он погонял радостными криками, и когда они шли резво, называл их «голубчиками» и «соколиками», а когда замедляли шаг, то крыл последними словами.

Когда я переадресовал свой вопрос ему, кучер повернулся и ответил:

– Да бог его знает, батюшка! Все равно ж когда-нибудь приедем!

Мы и правда в итоге приехали, причем ни разу не перевернувшись, а это с русским кучером случается редко. Пейзаж, открывшийся мне, был малоинтересен и почти безлюден. Деревья встречались редко, но вдоль дороги лежали обработанные поля пшеницы, овса, ржи, проса и подсолнечника. На Руси нет ни одной деревни, которая не выращивала бы последнего. Даже в больших городах мужики постоянно лузгают семечки подсолнуха и плюются их шелухой.

Село Успенское[92], рядом с которым расположены древние развалины, насчитывает около тысячи душ[93]. Как и в других русских селениях его главная улица длинная и широкая, пересекается под прямым углом с другими улицами, тоже широкими, но не столь длинными. После дождя они становятся непроходимыми. Деревянные избы, за исключением одной-двух, однообразны и тянутся вдоль улицы, перемежаясь большими двустворчатыми воротами и амбарами. Крыши у жилищ деревянные и соломенные, и если случается пожар, что в русских деревнях обычное явление, то он сразу уничтожает целый квартал.

В Успенском живность состоит в основном из свиней и кур. Коров там мало. Скот и домашняя птица, обычные для французских крестьян, здесь весьма дороги и содержать их в условиях суровой казанской зимы непросто.

В селе я остановился у сторожа, нанятого охранять развалины[94]. Моя комната была довольно просторной и чистой, украшена видами Суздаля, которые столь же популярны в России, как изображения Эпиналя во Франции[95]. Этими картинками обклеены стены всех почтовых станций в стране. Рисунки иллюстрируют религиозные сцены, исторические или легендарные сюжеты, народные песни, произведения Пушкина и Лермонтова.

Нередко на картинках изображают членов императорской семьи и европейских правителей, так что по ним можно изучать историю и узнать обо всех этапах развития франко-русского союза. В моей комнате, однако, не было портретов ни Тьера, ни маршала Мак-Магона, ни Греви, лишь в углу висело изображение президента Карно[96]. Что касается Феликса Фора[97], то с каждым годом его портрет поднимался по стенам все выше и выше, пока наконец не занял почетное место рядом с австрийским императором[98] и королевой Викторией[99]. То же самое происходит и с месье Лубе[100], однако Фор, видимо, у русских популярен больше: его фотографии расклеены по всей России, везде торгуют сигарами «Феликс» (русские произносят это имя на манер парижских мальчишек Монмартра или Батиньоля[101], с ударением на первую гласную) и духами «Букет президента»!

Оказалось, что Успенское – это большое село, а не руины, как я полагал до этого. Конечно, они там тоже были, но в малом количестве и не столь величественные.[102]

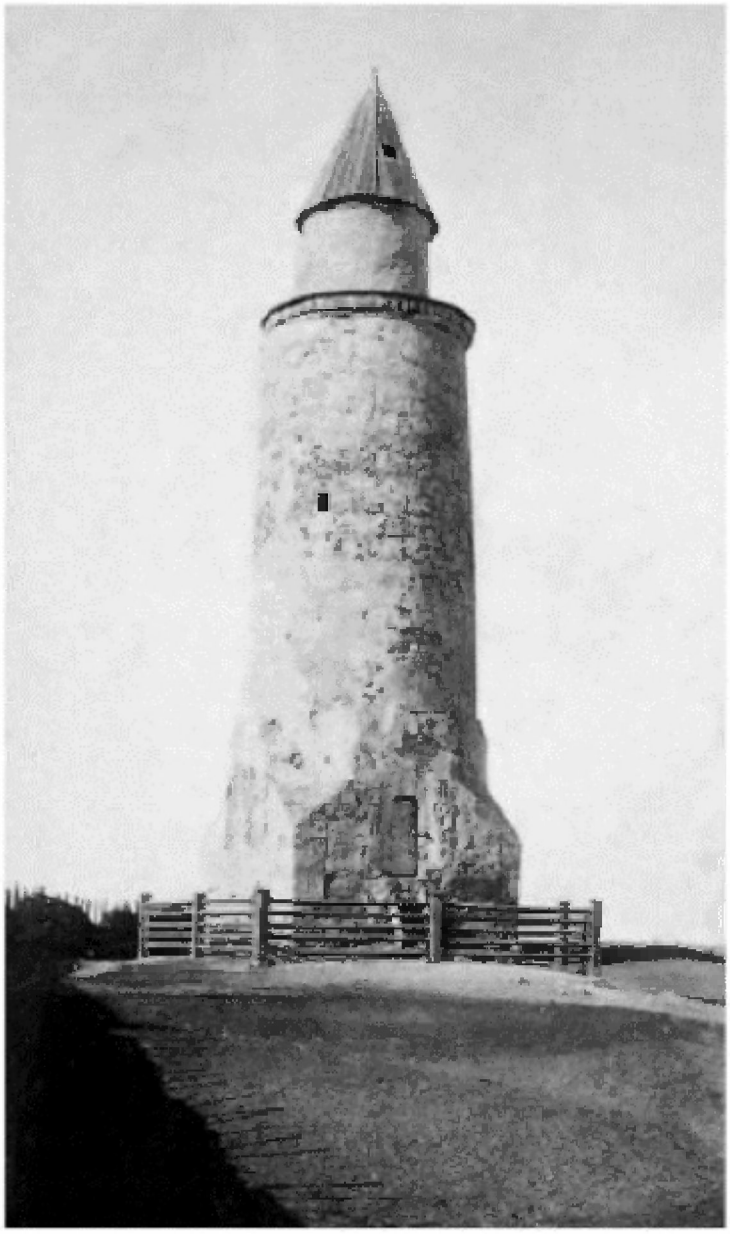
Когда-то здесь жили болгары[103], и кажется, что они, впервые упомянутые византийскими историками во времена Зенона[104], были родственны гуннам. Эти так называемые «белые болгары» построили город Болгар[105]. Судя по развалинам и найденным при раскопках вещам, их цивилизация была достаточно развитой. Как известно, государство болгар было завоевано в результате монгольского нашествия и окончательно уничтожено Тимур Ленгом, «железным хромцом», более известным у нас под именем Тамерлана.[106]

Остатки Северного мавзолея в Болгарах

О развалинах Болгара надолго забыли, пока Петр I не приказал скопировать старинные надписи на них. Но лишь недавно, когда наиболее интересные артефакты уже погибли, а жители Спасска и местные крестьяне разобрали старинные постройки на кирпичи, Императорское общество археологии, истории и этнографии занялось исследованием этого памятника.[107] Церковь в Успенском целиком построена из этих древних камней. Сегодня от древнего Болгара остались только неудачно отремонтированный Большой минарет[108] и довольно занятная башня, ставшая прибежищем сотням голубей; одни ученые считают, что в ней раньше размещалось ханское судилище, другие – мечеть, а некий преподаватель из Казани утверждает, что это была ханская баня[109]. Рядом с православной церквью возвышается невысокое, покрытое современной крышей массивное строение, переоборудованное под православную часовню[110], чуть дальше – фундамент огромной мечети[111].

Местные детишки, не отставшие от меня ни на шаг, беспрестанно совали мне в руки какие-то найденные в земле кольца и фрагменты украшений. Думаю, что если провести здесь основательные раскопки, то можно будет обнаружить много интересного.[112] При распашке полей и рытье могил на сельском кладбище крестьяне не раз находили ценные предметы.

Малый минарет в Болгарах

Разочарованный увиденным, я вернулся в жилище сторожа, и чтобы скоротать вечер, поинтересовался у него, есть ли в селе знатоки народных песен. Получив утвердительный ответ, я попросил пригласить их, и вскоре ко мне пришли около полутора десятка молодых людей. Сначала они о чем-то толковали и спорили в соседней комнате, и наконец зазвучали гармонь (популярный у русских крестьян музыкальный инструмент) и скрипка.

Сторож сообщил мне:

– Парни готовы спеть тебе, но очень уж робеют перед иностранцем, надо бы их слегка взбодрить!

Я сразу понял намек и передал артистам водку. Глотнув, они начали свой концерт. Певцам весьма прилично аккомпанировала гармонь, а скрипач при каждой фальшивой ноте смущался и прерывал игру (должен сказать, что делал он это довольно часто). Они спели мне старинные народные песни о красной девице, милой невестушке, приветливой, как вечерняя звезда, и восхитительной, как соболь, о ее точеной фигурке, о голосе, подобном весенней песне соловья. Мелодии, чаще всего печальные и меланхоличные, были весьма приятными на слух. Исполнили они и шуточные песни, в которых проскальзывали скабрезные словечки.

Помню, одна такая песня была про девку и комара, содержание которой я воспроизвести здесь не могу[113]. Солист запевал песню гортанным, немного грубым голосом, потом ее хором подхватывали остальные, сочетая басы с высокими и пронзительными нотами. Французские крестьяне так петь не умеют.

Сельские артисты пришли ко мне в своей повседневной одежде, в красных и синих рубахах, в лаптях и высоких войлочных сапогах. Когда они устали, я стал расспрашивать их, знают ли они, кто я такой, откуда приехал и где находится моя родина. Один из них, самый смелый – это, видимо, был первый парень на деревне, – ответил за всех:

– Да, за морем есть большой город Париж, там много водки, и мужики могут пить больше трех раз в неделю!

Он добавил, что нынешние французы так любят Россию, что вскорости сделают царя Николая своим императором.

Постепенно осмелели и остальные, став толковать о своей доле, о земле, иногда благосклонной, но чаще неблагодарной, которую тяжело обрабатывать, о тягостной и долгой зиме, когда голод бывает страшнее холода.

– Какой будет следующая зима? – поинтересовался я.

– В этом году дождей было мало, урожай уничтожила засуха, потому зимой будет голодно, – отвечали они.[114]

Они говорили об этом с грустью, но смиренно, сопровождая свои рассказы по-детски наивным смехом.

– Сейчас нам хорошо, – признавались они мне, – так зачем же горевать и страдать заранее, вон, смотри, какая прекрасная погода, живи себе и радуйся!

«У детей нет ни прошлого, ни будущего, – как-то заметил Лабрюйер[115], – зато, в отличие от нас, взрослых, они умеют пользоваться настоящим». Русский народ – это большой, очень добрый и совершенно беспечный ребенок, живущий только сегодняшним днем. Одни считают русских плохими, другие по той же самой причине хвалят их, но все отзываются о простых русских людях хорошо. Русские простолюдины обладают уникальными и ценными душевными качествами.

…Наступила ночь, восхитительная, безмятежная белая ночь русских степей. Мои певцы ушли, сам я умирал от усталости. Веселый и нежданный вечер, большое количество выпитого, мое вознаграждение артистам, на которое можно было тяпнуть еще, – все это лишило парней сна. Они опять купили водку, закусили арбузами и пошли гулять по селу, распевая песни, хохоча и дурачась как дети. По мере удаления их голоса становились очаровательнее и приятнее. Зная, что я за все готов платить, они стали по утрам и вечерам исполнять под моим окном свои серенады, мешая моему отдыху.

Музыка сопровождала меня повсюду: на следующий день, прибыв на пристань, я увидел цыгана и русскую женщину, развлекавших публику отплясывающей под звуки шарманки и бубна обезьянкой. Я попросил остановить свою повозку и стал с интересом наблюдать за реакцией крестьян: некоторые из них видели такого зверька впервые в жизни.

– Я знал, что это Вас заинтересует, – сказал приставленный ко мне полицейский, – ведь Вы такой любитель музыки! Я специально попросил кучера ехать этим путем. Этот цыган – артист, а Маруська, его жена, ему помогает.

Я вышел из своей колымаги и только собрался ответить своему спутнику, как за спиной раздался грохот: оказывается, ребятня, играя, пыталась вскарабкаться в мой рыдван и вдруг разом свалилась, увлекая за собой его ветхий кузов. Сквозь сломанные ивовые прутья виднелись беспорядочно шевелящиеся ручки и ножки, веселые детские мордашки заливались громким радостным смехом.

Показав на эту кучу малу своему старику-извозчику, я осведомился, сколько среди этих детей его внуков. Кучер буквально растаял в улыбке от моего вопроса и, сняв шапку, произнес:

– Боженька дал моему сыну всех семерых!

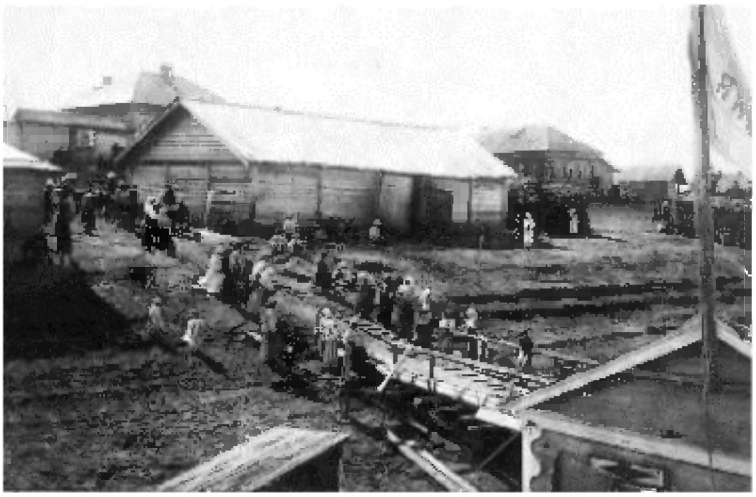
Его сын, здоровенный детина, стоял рядом. У него вскоре ожидалось новое пополнение семейства.

Старик-кучер с грехом пополам связал веревками рассыпавшуюся плетенку.

– Ну вот, теперь крепко, можешь садиться! – удовлетворенно изрек он.

Но до пристани оставалось каких-то пятьсот метров, и я решил проделать этот путь пешком.

В дальнейшем мне посчастливилось побывать в мрачных и глубоких пещерах, расположенных по берегам Волги южнее Спасска. Прибрежные холмы в этих местах крутые и изрыты мелкими оврагами. Затем я снова сел на пароход, который на несколько часов остановился в Тетюшах[116], городке, построенном в живописной местности, а к вечеру прибыл в Симбирск[117]. Город стоял на возвышенности, озаренный лучами заходящего солнца. На поверхность реки постепенно наступал мрак. Мы покинули Симбирск около полуночи. Было прохладно и восхитительно, пароход неторопливо и осторожно скользил по мелководью, и матрос, приставленный следить за фарватером, все время выкрикивал его глубину.

Пристань на Волге

На заре меня разбудил юнга, которого я попросил об этом накануне. Мы только что отчалили от станции Усолье[118], и теперь начиналась самая колоритная часть моего маршрута. Вдали показались покрытые дубравами, липовыми и березовыми лесами Жигулевские горы[119], из темноты возникали фантастические силуэты с темными оврагами и чудовищными скалами, нависавшими сверху. Во мгле горели фонари на лодках рыбаков. Ранним утром мы сделали остановку в Ставрополе[120], расположенном в низине левого берега реки, когда же снова отправились в путь, то вершины гор окутывала розоватая дымка, а подножия – лиловый туман. Величаво текла темная волжская вода. Вдруг над горами неожиданно загорелось солнце, все кругом разом заблестело, а воды реки заискрились. Паруса кораблей мгновенно побелели, рыболовы энергичнее налегли на весла, высоко в небе появились чайки, и, казалось, все вокруг вновь наполнилось жизнью. На смену вчерашним песчаным отмелям пришли большие зеленые острова, пейзаж стал ярче, и Жигулевские горы открылись нам во всем своем великолепии, покрытые лиственницами и елями, заслонявшими уродливые черные скалы.

У горы река сворачивает налево под почти прямым углом и течет прямо на восток. Это была знаменитая излучина Волги. Холмы на ее правобережье напоминают гигантские утесы, иногда возвышаясь на триста метров. В месте слияния с рекой Сок Волга вновь меняет направление и сталкивается с Сокольими горами[121], чтобы течь вдоль них до Самары. Там она внезапно поворачивает вправо и несет свои воды уже с востока на запад параллельно самой себе.

На вершине крутого черного берега появилась Самара. Сегодня это большой город с более чем 100 000 жителей, впрочем, малоинтересный и убогий. Однако его расцвет еще впереди, поскольку через него проходит Транссибирская железная дорога, которая вскорости достигнет Оренбурга и Туркестана. Земли вокруг Самары очень плодородны, поэтому она является крупным поставщиком злаков, соли и кож.

Сразу же по прибытии наш пароход атаковали комиссионеры, грузчики, монашки и нищие. Пробившись сквозь продавцов молочных продуктов, яиц, фруктов и солений, я вышел на главную улицу, по которой проследовал до Алексеевской площади[122], где высится статуя царя-освободителя Александра II[123], и оказался в старом городе. Я видел немало старинных городов, некоторые из которых были просто восхитительны. Но старая часть Самары совсем иная: в ней все деревянное – и дома, и ворота, и прогнившие дощатые тротуары, проваливающиеся под ногами грузных пешеходов. Затем я увидел реку Самара, текущую в овраге мимо грязных, отвратительного вида домов. Городской парк, маленький, пыльный и уродливый, окружала полуразрушенная изгородь. Выйдя из него, я отправился за город, на кумысную станцию. Кумыс – это забродившее кобылье молоко, которым питаются все азиатские кочевники, и, по признанию европейских врачей, обладающее лечебными свойствами. Больные чахоткой и страдающие заболеваниями желудка петербуржцы и москвичи приезжают лечиться кумысом к местным кочевникам, или к врачам, содержащим кумысные станции в азиатской части России наподобие самарских. В Самаре эти заведения весьма приличные.

Я вернулся на пристань весь в пыли. Церковные здания не произвели на меня никакого впечатления, и только театр показался красивым. На главных улицах имеются магазины. Над гостиницей, где, вероятно, говорят по-французски, висела вывеска «Ресторан», чуть дальше принимал заказы портной с немецкой фамилией, который почему-то выдавал себя за парижанина.

Внезапно я оказался в толпе крестьян. Изможденные, они медленно тащились по дороге, держа в руках арбузы, хлеб и огурцы.

– Куда ж вы идете? – спросил я у одного из них.

– В Сибирь, батюшка, в Сибирь, мы – переселенцы.

– А куда в Сибирь-то?

– Да черт его знает, – ответил мне молодой человек, смиренно следовавший за своими родителями искать в Сибири земли попросторнее да поплодороднее, чем в России.

Я дошел с крестьянами до вокзала, где они должны были сесть на поезд; с пристани шла еще одна их партия. Им предназначался отдельный состав, который должен был доставить их в место добровольной ссылки.

Русские крестьяне, желающие переселиться в Сибирь и получив на то разрешение, предварительно посылают в азиатскую Россию делегата либо от каждой семьи, либо от всей деревни. Иногда ими бывают старики, иногда молодые люди, а однажды таковым была даже женщина. Начальник переселенческого пункта в Челябинске, городе на азиатском склоне Урала, встречает этих разведчиков и спрашивает, где его земляки хотят определиться. В случае наличия свободных земель начальник разрешает им их посмотреть. Если местность им понравилась, то землю на два года передают переселенцам; по истечении этого срока ее

можно передать другим лицам. Женщины не имеют на нее права, но всем лицам мужского пола, включая детей, власти выделяют по пятнадцать десятин, то есть около шестнадцати гектаров.

Когда эти разведчики возвращаются в родную деревню, начинается подготовка к переезду; все, что не могут увезти, распродают, а остальное грузят на телеги. Некоторые берут с собой лошадей, другие продают свою живность и отправляются в путь налегке, а прибыв на место, покупают ее дешево, ведь в Азии скота бывает в избытке. Раньше, когда железной дороги в Сибири не было, приходилось месяцами добираться туда на телегах, судах и даже пешком, спрашивая у всех встречных, далеко ли им до цели, которая на самом деле находилась еще в двух-трех тысячах километров. Изнуренных и павших духом путников косили болезни, а массовые эпидемии брюшного тифа и дизентерии, принесенные ими, не раз истребляли население Западной Сибири. Сегодня переселенцам выделяются отдельные поезда, детям до десяти лет проезд бесплатный, а цена взрослого билета доступна каждому: чтобы доехать, например, из Москвы до Омска, а это примерно две тысячи девятьсот километров, нужно заплатить четыре рубля, то есть почти одиннадцать франков. Правда, при этом рассчитывать на комфортную поездку не приходится.

Переселенцы собираются в Челябинске, откуда отправляются в Сибирь; раньше за лето их набиралось тут до двухсот тысяч, сейчас этот поток поубавился, ибо пригодной сибирской земли, несмотря на обширность этого края, для всех не хватает, и так будет до тех пор, пока власти не договорятся с киргизскими кочевниками и бурятами Забайкалья.

Переселенцы, а среди них есть малороссы, великороссы и белорусы, прибалтийские немцы, поляки, армяне и даже чуваши, мордва и пермяки, прибывают в Сибирь главным образом весной. Во многих городах Сибири для этих людей вблизи вокзалов построены бараки. Канцелярия начальника переселенческого пункта обычно представляет собой деревянный сарай или юрту, а контора располагается в старом вагоне. Рядом стоят амбары, избы и фельдшерский пункт. Задержка с отправкой багажа, забывчивость или потеря документов, усталость или болезни вынуждают переселенцев задерживаться. За их здоровьем следят врачи. Поезд, стоявший на самарском вокзале, как раз предназначался для переселенцев и был снабжен отдельным вагоном-госпиталем.

На набережной сидели и лежали на своих узлах изможденные крестьяне. Несмотря на традиционную русскую смиренность, они не могли скрыть своего волнения: на старом месте было тяжело, но привычно, а что ожидает их впереди? Мужчины старались не подавать виду, но женщины показались мне подавленными и опечаленными. Рядом беззаботно играли мальчишки двенадцати-пятнадцати лет, малышня держалась за своих матерей, и в ее глазах я заметил неосознанный страх.

– Уезжают десятки тысяч, но некоторые через год вернутся обратно больными, подавленными и разочарованными, – информировал меня чиновник.

Однако в европейской России места нет, и их не принимают обратно. Но и в азиатской стороне переселенцам бывает нелегко. Да, им дадут много земли, но ведь ее еще нужно обработать, это вам не луга, а болота, леса и прогалины! Необходимо построить избу. Мужчине в этом плане легче, а вот женщина будет страдать по родной стороне, по брошенным там родителям, по умершим или оставленным из-за болезни в дороге детям, она станет тосковать и на ее глазах всегда будут слезы. И каково от этого мужику? А тут еще неурожай, голод.

Наконец, в Сибири можно столкнуться с жестоким и дурным населением: нельзя забывать, что здесь множество каторжников и их потомков, воров и бродяг. Да и сибирские казаки зачастую обращаются с крестьянами как с покоренными туземцами. Нередко женщины со слезами на глазах жаловались мне на свою долю:

– Да, у нас все есть, нам здесь лучше, чем на родине, но наша родная деревушка и наши души остались в России! Здесь люди совсем иные!

Я прогуливался по самарскому вокзалу, когда ко мне подошел один старик и спросил, когда прибудет багаж. Объяснив ему, что не имею отношения к железной дороге, я поинтересовался, откуда он родом?

– Из Новгородской губернии, – ответил старик, – как и все мы здесь. Слышал о наших краях?

– Конечно! Я ведь иностранец и именно в Новгороде когда-то начинал учить русский язык.

– Совсем худой год для переселения, – посетовал старый крестьянин, – ой, худой! Накануне нашего приезда весь урожай погиб от засухи, и говорят, что нас в Сибири ждет голод. Моя-то семья его переживет, у нас есть деньги, но что будет с остальными?..

– А кто, – перебил я его, – кто та красивая девушка, с которой Вы сейчас разговаривали?

– О, это славная, сообразительная и очень смелая девица, – пояснил старик. – Она была в семье старшей, жила припеваючи. Вон вокруг нее вьются ее младшие братишки, которые, даст Бог, сделают ее семью богатой. Но однажды у них случился неурожай, а двор сгорел. После этого ее отец решил уехать с нами, а дочь оставить в деревне – она была уже обручена и ее жених души в ней не чаял. Однако накануне свадьбы умерла ее мать. И тогда девушке пришлось ехать вместе с отцом, чтобы помогать ему содержать большую семью. С женихом ей пришлось расстаться, и она об этом сильно переживает, но вида не показывает и, думаю, всегда будет по нему страдать. Однако она добрая и всегда всем улыбается. Я и мои сыновья ее очень любим и стараемся ей помогать.

Оставив старика, я подошел к девушке и спросил:

– Как тебя зовут?

– Таня! А тебя? – откликнулась она и улыбнулась.

– Павел![124] – представился я. – А это, верно, младший братец спит у тебя на коленях? Какой прелестный карапуз!

– Да, он самый младшенький и самый милый!

– Танюша, возьми немного денег, чтобы хоть что-то ему купить.

Я дал ей целковый. Девушка взяла мою руку и поцеловала ее.

– Спасибо, – промолвила она и затем добавила: – Но если ты действительно хочешь сделать добро и помочь несчастным, то начинать надо было не с нас, а вон с той старухи, видишь ее? Она из нашей деревни и нуждается гораздо больше, чем мы!

И милое дитя робко протянуло мне рубль, который только что получила. Русские крестьяне обладают чистой душой и щедрым сердцем, они всегда готовы помочь друг другу. Я не стал перечить и поступил так, как, наверное, сделал бы на моем месте читатель, – отдал деньги старой женщине.

Глава четвертая
Русское гостеприимство – Саратов и Царицын – Рыбный промысел в Астрахани

После Самары Волга становится шире, но местность остается сильно пересеченной. Однако леса постепенно редеют, холмы становятся более пологими, в их изрезанных склонах просматриваются мрачные и глубокие пещеры. Селений здесь уже гораздо больше, внешне они не отличаются от тех, о которых я уже рассказывал: все те же темные бревенчатые избы

и белые церкви с колокольнями и выкрашенными в зеленый цвет куполами. Вода в реке становится желтой, ее русло мелеет, и пароходам приходится замедлять ход. Матрос, приставленный следить за фарватером, постоянно сообщает его глубину, чтобы судно не село на мель.

На моем пароходе все пассажиры уже давно сдружились. Их детишки развлекались тем, что бросали хлеб многочисленным чайкам, ныряющим в воду за кормой. Каждый веселился так, как мог. Тем временем оба берега реки стали ровными и песчаными, слева и справа их раскинулась широкая степь, уходящая далеко за горизонт. Растительности вдоль течения почти не было, лишь иногда встречались низенькие сосны и заросли тощих и искривленных дубов.

Чуть больше часа назад вдали показалась какая-то огромная нить, соединявшая оба берега. Вскоре мы поняли, что это большой мост, по которому шел длинный товарный поезд. Сразу после моста железная дорога разделяется на две ветки: одна идет на Порт-Артур и Владивосток, другая – на Оренбург, а в самое ближайшее время должна достичь Туркестана. Длина сего моста составляет 1480 м. Он стоит на четырнадцати опорах и обошелся России в примерно три миллиона рублей.[125]

Тем временем наш пароход остановился в Сызрани. Мне еще никогда не приходилось видеть пристани, столь плотно заполненной повозками, телегами, колясками и лавками, где крестьянки торговали молоком, яйцами и солениями. Я стал свидетелем того, как некая здоровенная бабища, держа в одной руке ребенка, а в другой самовар, случайно столкнула в воду молодого мужичка, вызвав громкие раскаты хохота у окружающих.

Мне не удалось посмотреть, как его вытащили, так как в первый класс направлялись купец и его огромная шарообразная супруга, которая скорее катилась, чем шла. Впереди с кучей свертков, покрывал и подушек семенил их слуга. Я тоже хотел купить себе место в первом классе, но опоздал. Купец же заранее забронировал каюту по телеграфу, и теперь пароходный слуга открывал ему ее узкую дверь. Носильщик с силой надавил на свою кладь, его подушки и покрывала сплющились, и он протиснулся вовнутрь. Меня же разбирало любопытство, как пролезет туда толстуха-купчиха. Она поднатужилась, ее крупные телеса сжались, подобно подушкам и покрывалам их багажа, и рухнули на застонавшее под ними сиденье. Муж улыбнулся:

– Ну, вот, Грушенька, мы, слава богу, устроились, теперь все в порядке!

Стоявший за мной старый капитан вполголоса прокомментировал:

– Хорошо, что Волга глубока, а то с таким грузом мы бы точно сели на мель!

Затем капитан поприветствовал меня и сказал:

– Звать меня Томский Федор Иванович!

Я в свою очередь назвал свои имя и регалии. Так мы с ним и подружились. Через некоторое время, попивая пиво, капитан Томский рассказал мне о себе. Оказалось, что он служил офицером в Туркестане, не раз рисковал жизнью и получил за это Георгиевский крест. Вскоре я уже знал, что в Саратове его ждет жена Вера Павловна, что старший сын Мишка служит офицером на Кавказе, средний отпрыск Коля – инженер на юге России, а младший Борис еще только учится в кадетском корпусе.

Мы болтали уже два часа.

– Павел Августович, – неожиданно спросил у меня капитан, – не желаете ли увидеть нечто особое? У нас на борту есть покойник!

И он потащил меня в третий класс, где только что умер татарин. Войдя в каюту, мы увидели покойника. Он лежал на доске ногами в сторону Мекки, как принято у мусульман. Возле него рыдал двенадцатилетний мальчик. Смерть случилась во время остановки вблизи

Сызрани, и покойника должны были выгрузить на ближайшей станции. Тройной покров скрывал от нас лицо мертвеца. Мулла бормотал молитвы, тем временем как угрюмый врач требовал похоронить усопшего по русскому закону.

– Эти собаки, – сказал он мне, показывая на мусульман, – хоронят своих через двенадцать часов, а по закону это следует делать на третий день. Слышишь, ты, о чем я говорю, – добавил он, тряся за плечи мальчишку, – я сообщу о тебе властям на ближайшей станции, за тобой будут следить!

Ребенок плакал и от ужаса весь дрожал.

– Доктор, как Вам не стыдно, – вполголоса произнес капитан, – оставьте же ребенка в покое!

Врач, недоуменно пожав плечами, вышел.

На следующей станции усопшего перенесли в лавку торговца-мусульманина. Уже наступила ночь, но нам пришлось задержаться с отплытием, так как доктор пошел сообщать властям о несчастном случае на борту.

На следующий день мы прибыли в Саратов. Его причал длиннее казанского и нижегородского. Вдоль него стояло множество судов, а на набережной высились огромные четырехэтажные фабрики. Увиденное поражало воображение: город протянулся примерно на пять километров вдоль реки, причем около него Волга разделяется на два гигантских рукава, образуя посередине длинный и узкий песчаный остров. Саратов находится на правом берегу, мы же плыли вдоль левого. Поэтому нашему пароходу пришлось спуститься на два километра ниже города, обогнуть остров и только тогда причалить. Нашему продвижению мешали лодки и баржи, плыть приходилось осторожно, чтобы не сесть на мель.

– Я прибываю на день раньше расписания, – сказал мне Федор Иванович, – вот будет сюрприз жене!

Он спросил меня, собираюсь ли я остановиться в Саратове. Я ответил, что хочу задержаться здесь на пару деньков или больше, в зависимости от того, насколько интересным окажется город. Федор Иванович пообещал сделать все, чтобы мне все понравилось, и предложил:

– Ежели Вы согласитесь остановиться у меня, то окажете мне честь и доставите удовольствие.

Я поблагодарил его и хотел отказаться, но он продолжал настаивать:

– Ну что Вы, сударь, Вы теперь мой! Гостиницы здесь плохие, комнатушки в них маленькие, там полно жирных клопов и большущих тараканов! А как там кормят! Это же ужас! Вы сразу же заболеете. А у нас в доме просторно, у Вас будет своя комната, где Вы сможете спокойно писать. Ежели же захотите пообщаться, зайдете к нам, мы всегда будем этому рады!

Кто из нас, путешественников по России и Сибири, не получал таких приглашений? Русские не могут быть любезными наполовину, ради гостя они готовы пожертвовать всем, сами встречают иностранца, не отходят от него ни на шаг, осыпают его знаками внимания, то есть, образно говоря, его усыновляют. Вот и капитан решил меня «усыновить». Ну я и влип!

– Павел Августович, ну Павел Августович, ну зачем же Вы хотите меня огорчить? – продолжал Федор Иванович. – У Вас же будет хорошее жилье, мягкая постель с белыми простынями. Меня не поймет жена, если я не приду с Вами!..

Внезапно капитан замолчал и обратил свой взор на набережную, где махала платком некая дама в возрасте.

– Да вот она, Павел Августович, моя Вера Павловна! Смотрите!

Вера Павловна оказалась очень привлекательной женщиной. Она поднялась на корабль, нежно поцеловала мужа и перекрестила его. Капитан представил меня как своего друга и сказал, что я несколько дней проведу в Саратове.

– Мы будем рады принять Вас у себя! – сообщила мне по-французски сия добрейшая женщина.

И вскоре я следовал с моими новыми друзьями к их дому. Когда мы вошли, Федор Иванович произнес:

– Сейчас мы будем ужинать. Наша семья небогата, поэтому еда будет простой, но вкусной, и это все благодаря моей жене. Просим прощения, что не можем предложить большего.

За непринужденной беседой у дымящегося самовара вечер прошел незаметно. Затем Вера Павловна сыграла мне несколько старинных мелодий и спела пару французских песен. Весьма образованная, она говорила о любимых книгах немецких и французских романистов, капитан восхищенно смотрел на нее, не проронив ни слова, и было заметно, что он боготворит свою супругу. Провожая меня в мои апартаменты, капитан произнес:

– Не правда ли, какая замечательная у меня жена?

Я понял, насколько они подходят друг другу.

Саратов – крупный город, его новые улицы с большими домами хорошо вымощены, что для России редкость. В нем нет никаких интересных памятников: ну разве можно отнести к ним вполне заурядный квадратный собор святого Александра Невского с одиноко стоящей колокольней? В городе множество каменных домов, но есть кварталы с деревянными постройками и плохими, полуразбитыми и в глубоких рытвинах дорогами. Постоянно встречаются вывески на немецком языке, некоторые магазинчики напоминают прибалтийские. А вот огромный рынок совершенно русский, то есть ужасно грязный. На нем продается всего понемногу: напитки и снедь, одежда, постельные принадлежности, конские сбруи, всевозможные инструменты и даже экипажи.

На улице повсюду звучит немецкая речь. В Саратовской губернии много немецких колоний, чьи селения сильно отличаются от русских. Улицы там прямые и широкие, утопают в зелени. Жители сохранили свой язык и обычаи, очень похожи на немцев и исповедуют протестантство. Их предки переселились сюда во времена Екатерины Великой.

– Это славные и порядочные люди, – охарактеризовал их Федор Иванович, – но скучные как пасмурная погода!

Затем капитан привел меня в одну деревянную избушку, где жила мордовская семья. Нас встретил светловолосый старик с голубыми и раскосыми, как у китайца, глазами. Он пригласил нас выпить чаю и показал старый пояс своей жены, украшенный аметистами и сердоликами, а также ожерелья из странных предметов, среди которых были когти ястреба и зубы медведя. Я спросил у старика, вся ли мордва исповедует православие.

– Да, – ответил он, – еще со времен Екатерины Второй, которая приказала крестить всех нас и заплатила каждому, принявшему новую веру, по рублю.

– Это напоминает мне мой полк, – пояснил мне Федор Иванович. – Как-то раз к нам поступило пополнение из туземцев. Сначала врач делал им прививку, а затем поп крестил, но они так и не поняли, для чего все это нужно.

Старый мордвин хотел познакомить нас со своими друзьями, но на улице уже начало смеркаться. Я намеревался было пойти с ним, но Федор Иванович вытащил из кармана часы и нахмурился:

– Павел Августович, моя жена сейчас готовит ужин, и она не любит, когда к нему опаздывают!

Вера Павловна действительно уже начала сердиться, но, однако, вида не подала. Это была удивительнейшая женщина, великолепно образованная, к тому же превосходная домохозяйка. Такое сочетание разных качеств в России бывает редко. Всю себя она посвятила детям и мужу.

Когда я покидал Саратов, капитан и его жена провожали меня до самого корабля. Согласно русскому обычаю я поцеловал руку Веры Павловны, которая прикоснулась губами к моему лбу, Федор Иванович же трижды, по-русски, крепко облобызал меня.

– Я хочу попросить Вас передать мою фотокарточку моему астраханскому другу Петру Филипповичу. Он хороший человек, но любит сильно выпить; навестите его, но только до пяти часов вечера, потому что позднее с ним разговаривать уже невозможно! Вы познакомитесь с его женой, Авдотьей Николаевной, которая редко бывает в хорошем настроении, но, возможно, Вы не попадете под ее горячую руку!

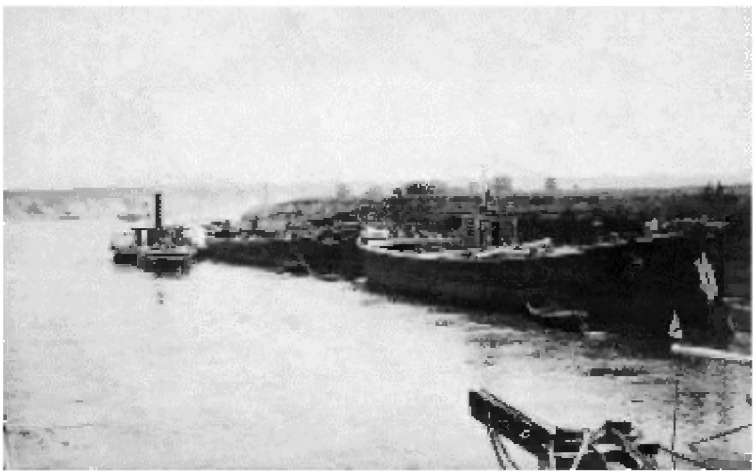
Затем, еще раз попрощавшись, капитан Томский добавил:

– А главное, не забывайте Ваших саратовских друзей! Ах, Павел Августович, какой Вы на самом деле счастливый человек! Вы бываете в Париже только несколько месяцев, и я уверен, что тогда все Ваши друзья готовы для Вас на все, ведь Вы так мало времени проводите с ними! Затем Вы опять уезжаете путешествовать по странам, и везде Вас принимают с радостью, ведь иного Вы не заслуживаете! Знаете, чем реже видишь вокруг себя одни и те же лица, тем больше находишь в них хорошего!

Какой это был удивительный человек! Вспоминая сейчас о нем, я пользуюсь случаем и со страниц этой книги хочу выразить ему, а также всем моим русским друзьям свою самую сердечную благодарность за их гостеприимство и доброжелательность ко мне.

После Саратова Волга становится столь широкой, что начинает подавлять своим величием. На несколько минут мы остановились в Синеньких[126], подольше – в Ровном[127].

Здесь производят зерно, поэтому у причала стояло множество грузовых судов. Серые деревянные домишки располагаются на гребне высокого и крутого обрыва, а коньки их крыш обращены в сторону реки. Все окрест было серым: и земля, и дома, и даже люди, толпившиеся на простенькой пристани. Однако, когда наш пароход подошел поближе, я увидел впереди едва различимые на сером фоне низкорослые голые деревья, несколько белых кур на склоне холма, пощипывавших травку рыжих коров, барахтавшихся в грязи и крутивших своими штопорообразными хвостиками свиней. На берегу и на понтоне стояли одетые в овчины мужики и женщины в красных платьях. Красивая, пышущая здоровьем, розовощекая огненно-рыжая девушка посылала кому-то на пароходе свои воздушные поцелуи. Ее белоснежные ровные зубы сверкали меж красных губ. О, как она была соблазнительна!

Вид на Волгу

На берегу показались запряженные быками и верблюдами повозки; двигались они медленно, а те, что тащили лошади, мчались во весь опор по крутому спуску, рискуя свалиться в реку.

День между тем подходил к концу, и на палубе корабля персы творили на разостланных халатах вечернюю молитву, вознося ее заходящему солнцу. Они медленно проводили руками по лицу, затем простирали их перед собой, словно пытаясь что-то там прочесть, и потом касались лбами земли. Закат озарил все небо, речная гладь приобрела изумрудный оттенок. Неожиданно солнечный луч выхватил на горизонте маленькое черное облачко, которое в то же мгновение исчезло.

Мы оставили Ровное уже ночью. Село погрузилось в темноту, в которой едва различались церковь и крыши домов на пристани. Внезапно, осветив все вокруг, прямо над сельской колокольней вспыхнула восхитительно белая луна.

Ночью мы достигли Камышина[128]. В этих местах высота правого берега достигает 200 м, отсюда берет начало Каспийская низменность. Когда-то эти целинные безлюдные степи и покрытые солью песчаные дюны были дном гигантского водоема, остатками которого являются Каспийское и, видимо, Аральское моря, а также озеро Балхаш.

На следующее утро мы восемь часов простояли в Царицыне[129]. Это большой город, почти полностью деревянный, с 50 000 жителей. В нем нет ничего примечательного, параллельные и редко вымощенные прямые улицы очень пыльные. Погода в день нашего прибытия была прекрасной, но из-за сильного ветра пыль набивалась в уши и глаза. Я укрылся от нее в маленьком городском парке, засаженном большими деревьями, ивами, тополями и акациями. Железнодорожный вокзал Царицына находился рядом. По дороге туда я повстречал кучера, который бранил свою лошадь: она отказывалась идти и лягалась. Тогда кучер слез с облучка и взял лошадь, пытавшуюся встать на дыбы, за уздцы. К моему глубокому изумлению, он при этом громко произнес по-французски бранное слово, увековеченное Камбронном[130]. Я спросил у кучера, откуда он владеет такой лексикой. Оказалось, что этот мужик служил помощником кока, горе-француза, на одном из волжских пароходов. Я понял, что разговаривать с ним больше не о чем, а вечером вообще узнал о нем немало плохого.

В безлюдной местности между Царицыным и Астраханью берега поражают своим однообразием. Пристаней здесь мало. Среди них можно назвать, например, Сарепту[131], известную по всей России своей горчицей, и Владимировку[132], откуда по узкоколейке привозят соль с озера Баскунчак[133]. Далее мы миновали село Тюменевка[134] с его маленьким буддийским храмом[135], куда приходят молиться кочевые калмыки.

На астраханской пристани нам встретилась разношерстная толпа людей, причем среди всех этих грузин, армян, персов, татар, калмыков и киргизцев русских было не так много.

Немного поколебавшись (ведь мне предстояло познакомиться с пресловутой Авдотьей Николаевной и ее настроением), я отправился выполнять поручение капитана Томского. Но разыскать указанный им дом оказалось непросто. Дело в том, что русские любят часто переезжать с места на место, и по указанному мне Федором Ивановичем адресу уже жили другие люди. Вспомнив, что Петр Филиппович служит в губернской администрации, я пошел туда. Меня тепло встретил невероятно благожелательный, крупного телосложения и богатырской силы человек и сразу же пригласил к себе домой. Уже в прихожей мы услышали рассерженный голос Авдотьи Николаевны:

– Петр Филиппович! Зачем Вы пришли ранее обычного? Ну-ка, ступайте обратно!

Однако она все же пустила нас в дом и приняла меня более или менее любезно. Это была высокая, худощавая жгучая брюнетка. Домашними делами она практически не занималась. Муж молча стал растапливать самовар, в то время как Авдотья Николаевна наперебой принялась рассказывать мне о своих занятиях, в основном философией:

– Я не такая, как немки, которые только и живут, что своим домашним хозяйством, или француженки, которых хлебом не корми, дай лишь посудачить о нарядах да о любви. Ну, – строго обратилась она к стоявшему рядом мужу, – наливай же чаю, ежели он готов! Никакой от тебя пользы! Чего застыл? О чем задумался?

– О Вас, дражайшая Авдотья Николаевна, – промолвил несчастный мужчина, – только о Вас. О чем еще я могу думать в Вашем присутствии?!

Авдотья Николаевна снова завела разговор о философии и стала нелестно высказываться о Франции и французах, впрочем, в России я слышал такое от многих. Она тараторила без умолку, не позволяя мне открыть рот. Когда ее муж предложил мне прогуляться по городу, она заявила, что я пойду только с ней, а Петр Филиппович останется дома. При этом она наградила его несколькими довольно неприятными эпитетами. Я встал и возразил ей, что все же выйду с ее мужем, и пообещал, что мы быстро вернемся. Разумеется, я не собирался держать своего слова.

Когда мы оказались на улице, Петр Филиппович негромко сказал мне:

– Вы, Павел Августович, возможно, заметили, что у меня с женой совершенно нет согласия?

Я не смог удержаться от смеха над попыткой моего спутника оправдаться, а Петр Филиппович тем временем добавил:

– Это она еще сдерживается перед Вами. Вы ведь тоже испугались ее, не так ли?

Гуляя по городу, мы осмотрели кремлевские башни, собор с его довольно внушительным куполом и порт, где лежали сваленные в кучи шерстяные тюки, мешки с солью и зерном, соленая рыба и бочонки с вином. Затем я пригласил своего приятеля отужинать вместе. Во время еды он шутил и любезничал. Но как только пришло время идти домой, несколько раз с грустью повторил мне:

– До завтра, мой дорогой Павел Августович, до завтра, мне нужно возвращаться к жене!

Я, конечно, не уверен, что в тот вечер он выбрал самый короткий путь к своему дому.

В Астрахани я побывал на больших плотинах, защищающих город от разлива Волги, прошелся по виноградникам и посетил магазины купцов Сапожниковых, устроивших столь прекрасную экспозицию во Дворце лесного хозяйства, охоты, рыболовства и собирательства на Всемирной выставке 1900 г.

Сейчас в Волге водится намного меньше рыбы, чем раньше. Одни утверждают, что это произошло по причине ее неумеренной ловли, другие – что из-за нефти, используемой для отопления пароходов и попадающей в реку.

Волжские рыбаки четыре раза в год выходят на свой промысел. Самая большая ловля происходит с конца марта до 15–20 мая от Астрахани до устья реки. В этот период ловят судака, леща, карпа и сельдь. Рыбу солят и сушат, свежую же продают торговцам из больших городов России.

С 15 мая по 15 июля рыбная ловля запрещена: в это время рыба приходит в Волгу на нерест. Рыбные промыслы пустеют, а рыбаки расходятся по домам.

15 июля начинается ловля осетровых – белуги, шипа, русского осетра и севрюги. Их живыми отправляют во все волжские порты от Астрахани до Нижнего Новгорода в особых лодках со щелями для прохождения через них проточной воды.

С 1 сентября до примерно 1 ноября ведется осенняя ловля, но если улов невелик, то ее могут особым решением продлить. В этот период можно ловить всякую рыбу, при этом улов превосходит летний, но не достигает весеннего.

Зимняя ловля сегодня наименее выгодна. Во льду Волги прорубаются полыньи, рыба подплывает, чтобы подышать, и в этот момент ее ловят сетями и гарпунами, затем оставляют на воздухе и, когда она заледенеет, отправляют потребителю. В эту пору в лавках Сапожниковых можно увидеть осетров до четырех метров длины, в которых бывает до двухсот килограммов икры.

Мне удалось осмотреть большие рыболовные сети, с которыми управляется только целая артель рыбаков; для ловли осетра они с крупными ячейками, рыбы поменьше – мелкоячеистые. На рыбных промыслах применяют труд киргизцев и калмыков. Женщины потрошат и чистят рыбу, за что им платят наличными, а также провизией, чаем, рисом и просом. Каждая работница должна выполнить определенную дневную норму, если же сделает больше, то ей это оплачивают дополнительно.

Рыбу солят в огромных чанах, одна только компания Сапожниковых ежегодно расходует для этого 16 млн кг соли, привозя ее со степных озер. Ледники, в которых хранится рыба, настолько огромны, что в каждом из них помещается примерно шестьдесят тысяч килограммов рыбы.

Благодаря галантности Петра Филипповича, который оказался добрейшей души человеком, мне удалось побывать на рыбном промысле, используя для этого маленький пароходик, который любезно предоставил один из его друзей. Петр Филиппович проводил со мной все свое свободное время. Обедали мы теперь только в ресторане, так как его жена не хотела меня видеть.

– Вы два сапога пара! – заявила она нам.

Возвращаясь с рыбных промыслов, мы осмотрели маленький домик Петра I[136]. Мое пребывание в Астрахани подошло к концу. За прощальным ужином, крепко выпив, Петр Филиппович все еще пытался оправдывать свою жену:

– У нее все же есть определенные достоинства, а раньше их было еще больше. Да, она очень умна и разбирается в том, в чем я вообще не смыслю. Она выгоняет меня, когда я возвращаюсь домой раньше обычного; тогда я иду в ресторан и пью! Да, я пью много, даже слишком много, но ведь в этом есть и ее вина!

Затем Петр Филиппович произнес тост за мое здоровье.

Когда я на следующий день прощался с ним, он просил меня не забывать его.

– И не пытайтесь вычеркнуть из своей памяти мою жену, это бесполезно: ее невозможно забыть!

Через несколько лет судьба вновь свела меня с Петром Филипповичем, но уже в Сибири. Он был все таким же сильным, красивым и обходительным, бросил пить и теперь сиял от радости. На новом месте он устроился на более высокую должность, чем в Астрахани.

Не дожидаясь моего вопроса, он сообщил, что разошелся с женой.

– Я действительно был не ее круга, – посетовал он мне. – Сейчас она занимается философией в Санкт-Петербурге. Впрочем, я не тоскую по ней, почти не вспоминаю о ней и не пишу ей письма. Оказывается, мы были такими разными!

Часть вторая
В Башкирии

Глава пятая
Среди степных башкир – Мусульманское гостеприимство – В семье муллы

Поднявшись на пароходе по притоку Волги Каме, а затем по притоку Камы Белой, я направился в Уфу, административный центр большой одноименной губернии, расположенной на западном склоне Уральских гор. По пути мне встретилось несколько живописных мест, но в целом путешествие показалось скучным. Кама очень широка, на ней множество больших, покрытых растительностью островов, и корабли здесь часто садятся на мель из-за многочисленных песчаных перекатов. Перед моим отъездом из Казани на Урал один из моих русских друзей сказал мне:

– У вас удивительный капитан: он хорошо ведет свое судно, только когда вдрызг пьяный!

Мне удалось добраться до Уфы без происшествий, ибо капитан не просыхал, и Бог, обычно покровительствующий пьяницам, очевидно, благоволил и мне. К сожалению, Всевышний не защитил меня от клопов, которыми пароход буквально кишел. Питание для пассажиров было из рук вон плохим, чего не скажешь об упомянутых тварях, которые вдоволь попили нашей кровушки.

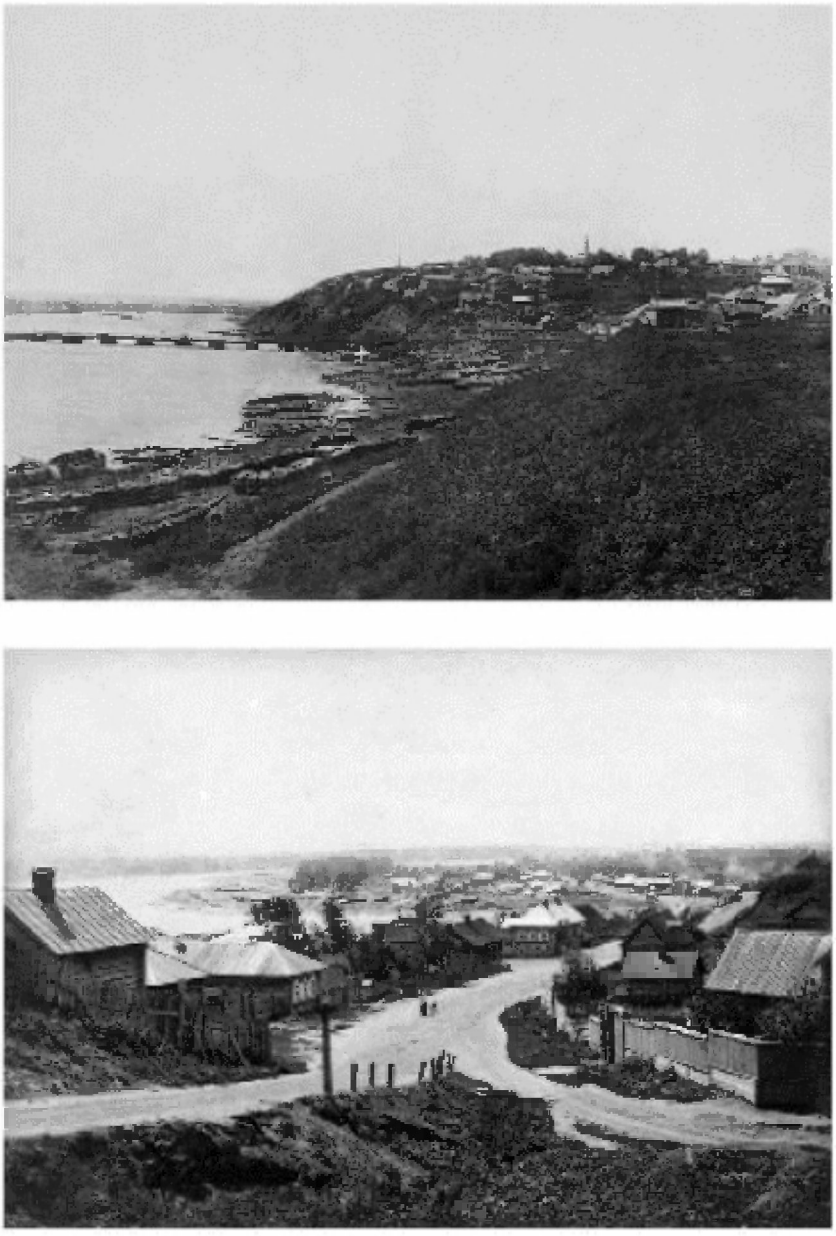
Уфа напоминает амфитеатр, сооруженный на берегу Белой. Сегодня в городе проживают 60 000 жителей, и у него хорошие перспективы для развития по причине очень удобного расположения между Уралом и Сибирью. Под вечер я прибыл в городскую гостиницу, где мне пришлось более двух часов выслушивать рассказ ее хозяина об Уфе, губернии и Транссибирской железной дороге. Наконец, когда его лекция завершилась, я, уходя в свой номер, не удержался и спросил его, почему он говорит со мной по-русски.

– Но мне показалось, что Ваше произношение не совсем французское, – ответил мне он.

Только теперь мы поняли, что оба являемся уроженцами Франции.

Посетив уфимского губернатора Богдановича (к несчастью, убитого в прошлом году)[137], я поделился с ним своим желанием изучить местных башкир, и он порекомендовал мне побывать для этого в Стерлитамакском уезде. По словам губернского главы, там проживают как степные, так и горные башкиры, и можно воочию увидеть плоды русской колонизации. Площадь уезда составляет 1 917 358 десятин земли[138]. Всероссийская перепись населения, проведенная в 1897 г., показала, что в Уфимской губернии проживают 2 277 108 душ обоего пола, из которых 1 059 126 составляют башкиры, русского духовенства там намного меньше, чем мусульманского: на 19 890 мулл приходится только 5 388 православных священников.

Губернатор поручил уфимским муллам из татар (татарских работников и торговцев в Уфе довольно много) рассказать мне об обычаях и нравах башкир. Я надеялся получить от них интересующие меня сведения, но муллы, видимо, отнеслись к этому распоряжению без энтузиазма и приняли меня довольно прохладно. Губернатор предоставил в мое распоряжение офицера полиции, якобы хорошо знающего этот край, но я сразу понял, что этот полицейский любит приврать, чтобы набить себе цену, а рекомендованный мне мулла не хочет делиться со мной информацией из принципа. При этом они оба ненавидели друг друга.

Город Уфа

– Опасайтесь этого муллу, – шептал мне на ухо офицер, – он порочен, как обезьяна!

– Остерегайтесь полицейского, – загадочно поучал меня татарин, – он хитер, как лис!

Но однажды они все же пришли к согласию. Мы встретились втроем в ресторане. Мулла пил только пиво, так как употреблять что-то покрепче ему запрещает религия. Но офицер незаметно подливал в пиво водку и поглощал эту ужасную смесь вместе со своим противником. Не в состоянии смотреть на это безобразие, я решительно поставил свой стакан на стол и, когда оба заклятых врага, целуясь в губы, стали клясться друг другу в вечной дружбе, вышел на улицу. Однако на следующий день они вновь враждовали!

Видя, что в Уфе больше делать нечего, я выехал в Стерлитамакский уезд, попутно намереваясь побывать в Белебеевском, Уфимском и Верхнеуральском уездах. За исключением горной части путешествовать по губернии легко, по крайней мере если двигаться по почтовому тракту, идущему от Уфы до Оренбурга вдоль Уральских гор. Однако я предпочел ехать по бездорожью, чтобы побывать в глухих деревнях.

В маленьком городке Белебее, являющемся административным центром уезда, я в качестве слуги и переводчика взял полицейского, на вид полурусского-полутатарина. Это был суровый, вечно хмурый и очень грязный башкир, который умел только командовать. Во время войны с Турцией[139] служа денщиком какого-то генерала, он побывал в Петербурге.

– Как же ты нашел дорогу в столицу? – удивился я.

– Не знаю, мы прибыли туда вечером, а уехали ночью. Все это время генерал кутил, а я охранял его комнату, так что Петербурга мне увидеть не удалось.

Город Уфа

Я поинтересовался у него, что он думает о своих собратьях-башкирах.

– Прежде это были славные люди, – ответил он мне, – а теперь совершенно испортились: пьют и курят!

– Но я не видел среди них курящих!

– Так они это делают втайне друг от друга.

Служака говорил мне правду, но сам был не лучше: он пил так много, что через несколько дней я вынужден был его прогнать.[140]

Из Белебея я отправился по железной дороге в Шафраново[141], маленькую станцию вблизи татарской деревни Слак[142]. Это селение расположено у подножия невысоких гор, на которых один уфимский врач организовал кумысолечебницу[143]. Аналогичные заведения существуют по всей губернии, и петербургские и московские врачи посылают сюда легочных больных лечиться кумысом, то есть скисшим кобыльим молоком. Лечебный кумыс малоприятен на вкус, и поэтому некоторые пациенты предпочитают проходить курс лечения непосредственно у башкир. Впрочем, в башкирском кумысе содержится гораздо меньше питательных веществ, чем в киргизском.

Оставив Слак в тот день, когда на ярмарку в нее съехались крестьяне со всех окрестностей, я, направляясь в тарантасе к реке Дема, оказался в долине, засеянной кое-где колосящимися пшеницей, рожью, овсом и просом. 1898 г. был неурожайным, на страну обрушилась страшная засуха, и уже в августе в губернии начался голод.[144] На первый взгляд пшеница и овес выглядели как обычно, поля колосились, но зерна оказывались пустыми. Достигнув Демы, изобилующей рыбой достаточно широкой и глубокой реки, я переправился через нее по примитивному мостку из веток и очутился у ворот первой встреченной мною башкирской деревни, носящей название Кипчак-Аскарово[145]. Я не оговорился – именно у ворот, ибо почти все башкирские, как, впрочем, и русские деревни, обнесены оградой с воротами.

Вероятно, башкиры живут здесь издревле, являясь, возможно, потомками массагетов[146], которые, согласно Геродоту, промышляли охотой и раз в год превращались в волков. Сейчас они превратились в башкир, и трудно сказать, стало ли им от этого лучше. Вражеские нашествия пронеслись рядом с ними, почти не повлияв на их жизнь; они не подверглись влиянию цивилизации, как были дикими, так и остались. Служа в русской армии, они так и не выучили русского языка, но зато переняли все пороки русских. Некоторые из них принимали участие в последней кампании против Турции[147], но плохо помнят о ней или, возможно, просто не хотят говорить об этом, ведь война против султана греховна для мусульман. Старики-башкиры рассказывали мне, что давным-давно их предки ходили в далекую и дикую страну, в которой вынуждены были питаться травой и подошвами сапог. Речь в этих рассказах шла о событиях 1815 г., а «далекой и дикой» страной, название которой мои собеседники уже не могли вспомнить, была Франция[148]. Я мог бы им напомнить, что они питались там блюдами и получше: в частности, в Сен-Кантене[149] до сих пор рассказывают, как башкирские воины съели всю продукцию местного свечного заводика.

На мой взгляд, башкиры умственно и социально развиты гораздо хуже центральноазиатских киргизцев, сартов и дунган. Долгое время они группами кочевали по степи и их единственным занятием было скотоводство. Зимой башкиры жили в земляных шалашах, а с приходом лета перемещались своими стадами с одной равнины на другую. Так что их жизнь никак нельзя назвать тяжелой: пастухи были предоставлены сами себе. Из шерсти, лошадиных и бараньих шкур они изготовляли одежду и войлок, из которого строили жилища, из кобыльего молока приготовляли кумыс – свой повседневный и главный напиток, который наряду с употреблявшейся по праздникам бараниной и кониной составлял основной рацион питания для их нетребовательных желудков.

К сожалению, башкиры не смогли сберечь свои угодья от проникновения чужеземцев и тем самым сохранить свой образ жизни. Не задумываясь о последствиях, они стали распродавать по десять, по сто гектаров земли за несколько фунтов сахара или чая. Отдельные петербуржцы нажили на этом огромные состояния. Затем сюда пришли русские переселенцы и стали получать наделы от государства. В ходе нового перераспределения земельных угодий были установлены их нормы на каждого пользователя. Впрочем, обо всем этом я подробнее расскажу ниже.

Придя сюда, переселенцы освоили степь и постепенно распахали считавшиеся непригодными для земледелия пространства. Обширные пастбища, на которых паслись огромные стада скота, ушли в прошлое, кочевки прекратились, что привело к резкому сокращению поголовья животных, составлявшего основу экономики башкир.

В итоге их численность стала резко падать, в деревнях получили распространение туберкулез и сифилис. Нехотя башкиры стали подражать в хозяйстве русским, но, перейдя к земледелию, они из беззаботных пастухов превратились в никудышных пахарей.

В демско-бельском междуречье я избрал объектом своих исследований башкирские деревни Кипчак-Аскарово, Мурзагулово[150] и Услы[151], внешне напоминающие русские селения, однако без живности, характерной для православных, – куриц, уток, гусей и свиней. Уже издалека видишь красивые и живописные минареты, но, приблизившись к ним, убеждаешься в их примитивности, а сами мечети оказываются срубленными из плохо подогнанных бревен и досок избами. Русские и башкирские крестьяне почти не общаются и не испытывают друг к другу теплых чувств. Едва между башкиром и русским намечается дружба, татарские муллы и русские попы сразу же стараются их поссорить. Башкиры, ссылаясь на рассказы стариков, жалуются, что русские все у них отняли, и в лучшем случае относятся к ним как к ворам. Причины взаимного непонимания этих двух народов заключаются в следующем. С одной стороны, башкиры не понимают или не хотят понять, что проданная ими земля больше им не принадлежит. С другой стороны, на русского человека, обычно настолько адаптивного, что в Центральной Азии он даже перенимает язык и практически всегда привычки и нравы покоренных им народов, башкиры никак не повлияли: в русских деревнях, через которые я проезжал, почти никто не понимал по-башкирски. Русские переняли у башкир только страсть к конокрадству. В башкирской семье отец гордится искусным в этом деле сыном, и русские теперь тоже не испытывают угрызений совести, воруя у башкир лошадей; зачастую одна и та же лошадь в течение года попеременно оказывается то в башкирском, то в русском табуне.

В деревнях я обычно останавливался на постой у муллы, башкира или татарина. Последний, в отличие от первого, был сдержаннее, покладистее и авторитетнее у своей паствы. Как только я приезжал в селение, к его дому сразу сбегались ее жители, чтобы посмотреть на меня и напроситься на угощение. Вначале они вели себя настороженно, но, увидев мое доброе к ним отношение и получив от меня в качестве подарков сигареты, кусочки сахара и побрякушки, начинали давать ответы (к сожалению, не всегда точные) на мои вопросы.

Первое, что увидел я, подъехав весь покрытый пылью к Кипчак-Аскарово, это кладбище, занимавшее склон холма. На могилах вертикально стояли длинные и тонкие каменные пластины, отчасти напоминающие Карнакские и Локмариакерские мегалиты[152]. На свежих могилах лежали кучи обычных камней, число которых, по словам местных жителей, должно быть нечетным. В глубине кладбища я заметил человека, копавшего яму. Я спросил у него, не деревенский ли он могильщик, и получил сухой ответ, что ночью умер его сынишка и теперь он его хоронит. Выкопав яму глубиной примерно в один метр, башкир принес трупик ребенка. Мулла помог ему уложить тело в землю лицом к Мекке, на боку и без гроба, прочел несколько молитв, а затем, взяв мужчину за руку, медленно увел его с кладбища.

Я последовал за ними и оказался на единственной в деревне улице. Вокруг не было ни души. Мой проводник привел меня в избу самого богатого, по его словам, сельчанина. Тот вышел мне навстречу, протягивая сразу обе руки. Появилось еще несколько угрюмых и неприветливых мужчин. Позже они признались, что поначалу приняли меня за очередного русского чиновника, приехавшего к ним за взяткой.

– Ты нам очень понравился, – потом сказал мне один из них, – поскольку не требуешь с нас денег, а сам раздаешь их…

Старик впустил меня в избу и предложил поселиться у него на любой срок. В комнате, которую мне определили, было довольно просторно, имелись стол и два стула, под потолком висели медвежьи шубы, гамаши из волчьих и бараньих шкур, большие валенки и прочие меховые изделия. Хозяин принес мне стакан довольно плохого кумыса и куски сваренной в бараньем жире крупной рыбы. Мне очень нравятся рыбные блюда, но только если они не приготовлены башкирами… Со мной был мой петербургский друг месье Гавриил Лагерквист[153]. Взглянув на угощение, мы тяжело вздохнули, но поскольку были очень голодны, то набросились на еду, забыв про вилки. Моему другу удалось спокойно поесть, а вот из моей порции рыбы наш хозяин, стараясь продемонстрировать свое почтение, постоянно извлекал своими большими и грязными пальцами кости, начисто отбив у меня аппетит.

Вскоре двор заполнили пришедшие посмотреть на меня башкиры. Они вели себя настороженно, спрашивали, кто я такой, откуда прибыл и зачем. Тогда я стал рассказывать им о своих поездках по Азии, о приключениях, которые пережил, путешествуя с киргизским караваном[154]. Я говорил с ними на русском языке, время от времени вставляя татарские слова, которые помнил. Знавшие русский язык слушали меня, покачивая головами, хохоча над моими шутками, и переводили мой рассказ остальным. В итоге все пришли к выводу, что этот французский дикарь, прожив столько времени среди мусульман, поумнел и беседовать с ним интересно. Лед недоверия между нами растаял, и в обмен на подаренные монетки, а детям – конфеты я получил теплые рукопожатия, добрые улыбки и… блох. Выпив, по русскому обычаю, чаю с лимоном, я предложил им несколько его ломтиков. Надо было видеть, с каким наслаждением они стали обсасывать их, передавая по очереди друг другу! Приютивший меня старик-башкир назвал меня своим другом, после чего доверием ко мне прониклись остальные сельчане. Самый смелый из них подошел ко мне и, дождавшись, когда я допью чай, взял из чашки использованный кусочек лимона, другие подобрали и с удовольствием стали жевать брошенные мною окурки. Один башкир вынул табак изо рта, разделил его на две части и меньшую предложил пожевать своей жене.

Воспользовавшись благожелательным расположением башкир, я решил сфотографировать их женщин. Толпа сразу заволновалась, начала перешептываться, но ведь другу отказывать нельзя и поэтому пятерым дамам было приказано надеть свои праздничные украшения. Они нехотя поплелись домой наряжаться, но, когда мой спутник-полицейский рявкнул на них, бросились бежать со всех ног. Мы провожали их громким смехом.

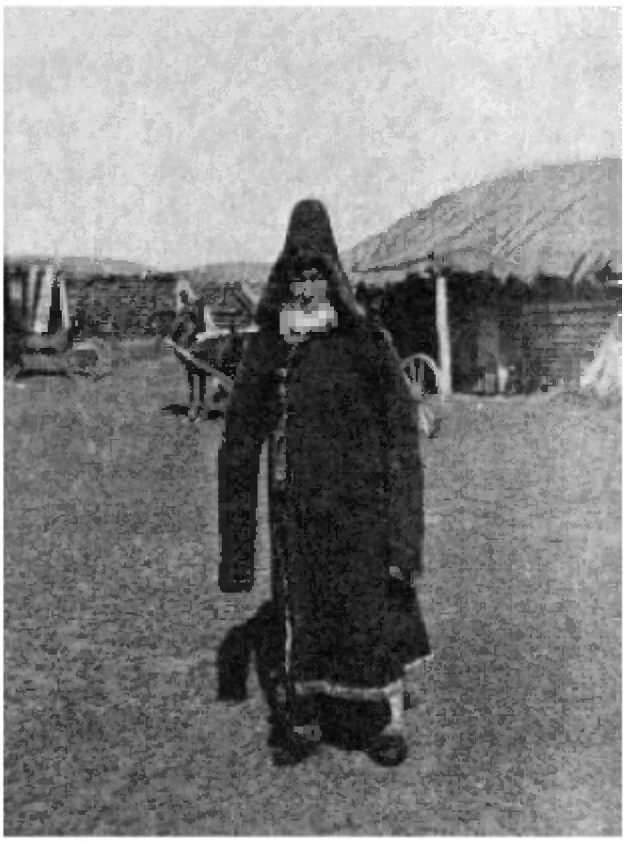
– Бьешь ли ты своих жен? – спросил я у старика-башкира.

– Нет, – ответил он, – однако раньше иногда бывало!

– Покажешь их мне?

– Не могу, они обе умерли.

– Ну теперь понятно, – сказал я, – почему ты их больше не колотишь!

Пожилой башкир из Кипчак-Аскарово

– У нас есть пословица, – со всей серьезностью заметил старик, – «если хочешь, чтобы твоя собака знала, что ты ее хозяин, бей свою жену!».

– Какой ужас! – возмущенно воскликнул Гавриил Эдуардович. – Мне не понятно, при чем здесь жена?

Что касается одежды башкирок, то они носят на себе то же самое, что и мужчины, то есть шаровары, немного укороченный халат, кожаные сапоги или лапти из березового лыка. Мужчины даже летом ходят в меховой шапке, а женщины надевают что-то вроде небрежно накрученного маленького тюрбана из грязной ткани. Иногда у них встречаются короткие юбки, но тогда ноги нужно прятать в шаровары или обертывать тканью.

– Ваши женщины не скрывают своего лица? – осведомился я.

– Очень редко, – был ответ. – Нашим женщинам нельзя показывать не лицо, а ноги.

Сопровождавший меня полицейский, услышав это, предложил попросить какую-нибудь старуху продемонстрировать их, на что я резко ответил, что мне и так вполне достаточно всего увиденного.

Вскоре пять женщин вернулись. Они не сменили одежду, не помылись, дабы не принести горе своим детям, но зато надели покрытые камушками, амулетами и монетами шелковые чепцы, покрывавшие голову и плечи. В качестве нагрудников у них были массивные ожерелья из серебряных монет. Башкирки никогда, даже при крайней нужде, не продадут вам сии семейные драгоценности, которые передаются по наследству: этого просто-напросто не разрешат им сделать мужья, а души умерших родителей будут мстить за такое кощунство. Любимые камни башкир – рубин, бирюза, сардоникс, турмалин и аметист, весьма ценятся у них и кораллы. Известно, что Уральские горы богаты месторождениями драгоценных камней, его рубины и сапфиры являются самыми красивыми в мире, при этом рубины уступают по красоте только цейлонским, а изумруды – бразильским. Имеются в Уральских

горах и фенакиты, розовые турмалины, зеленые уваровиты, бериллы, аквамарины, желтые, розовые и белые топазы, а также хризолиты редчайших расцветок и высочайшего качества.

Между тем башкирки уже выстроились в ряд перед моим фотоаппаратом. Они были убеждены, что фотографироваться грех, и, подобно большинству наших женщин, полагали, что его можно совершать лишь тогда, когда это приносит удовольствие. А какая радость может быть от фотоаппарата? Женщины постарше стояли перед камерой совершенно безучастно, а самая молоденькая напомнила мне барашка, которого ведут на заклание. Утешением для них служило лишь то, что это делается с разрешения мужей и, главное, в присутствии полиции, а значит, угодно Богу!

Затем сфотографироваться захотели все мужчины. Наиболее колоритных из них я, конечно, заснял, а остальных попросил встать в ряд, после чего запечатлел только оказавшихся в середине, но они, решив, что сфотографирован каждый, остались довольны.[155] Один старик в знак благодарности даже упал передо мной на колени и коснулся лбом земли. После этого мужчины попросили меня открыть бокс с негативами и каждому выдать его портрет.

– Нет, это можно сделать только ночью, – объяснил я им. – В темноте я открою коробку и… – тут я присвистнул так, что собравшиеся вздрогнули, – из нее выскочит картинка!

Они сразу же успокоились, видимо, решив, что фотография – это обычное колдовство, а оно, как известно, происходит только по ночам.

Когда мы с Гавриилом Эдуардовичем ходили по избам, за нами всегда бежало воинство маленьких дикарей – местных мальчишек в рваных рубашках, через прорехи которых сверкали их животики и попки.

Я покидал эту деревню с глубокой тоской. Башкиры уговаривали меня остаться: мой приезд на время скрасил этим доверчивым созданиям монотонное и унылое существование. Возможно, я еще бы задержался у них, если бы не мой славный хозяин. Этот старик постоянно жаловался на свою жизнь, и мне ежедневно приходилось выслушивать его монологи об украденных у него десять лет назад трех рублях, о налоге, который он ежегодно платит, о русском ветеринаре, вынудившем его забить двух больных лошадей, о захваченных русскими башкирских землях… Держу пари, что после моего отъезда он окончательно тронулся умом на почве этого! Я до сих пор вспоминаю, как он помог мне сесть в повозку, приговаривая:

– Почему ты не хочешь у нас остаться? Жил бы в моем доме, а я бы тебя кормил! Пообещай, что вернешься!

Я наобещал ему и всем остальным с три короба, и только тогда нас отпустили. Вслед нам неслись пожелания доброго пути, а Гавриил Эдуардович, посмеиваясь, подначивал меня:

– Так вот для чего мне пришлось ехать в такую даль: чтобы убедиться, что Вы башкир! Честное слово, они приняли Вас за своего!

Путь из Кипчак-Аскарово в Мурзагулово оказался долгим и утомительным, трава вокруг была настолько сухой, что, казалось, бросишь нечаянно непогашенную спичку – и степь охватит пламя. Мы миновали два убогих русских хутора, столь бедных, что даже не смогли купить там яиц. Башкиры косили сено, которое вывозили на простых телегах русские парни.

Едва въехав в Мурзагулово, мы услышали крики: оказывается, башкиры заранее узнали о нашем приезде. Впереди толпы стоял местный полицейский по фамилии Антонов – мордвин с русским лицом. Он должен был заменить мне проводника-башкира, выходками которого я уже был сыт по горло. В России мордвы насчитывается примерно 800 000 душ, кои рассеяны по всем губерниям азиатской части страны. Сильно обрусевшие, они исповедуют православие, отличаются честностью и трудолюбием. Пользуясь случаем, замечу, что в этнографическом отношении Россия представляет собой мозаику, состоящую из множества народов.

Башкирки из Кипчак-Аскарово

Не успел я сойти с повозки, как ко мне сразу потянулось множество рук. Меня отвели в дом радушного муллы, выбрали самого лучшего барана, затем один башкир связал его, бросил на землю и быстро полоснул ему ножом по горлу. Животное несколько раз дернулось, из его горла хлынула кровь, и раздался хрип. Голодные и полудикие деревенские собаки стали жадно лакать этот кровавый ручей. Я решил сделать сельчанам подарок и сказал, что хочу купить у них барана и пригласить всех на пир. Башкиры сказали, что сами могут угостить меня, но, увидев в моих руках деньги, согласились.

В этот момент я услышал голос муэдзина, призывающего людей на молитву. Забыв обо мне, все сразу побежали надевать свои тюрбаны, а потом поспешили в мечеть. Я последовал за ними. Мулла, как обычно, пропел молитвы, и правоверные, оставив обувь на крыльце, несколько раз коснулись лбами земли.

Вернувшись домой, я узнал, что меня ожидают музыканты. У одного из них был кубыз – маленький диковинный железный (реже – деревянный) инструмент, который помещают в рот и заставляют вибрировать пальцем. Он встречается у всех азиатских народов от Урала до Тихого океана. Другой исполнитель пришел с кураем – длинной камышовой флейтой, на которой он искусно аккомпанировал певцам.

В башкирских домах всегда множество мух, блох, клопов и тараканов, коих русские называют пруссаками, а пруссаки – «русскими». В комнате, где мне устроили концерт, мух было несметное количество. Они вились вокруг покрытого жиром и грязью лица кураиста, заползали ему в ноздри и уши, а он невозмутимо продолжал играть. Видимо, из-за слоя грязи на своей физиономии он их не ощущал. Меня заинтересовало, о чем он поет. Оказалось, что про мой приезд и свою симпатию ко мне и Гавриилу Эдуардовичу. Затем башкиры принялись плясать, но их грузные движения показались мне неуклюжими и заурядными, напомнив солдатские и русские танцы.

Внезапно один старик встал и представился:

– Меня зовут Гали.

Ответив ему, я вновь переключил свое внимание на артистов, но он крепко схватился за мой рукав:

– Я хочу кое-что тебе рассказать. Лет двадцать назад к нам в деревню приезжал важный генерал вроде тебя, и знаешь, Ваше превосходительство, что он сделал? Он дал мне рубль, чтобы я угостил всех кумысом!

Поняв намек и не желая оказаться скупее того генерала, я вручил этому башкиру полтора целковых.

Однако хитрый старик не унимался и стал называть меня «Ваше высокопревосходительство»[156]. Мне пришлось угостить кумысом всех присутствующих. Приняв на грудь, они развеселились и стали горланить песни.

Наконец я, Гавриил Эдуардович и приютивший нас священнослужитель остались одни. Дабы освежить воздух в комнате, я брызнул на пол несколько капель одеколона. Изумленный мулла, впервые в жизни видевший эту жидкость, попросил меня налить ее ему на руки, и не успел я опомниться, как он стал натирать ею свое лицо. Естественно, у него сразу же защипало глаза, физиономию всю перекосило, но он не разозлился, а с радостным визгом выскочил вон из комнаты. Через несколько минут ко мне заявился его сын и тоже попросил дать немного этой дивной воды. Получив ее, он тоже натер себе лицо и побежал рассказывать всем о своих приятных ощущениях.

Тем временем на деревню опустилась ночь. Задумчиво взглянув на широкий дощатый настил[157], на котором предстояло спать, я поделился своими опасениями с кучером:

– Только бы не было клопов!

Антонов, услышав меня, отдал честь и, щелкнув каблуками, побежал к двери. Широко распахнув ее, он громко крикнул:

– Эй, мулла, поди-ка сюды!..

Тот явился незамедлительно.

– Слышь, ты, у тебя есть клопы? – грозно спросил у него Антонов.

– Нет, – невозмутимо ответил священнослужитель, – тараканов много, а вот клопов совсем нет!

После этого я спокойно растянулся на настиле. Над моей головой с потолка нависали бараньи шкуры и шелковые бухарские халаты, на стене белели часы (большая редкость в башкирских избах), которые, о чудо, шли! Вокруг них были приколоты цитаты из Корана, различные картинки и план Мекки.

На улице царила мертвая тишина, иногда прерываемая лаем собак, чуявших рядом с деревней волков, и вскоре я погрузился в глубокий сон в избе двух служителей Магомета, одному из которых, молодому, завтра предстояло меня сопровождать.

Мурзагуловский мулла был благоразумен и воспитан, завсегда любезно отвечал на мои вопросы, но, несмотря на свое добросердечие, всякий раз чего-то не договаривал. Он старался не отзываться плохо о русских, не хотел ворошить старые обиды, и, боясь сказать лишнего, отсылал меня к другим информаторам. Замечу, кстати, что если башкиры чего-то не понимают, то стараются этого не показывать. Этнографические реалии, объяснения топонимов, разъяснения нравов и обычаев, древние легенды, песни и народные пословицы, которыми столь щедро делятся киргизцы или туркменцы, из башкир выудить практически невозможно. И тут нет никакого их злого умысла: они просто-напросто не знают и не хотят ничего знать об этом.

Они сочиняют песни прямо на ходу, снабжая их привычными для них мелодиями. Слова их сводятся к тому, что лес вокруг красив, а всякий гость желанный. Но особенно они любят скорбеть о своем прошлом. По вечерам, собрав вокруг себя сельчан, я расспрашивал стариков о годах их юности (у башкир судить о былом могут только седовласые), и они

рассказывали мне о больших скачках по праздникам, охоте на волков, которых преследуют на лошадях до тех пор, пока зверь не падет от изнеможения, ловле птиц соколом, сидящим на кулаке, легендах, сказываемых летними звездными ночами у войлочного шатра в таинственной степи. Сколь печальными становились лица присутствующих, когда старики вспоминали о вольных временах. Я думаю, что все сегодняшние невзгоды этого народа обусловлены тем, что он живет одними лишь воспоминаниями о прошлом, не желает стать поактивнее и преодолеть в себе лень, чтобы выйти из нищеты и голода.

– Мои прихожане ужасно невежественные, – объяснял мне мулла, – но они хотят жить по заповедям ислама, и нам, муллам, следует помогать им в этом!

Антонов, полицейский-мордвин

Хотя башкиры по религии – мусульмане, они не являются фанатично преданными этой вере, но легко могут ими стать. Эти бедняжки и впрямь невежественные, их нельзя назвать хорошими людьми, но и плохими тоже. Рано или поздно они должны были попасть под чье-то влияние, и так случилось, что их поводырями стали татарские муллы, извлекающие из этого выгоду. Служители в мечетях Башкирии, как правило, называют себя татарами, но на самом деле не все они таковы. Дело в том, что башкир, получив мало-мальское образование и став муллой, начинает стыдиться своих соплеменников и предпочитает называть себя татарином, что у них означает дворянина. Аналогичную ситуацию я наблюдал у киргизских мулл, которые любят подчеркивать свое сартское, а не киргизское происхождение. Татарские муллы в европейской части России выполняют ту же роль, что и их сартские коллеги в азиатской, а именно – настраивают мусульман против русских и империи. В последние годы они сумели спровоцировать множество беспорядков, среди которых особенно следует выделить недавние трагические события в Андижане.[158] Фанатично проповедующие ислам

сарт и татарин – вот главнейшие внутренние враги России, они воздействуют на души людей, а это бывает трудно контролировать.

Башкиры – монотеисты. По их мнению, Бог один и одновременно присутствует в небе и на земле.

– Всевышний у всех народов общий, – поделился со мною один башкир, – все религии равны и отличаются друг от друга только своими священными книгами.

Мулла укоризненно посмотрел на моего собеседника, но лишь промолвил, что «нет бога, кроме Аллаха!».

Башкиры верят, что на том свете им за все воздастся, хотя толком не знают, в чем это выразится.

– Чтобы получить благодеяние, – разъяснял мне мулла, – нужно не делать никому зла и регулярно посещать мечеть. Правда, теперь туда чаще ходят старики, и пока они совершают намаз, юноши совращают их молодых жен. Только тогда, когда у человека выпадут все зубы, он становится богобоязненным!

– Эх, мулла, мулла, – воскликнул я со смехом, – такое сейчас можно встретить везде! Юноши ведь не могут одновременно избегать женщин, творить добро и ходить в мечеть. Вы слишком много от них требуете!

На минуту задумавшись, мулла ответил:

– Если бы они почаще посещали мечеть, то могли бы искупить свои грехи подаянием! Сегодня муллой быть не просто, от моих прихожан мало дохода, да и толстопузый поп из соседней деревни что-то слишком зачастил к нам!

Уезжая из Мурзагулово, я хотел заплатить мулле за его гостеприимство, но он отказался принять деньги. Его сын взял чаевые только за оказанные им услуги кучера. Как бы то ни было, меня сильно впечатлили почтительность и культурный уровень мурзагуловского священнослужителя. Когда одна парижская газета попросила меня рассказать о моих приключениях в России, я послал в нее заметку об этом человеке, особо подчеркнув его набожность и добродетель.

Дорога от Мурзагулово до Стерлитамака была ничем не примечательна кроме разве что плотной завесы пыли, иногда полностью заслонявшей нам путь. Антонов утверждал, что никогда такого еще в этих местах не видел, и уверял, что на нас навели порчу (хотя не признавал себя суеверным). Несмотря на это, ему постоянно хотелось есть, в то время как моему первому проводнику-башкиру все время требовалось выпить.

– Мы должны сделать остановку в Услах, – сообщил Антонов, – там живет душа-человек по фамилии Иулин, он всегда хорошо принимает путников, и у него можно будет перекусить…

Что ж, нам пришлось свернуть к Иулину. Этот, как оказалось, умный, но совершенно бесстыжий человек одно время служил школьным учителем, но быстро понял, где можно сорвать куш. Решив воспользоваться доверчивостью башкир, он заделался ростовщиком и вскоре разбогател, сокрушаясь, что не застал времена, когда башкиры готовы были платить огромные деньги за всякую понравившуюся им безделушку.

Но и сегодня, давая кредит под огромные проценты, ростовщик постепенно прибирает к рукам всю деревню. Представители этой профессии есть почти в каждом башкирском селении и действуют заодно с русским писарем – сельским делопроизводителем, этаким секретарем на все случаи жизни, в котором башкиры видят представителя власти, за взятку готового на все. Но не все коту бывает масленица: если башкирских крестьян обкрадывают русские ростовщики, то русских крестьян обводят вокруг пальца еврейские и армянские кредиторы.

Иулин сумел подмазать нескольких чиновников и взамен получил иммунитет от преследования: бюрократ, попавший в долговую кабалу, начинает плясать под дудку кредитора.

Покинув этого прохиндея, мы отправились дальше. Впереди нас ждал город Стерлитамак, своими размерами напоминавший губернскую столицу. Вдалеке показались белоснежный храм[159], две деревянные мечети с украшенными минаретами, черные тополя и серебристые березы между желтых домов. И хотя мы ехали довольно быстро, город не приближался. Так часто бывает, когда путешествуешь по степи. Кажется, что через каких-то двадцать-тридцать минут доберешься до цели и сможешь отдохнуть, ан не тут-то было! Лошади несутся галопом, но как будто стоят на одном месте. Бывает, требуется два-три часа, чтобы достичь искомого.

Почтовая станция в Стерлитамакском уезде

Гостиница в Стерлитамаке оказалась простенькой, но пригодной для проживания.

– Вы хорошо отобедаете, – убеждал нас его хозяин, – так как у нас почти французский повар!

Повар на самом деле оказался неплохим, но я так и не понял, почему этот русский мужик считался «почти французом».

Стерлитамак – второй по значению после Уфы губернский город (третьим является Златоуст, в котором производят холодное оружие). Во время нашего пребывания в Стерлитамаке в нем числилось 15 538 человек, но теперь их еще больше. В основном это русские, татары и немного башкир: они с трудом приспосабливаются к городской жизни. В городе имеется несколько церквей (особенно велика та, что виднеется издали) и больших мечетей, крупный и многолюдный рынок, где каждому виду товаров отведена отдельная зона. Стерлитамак омывают две реки – Ашкадар, широкий и полноводный приток Белой, которая течет с юга на север в шести километрах отсюда, и намного меньшая, неглубокая и впадающая в Ашкадар Стерля. На берегах Ашкадара мужчины и женщины летом постоянно купаются нагишом, причем женщины, выходя из воды, в отличие от мужчин нисколько не стесняются окружающих. То же самое я наблюдал на Волге вблизи Казани, на Белой рядом с Уфой и на больших сибирских реках у Омска, Томска, Иркутска, Благовещенска и Хабаровска. Заметив, что я каждый день прихожу на берег, женщины, видимо, наконец-то решили, что иностранец приходит сюда не для купания, а чтобы поглазеть на них, и стали стыдиться меня.

Я нанес визит уездному начальнику[160], который сразу же предложил мне посетить местную тюрьму. По дороге туда я поделился с ним своими положительными впечатлениями от мурзагуловского муллы. Чиновник, выслушав мои дифирамбы, от души расхохотался:

– О, как я рад, что покажу Вам тюрьму. Вполне возможно, что там Вы встретите своего друга, он ведь частенько туда попадает – большего конокрада во всем уезде не сыщешь!

Действительно, насколько я могу судить по своему опыту, чем башкир культурнее, тем он вороватее. Он готов поделиться всем с первым встречным, напоит его кумысом и чаем, не притронется к чужому багажу, если тот хранится в избе или лежит в повозке, но стоит какой-то вещи случайно упасть наземь или выскользнуть из стоящего во дворе экипажа, то он сразу ее присвоит. Он даже может якобы случайно уронить багаж, а потом забрать его себе! Поэтому уездный глава, или, точнее, уездный исправник (начальник уездной полиции), не открыл в этом для меня ничего нового. Жаль, что и мурзагуловский мулла оказался не лучше.

Тюрьма не произвела на меня никакого впечатления, но я сфотографировал в ней нескольких заключенных-башкир. Уфимский каземат с его засаженными красивыми деревьями и просторными двориками произвел на меня лучшее впечатление, поскольку там я встретил одного здоровяка лет тридцати пяти и очень красивого восемнадцатилетнего юношу, ожидавшими отправки в Сибирь. Оба они принадлежали к секте скопцов – добровольных евнухов, которые, ложно толкуя евангельскую заповедь и думая, что спасение человека состоит в усмирении плоти, подвергают себя ужаснейшей хирургической операции. Мужчина постарше провел ее над юношей. Увидев последнего, я не мог поверить, что такой красивый молодой парень решил по собственной воле отказаться от радостей, которые дает любовь. По достижении пятнадцати лет кастратов ссылают в Сибирь, точнее – в Якутскую губернию, где они сумели поднять сельское хозяйство. Видимо, утрата мужского достоинства компенсировалась у них особым трудолюбием и неудержимой страстью к деньгам: большинство валютных менял, сидящих у большого рынка в Петербурге, – кастраты. Однако эти сквалыги всегда готовы оплатить юношам операцию, которая является пропуском в их секту.

Выйдя со мной из здания тюрьмы, исправник пообещал:

– Теперь я познакомлю Вас с самым нужным человеком на свете, он превосходно знает наш край и окажет Вам помощь.

«Самый нужный человек на свете» оказался полицейским стражником и вполне заслуживал этого эпитета: именно он уговорил меня до отъезда к горным башкирам посетить в маленьком городке Стерлибаш[161], что находится в 50 верстах от Стерлитамака, семью татарских священнослужителей Тукаевых.

Чтобы добраться до них, нам пришлось пересечь унылую степь, которая по мере приближения к истоку Стерли становилась все более дикой. Здесь находятся знаменитейшие на всю Башкирию мусульманские школы, которые, как и медресе, готовящее мулл и учителей, дали немало высокочтимых богословов. С давних пор[162] этими заведениями управляют Тукаевы, могилы предков которых почитаются башкирами.[163]

Меня встретили два их младших брата[164], которых мой татарский кучер приветствовал глубоким поклоном. Старший из братьев[165], якобы хорошо владеющий русским языком, на тот момент находился в отлучке в Бухаре. Уютный и хорошо обставленный дом муллы напоминал жилище зажиточных мещан. Нас угостили чаем, кумысом и накормили превосходным ужином. При каждой смене блюд менялись и столовые приборы, сплошь серебряные, золотые или из позолоченного серебра – чтобы, во-первых, засвидетельствовать свое почтение к нам, а во-вторых, продемонстрировать достаток.

Лишь один из домашних мог свободно изъясняться по-русски[166], но предпочитал говорить скороговоркой, чтобы не отвечать на мои каверзные вопросы. Он показал мне медресе, где ученики живут в стандартных деревянных избах под сенью больших деревьев, иногда по одному в комнате, но чаще всего группой, и сами оплачивают свое проживание. Обстановка классных комнат была предельно скромной, на стенах были развешаны тексты молитв, сур Корана, планы Мекки и знаменитых мечетей. Обучение занимает несколько лет, русский язык преподается факультативно[167], а обязательным предметом является только религия.[168]Однако при желании и возможностях можно изучать арабский, персидский и русский языки, математику и, не поверите… логику! Кроме башкир здесь учатся татары, а также киргизцы и туркменцы.[169]

Медресе в с. Стерлибашево

Мы посетили полуденную службу. Мечеть здесь просторная и состоит из пяти-шести комнат[170]. Среди окружающих я приметил несколько характерных мусульманских типажей. Моление длилось долго и было более торжественным, чем в других селениях и даже в Уфе.

Неожиданно один из Тукаевых стал расхваливать мне Францию, ибо – тут он пересказал мне по-русски большую статью о докторе Гренье[171], напечатанную на татарском языке в одном ускользнувшем от внимания цензуры казанском издании, – мусульмане могут быть у нас депутатами и министрами. Ничего себе! Оказывается, известность экс-депутата от Монбельяра[172] докатилась уже до Урала! В этой статье, выпущенной специально, чтобы взбудоражить мусульман, сообщалось, что, хотя Гренье уже не является депутатом, ему на смену пришли другие мусульмане-парламентарии, которые из Бурбонского дворца[173]управляют Францией![174] В публикации проводилась мысль, что, в отличие от нашей страны, в России права мусульман постоянно нарушаются, православие при поддержке властей и полиции вытесняет их религию, а образованные последователи ислама не могут делать политическую карьеру и не участвуют в управлении страной. Тукаев отказался отдать мне эту газету, но еще раз засвидетельствовал свои симпатии Франции.

Он не знал, что у нас редко кому удается надолго задержаться на пике славы: доктор Гренье уже давно вернулся к занятиям наукой и передал свой депутатский мандат другому человеку. Однако я не стал разочаровывать Тукаева и разрушать те представления о нас, которые сложились в умах мусульманских богословов. Не стал я говорить ему и о том, что предпочтения французского избирателя не отличаются постоянством…

Глава шестая
Горные башкиры – Через Уральские горы – Город Оренбург

Тракт от Стерлитамака до Уральских гор сначала пересекает по мосту реку Ашкадар, а через несколько километров – Белую. Первая большая станция находится в деревне Петровское[175]. Наш путь сначала проходил по широкой равнине, на смену которой пришли заросли лещины, но чаще липы и березы. В Петровском проживал земский начальник, с которым губернатор рекомендовал мне проконсультироваться о дальнейшем маршруте. В целом земские руководители, а это, как правило, отставные офицеры-дворяне, более образованы и воспитаны, чем уездные начальники. Губернию в России возглавляет генерал или статский советник, в его штат входят вице-губернатор, советники, гражданские и военные адъютанты. Территория губернии делится на уезды, а те в свою очередь – на станы. Во главе уезда стоит исправник, во главе стана – становой пристав, в подчинении у которого находятся низшие полицейские чины, урядники и стражники; Антонов как раз был из последних. В судебном отношении губерния делится на округа, каждым из которых руководит земский исправник. Наряду с этими в Башкирии имеются различные мелкие должности, предназначенные для башкир, которые прибегают к подсиживанию, клевете и доносам друг на друга, чтобы их получить. Поэтому уездные исправники и председатели земских управ часто ошибаются и останавливают свой выбор на наименее достойных претендентах. Конечно, никакой власти у этих башкир нет. Им, в частности, дозволено быть полицейскими старостами, которых от имени уездных и земских начальников контролируют сотские и десятские, а также всецело подвластными председателю земской управы старшинами и судьями.

Земский начальник составил для меня маршрут поездки, ибо только он знал, где в это время года находятся башкиры-кочевники. До Макарово[176] мы добрались по проезжей дороге, на околице нас уже встречал башкирский старшина[177]. Он принадлежит к одному из богатейших семейств Башкирии, прослушал краткий курс лекций в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе[178], из которого, скорее всего, мало что понял[179]. Это был простоватый, но чуть более развитый, чем остальные, туземец. Я имел несчастье потрогать маленькую грубую статуэтку, стоявшую в углу его комнаты, что привело его в ужас. Сопровождавший меня другой башкир сказал, что эта кукла является оберегом, к которому могут прикасаться только правоверные.

Мы вышли с Антоновым на улицу.

– Ну и дикари! Нет, барин, они определенно дикари! – сокрушался он. – И каким образом этот грязный деревянный болванчик может принести кому-то вред? Ха-ха-ха! Я сейчас умру со смеха. Не знаю, барин, как Вы, но я не понимаю, как можно верить во все эти глупости!

Но накануне Антонов сам объяснял мне, что если заяц перебежит перед нами дорогу справа налево – это дурной знак, что нельзя отправляться в путешествие в понедельник и мыться по пятницам, что возбраняется пожимать руку через порог, а перед отъездом нужно обязательно присесть на дорогу! Но больше всего Антонов опасался увидеть вечером в моей комнате три горящие свечи.

Я не удержался и напомнил ему про его суеверия.

– Так это не суеверия, – ответил он мне, – это то, что не раз подтверждалось жизнью.

– Да все это глупости, не заслуживающие внимания, – парировал я.

– Хозяин, хозяин, пожалуйста, не говорите так накануне нашей поездки, – зашептал он в ужасе, – иначе это приведет к несчастью!

Нам приготовили повозки. Гавриил Эдуардович души не чаял в нашем кучере – настоящей скотине, бывшем полковом барабанщике, словарный запас которого состоял из одних только непристойных слов и выражений. Храня верность своей первой профессии, он изготовил простенький барабан, игрой на котором приводил башкир в восторг.

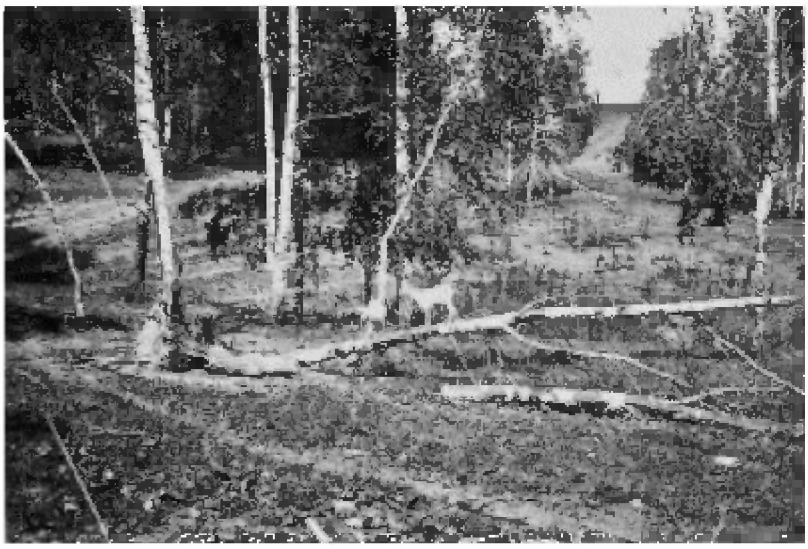
Наш тарантас сдвинулся с места. За нами в ужасного вида двуколке ехал с задранными вверх ногами и горланил свои песни Антонов. Дорога, вначале вполне сносная, вскоре стала ужасной и местами даже опасной для нашего неуклюжего экипажа, по причине чего нам не раз приходилось выходить из него и идти пешком. В лесу часто попадались наполовину обугленные, порой еще дымившиеся деревья: башкиры в пути готовят пищу в их дуплах, нисколько не задумываясь, что это может привести к пожару. Хотя на нашем пути постоянно попадались упавшие деревья, Антонов и не думал выходить из своей повозки, которая, рискуя разбиться, вынуждена была переезжать через стволы и ветки. Частенько из-под колес нашего транспорта взлетали рябчики и тетерева.

По пути мы встретили несколько башкир, причем мужчины всегда ехали верхом, а женщины шагали рядом, неся закрытые ведра с молоком, кумысом или сушеным сыром. Иногда мы встречали вырубленные топором в стволах деревьев широкие и грубые ступеньки, по которым башкиры взбираются на десять-двенадцать метров вверх, где у них находится пчелиный улей. Гигантский ствол, на первый взгляд совершенно здоровый, на деле оказывался пустотелым: уральские пчелы обитают в дуплах елей, лип и платанов[180], причем липовый мед считается самым лучшим и наиболее душистым. Деревья на Урале просто чудесны, и в жизни нет ничего лучше, чем бродить среди его вязов, лещины, платанов, берез, дубов, кленов, лип и елей. Обычно уральский лес представляет собой заросли крупных деревьев, перемежающихся лужайками, на которых пасется скот. В лесных чащах скрываются волки, а вблизи зарослей дикой смородины и малины бродят бурые медведи, которых башкиры очень боятся. В густой листве прячутся от орлов и грифов рябчики и куропатки, глухари и тетерева. Днем здесь раздаются голоса кукушек, а по вечерам – крики сов и филинов. По елям и лещине прыгают белки, лисы охотятся на птиц, а рыси – на бесчисленных в этих местах зайцев.

Вскоре наша дорога превратилась в тропинку с крутыми подъемами, спусками и головокружительными поворотами. Антонов по-прежнему не покидал повозки, вследствие чего у нее уже дважды отваливалось колесо, которое приходилось чинить.

Нас сопровождал староста, гордо восседавший на своей кобыле, за которой следовал совсем молоденький жеребенок. Мы не знали, когда прибудем к месту назначения. «Скоро», – говорил староста. «Через три часа», – утверждал кучер. Неожиданно мы оказались среди полностью сделанных из коры хижин, в которых в ужасающей грязи обитали несчастные дикари со слезившимися от заполнявшего их жилища дыма глазами.

Чтобы попасть в Старое Сеитово[181], нам пришлось преодолеть пять гор, причем первые две были очень крутыми; башкиры называют их Биктау[182] и Алатау[183] (слово «тау» в башкирском, как и в киргизском, языке означает «гора»). Путь через Алатау, то есть «Пеструю гору», был особенно трудным: копыта лошадей скользили по камням, постоянно попадались сломанные, вырванные с корнями и опутанные ветвями стволы деревьев, моим спутникам нередко приходилось прорубать топором заросли девственного леса.

Лес в Башкирии

Наконец дорога стала получше, и мы снова смогли сесть в тарантас. Все деревья вокруг были плотно опутаны ветками, путь нередко преграждали быки, грозно шедшие на нас с опущенными рогами. Внезапно староста пришпорил свою лошадь и скрылся в лесной чаще. Тем временем дорога разделилась на две тропинки, и только наш кучер собирался повернуть направо, как неожиданно перед нами опять возник наш провожатый. Впереди показалась поляна, на которой паслись лошади и козы и стояли четыре хижины из липовой коры.

Заранее предупрежденные старостой о нашем прибытии, нас встретили башкиры. Они предложили переночевать у них, но все их избы показались нам очень грязными и непригодными для сна. Вдруг рядом с башкирским кочевьем мы увидели довольно привлекательную палатку и простенькую конюшню, покрытую сеном.

– А там кто живет? – поинтересовался я.

– Да один богач, он каждый год приезжает сюда со своей женой, чтобы поохотиться, – отвечали башкиры.

Ничего себе! И кто же эти чудаки, из года в год проводящие лето в башкирском кочевье? Вечером, когда мы возвратились с прогулки по окрестностям, башкиры сообщили нам, что их соседи тоже вернулись и приглашают нас на ужин. Это оказались муж с женой из дворян. Оба они прекрасно говорили по-французски и рассказали, что приехали на Урал лечиться кумысом, и потом стали приезжать в эту горную глухомань поохотиться. Сегодня они подстрелили четырнадцать рябчиков, глухарей и тетеревов.

Для нас супруги отгородили рядом со своей палаткой маленький участок. Мы улеглись на стогах сена и укрылись одеялами. Вдали слышался вой волков, неподалеку лаяли собаки, над нами в ветвях деревьев кричали, взмахивая крыльями, совы. Еще ни разу в ходе поездки по Башкирии мне не удавалось так крепко уснуть. Утром я проснулся от того, что мою щеку лизнула рыжая корова, каким-то образом сумевшая перешагнуть через изгородь. Всходило солнце, на траве лежала роса, в воздухе стоял запах скошенного сена и спелой малины, в гнездах щебетали птицы, а у горящего перед хижинами костра, радуясь и приобретая блох, кувыркались со щенками маленькие полуголые башкирята.

Лето для горных башкир – самое счастливое время, им повезло больше, чем их степным собратьям – до них не дошли русские, и поэтому они сохранили свои старинные обычаи и свою самобытность. Напротив, зима – сущее для них наказание. В эту пору оставаться в горах, где стоит жуткий холод и нередки снежные лавины, невозможно, поэтому они спускаются в свои деревни. Башкиры никогда не заготовляют сено на зиму, и в

январе-феврале их скот умер бы с голода, если бы они не отпускали его свободно пастись в лесу. Лошади, быки и бараны сами находят под тонким слоем траву. Конечно, в горах их подстерегает множество опасностей, но волк для них не так страшен, как голод в хлеву. Башкиры могли бы продавать летом продукты животноводства в соседних русских деревнях, взамен покупая на зиму чай, муку и рис, однако они этого не делают и весну встречают слабыми и больными, а зимой большинство их детей умирает.[184]

Поэтому понятно, с какой радостью эти несчастные встречают приход весны. Как только стает снег, они созывают свое стадо; множество животных, ставших жертвами волков или голода, не приходят на этот призыв. Изможденные и больные, люди и животные бредут в горы в поисках удобного кочевья, где они вновь обретут здоровье. К несчастью, их массово косит туберкулез. У каждой деревни имеется, как правило, по два кочевья: два месяца люди проводят в одном, а три – в другом. Живут они на кочевке в одних и тех же жилищах. Таким образом, горные башкиры кочуют не так, как киргизцы, туркменцы или буряты, их летние становища редко бывают удалены на более чем тридцать километров от деревень.

Летние кочевья обычно располагаются на поляне вблизи пастбища и одинаковы у всех башкир. Хижины, которые русские называют шалашами, а башкиры утын[185] или бурама (деревянная изба)[186], делаются из липовой коры. Из нее они изготовляют веревки, лодки и, как уже было сказано, жилища. Однако для колес используются дуб или вяз, а для примитивных рессор – береза и осина. Внутри утын ужасно грязный, кроватью в нем служит что-то вроде помоста[187], покрытого старым ковром, посередине единственной комнаты завсегда горит огонь, который едва выходит через дырявую трубу, вследствие чего жилище бывает заполнено густым дымом, обрекая башкир-мужчин на глазные болезни, а женщин – на слепоту. Обстановка хижины крайне простая, там нет ни стола, ни стульев, а только примитивные предметы кухонного обихода – деревянные ведра для кумыса, березовые емкости для айрана и забродившего коровьего молока. Над очагом висит длинная, во всю хижину, доска, на которой хранят башкирский сыр, называемый «корот». Его делают из смеси коровьего и козьего молока, которую сначала кипятят, а затем оставляют скисать, предварительно сняв сливки, потом вновь ставят на огонь. Затем, отделив от сыворотки, корот помещают в липовый чан, называемый «чуман», солят и коптят в течение пяти-шести дней, пока он не станет темно-серым. Березовое ведро для хранения айрана и кумыса называется «батман». Из березовых же коры и древесины башкиры, подобно всем туземцам Азии, а иногда и русским, изготовляют корзины, плетенки, ложки, обувь и различные предметы домашнего обихода.

Приготовлением кумыса и корота занимаются исключительно женщины. Мужчина нанимается заготавливать лес для соседних заводов, охотится на волков или лисиц и разводит пчел, только когда ему нужны деньги, обычно же он бездельничает и спит.[188]На женщине лежит вся самая тяжелая работа: починка повозки и избы, изготовление конской сбруи, косьба сена и увоз его на продажу в соседние деревню или город. Вся домашняя одежда – тоже творение женских рук.

Путешествуя по миру, я пришел к выводу, что чем более дикими являются туземцы, тем больше загружены работой их женщины, а если за дело берется мужчина, значит, это общество уже стало цивилизованным. Изнуренная непосильным трудом, башкирка быстро стареет. Я встречал множество стариков-башкир, но пожилых женщин почти не видел. Я не называю их старухами, потому что уже в тридцать лет все башкирки кажутся таковыми. Это седые, преждевременно увядшие, изуродованные материнством (впрочем, многие из них умирают во время родов) создания.

Среди башкирских девушек редко встретишь красавицу, порой мне даже казалось, что они никогда не умываются. Один только Антонов находил в этих уродинах очарование. Он всегда был готов полюбезничать с башкирками, особенно после приема пищи, когда в нем просыпалась неуемная энергия либо его начинало клонить ко сну.

– В сущности, – заявил он нам однажды, – все бабы одинаковы, и их надо любить всех подряд!

Впечатлительного Гавриила Эдуардовича такое объяснение крайне возмутило:

– Неужели для тебя, Антонов, все женщины на одно лицо? Согласись, что между настоящими красавицами и этими полузверушками – целая пропасть!

«Полузверушками» в представлении моего друга были две сопливые и грязные башкирки, доившие рядом с нами коров. Одна была старой и безобразной, а другая, помоложе, обладала выдающимся бюстом, едва прикрытым рубахой. Взглянув на нее, Антонов пояснил:

– Ха-ха! Главное, чтобы у бабы здесь все было на месте, – при этих словах он обеими руками схватился за свою грудь, – а остальное не так уж и важно!

Я сразу подумал, что мадам Антонова, вероятно, не могла рассчитывать на верность своего супруга. Когда я путешествовал по Сибири, меня сопровождал полицейский, тоже большой любитель женского пола. Однажды, когда он поделился со мной своим очередным любовным приключением, я с усмешкой спросил у него:

– Не стыдно ли тебе обманывать свою жену?

– А чего тут плохого! – весело ответил он мне. – Вдруг она в это время тоже мне изменяет?

Тогда этот аргумент показался мне убедительным, но Антонов был из другого теста.

– В дальней поездке, где столько соблазнов, мужик не может быть верным своей бабе, – однажды заявил он. – И в данном случае это нельзя считать изменой. Моя жена сама померла бы со смеху, если бы узнала о моих похождениях на стороне. Она была бы только рада, если бы я… доставлял удовольствие другим бабам.

– А если, – перебил его Гавриил Эдуардович, – женушка, узнав о твоих шалостях, сама начнет погуливать?

Этот вопрос Антонова озадачил, он смутился, но так как в душе был философом, то быстро нашел, что ответить:

– Разве от баб узнаешь правду? Обманывает ли меня моя или нет, откуда ж знать? Но я думаю, что нет! А вот если она по глупости бабьей сделает это, преимущество все равно будет у меня. Я ведь могу заделать детей где угодно, и она об этом даже не узнает, в то время как у всех ее детей отцом буду только я!

Да, Антонов воистину был великий философ!

Поляк, приютивший нас у себя, месье Сигизмунд де Веславич, представил нам обеих башкирских доярок, за которыми мы наблюдали. Старухе, которой на вид было лет пятьдесят, на самом деле стукнуло тридцать пять, а другой было не больше двадцати пяти. Они были женами одного башкира, который заплатил десять баранов калыма за первую и две лошади за вторую, хотя она, по его словам, того не стоила.

Горные башкирки, вероятно, не столь несчастны, как степные: работая наравне с последними, они ведут более здоровый образ жизни, могут оставлять себе немного денег от продажи молока и сохраняют отношения со своими родителями даже после выхода замуж.

– У вас бьют жен? – спросил я одного из кочевников.

– О, что-ты, что-ты, никогда, никогда! – стал отмахиваться он. – Только если они того заслуживают!

Решение поженить своих чад обычно принимается самими родителями. Отец семейства платит за своего сына, еще ребенка, калым другу, у которого есть новорожденная, и как только девушка достигнет брачного возраста, празднуется свадьба и брак благословляется

муллой и уважаемым стариком, одним из «белобородых» деревни. Иногда случается, что жених умирает до свадьбы. Так как отец девушки не может вернуть калым, который он, скорее всего, уже израсходовал, с девушкой сочетается брат покойника. При этом бывает, что десятилетнему мальчику достается жена гораздо старше.[189] Обычно женщина до рождения первого ребенка остается в доме своего отца, если только ее муж не вдовец и у него нет детей, о которых нужно заботиться. Если молодой человек беден, он может оплатить часть калыма работой на тестя.

Мужчине позволено иметь до четырех жен, но не всякий может их содержать, поэтому у башкира редко бывает более двух супруг. Брак между двоюродными кузенами, который не дозволяется у русских, у уральских мусульман разрешен. Согласно башкирскому обычаю, два брата могут сочетаться браком с двумя сестрами, что также запрещено в православии.

В некоторых горных селениях во время родов муж должен лежать на земле недалеко от жены.[190]Роженице помогают соседки. Прежние изуверские обычаи сейчас почти не соблюдаются, даже если роды проходят тяжело. И хотя все продолжают верить, что в женщине сидят злые духи, во время родов ее не истязают, как это принято у других туземцев, чтобы изгнать из нее эту нечисть. Мулла нарекает ребенка именем, которое ему выбирает отец, но обрезание почти всегда делает женщина.[191] У всех местных народов имеются свахи, и это занятие приносит им неплохой доход.

Ни в одном из кочевий мне ни разу не встречалась бездельничающая женщина: все они трудятся в любую погоду. У башкир всегда горит большой костер, рядом с которым в клубах дыма, отгоняющего многочисленных и ужасных горных комаров, на земле лежат мужчины. В конце дня они становятся такими же закопченными, как их сыры, или даже еще хуже! Когда через их кочевье проезжает путешественник, его зазывают к себе, это хоть какое-то развлечение: чужаки забредают сюда редко. У путника спрашивают, кто он и откуда приехал. Когда у меня интересовались, где находится моя страна, я показывал на запад, и башкиры понимающе кивали:

Состязание по башкирской борьбе

– Ты пришел оттуда, куда заходит солнце!

Меня угощали кумысом, пели старинные песни, устраивали борьбу двух обнаженных по пояс парней.

Чтобы добраться от кочевья, где мы сделали остановку, до деревни Старое Сеитово, нам пришлось ехать по ухабистой дороге в дремучем лесу. Лошади скользили по крутым склонам, их не раз приходилось распрягать, идти пешком и тащить за собой экипаж, с трудом удерживая его. Несчастных случаев нам удалось избежать, но из десяти верст пять пришлось идти на своих двоих. Антонов тоже спешился: после того как на первом же крутогоре его повозка опрокинулась, он решил больше не рисковать своей головой. Наконец мы прибыли в Старое Сеитово. Лес тут был пореже и покрасивее, раз шесть-семь нам пришлось переходить вброд небольшую речку Улуелга, дно которой состояло из крупных красных и белых камней.

Нас встретил деревенский писарь и отвел в избу, предназначенную нам для ночлега.

– Должен вас сразу предупредить, что в ней водятся клопы! – любезно сообщил он.

– И много их там? – поинтересовался я.

– Нет, не так уж, – ответил он характерным русским выражением, которому не просто подобрать аналог во французском языке.

Это «не так уж» на самом деле оказалось «слишком много»!

Все жители деревни находились на кочевке. Писарь сообщил, что по этой причине нам не удастся добыть ни молока, ни кумыса, ни яиц. Посему на завтра мы запланировали охоту, а сегодня вечером Гавриил Эдуардович предложил порыбачить. Два молодых башкира вошли в Большой Шишеняк, таща против течения длинную сеть, а в двухстах метрах выше мальчишки, стоя по пояс в воде, били по ней большими палками, чтобы загнать рыбу в этот бредень.[192] Нам удалось поймать трех маленьких форелей и около полусотни раков, которых мы без соли и перца сварили и сразу же съели. Антонов от них отказался, заявив, что такую гадость он есть не может.

Мечеть в с. Старое Сеитово

На следующий день мы верхом на лошадях побывали в живописной долине Ямантау[193]. Из кустов вылетали вспугнутые нами рябчики и тетерева. Остановившись позавтракать на поляне, мы обнаружили там кочевье старого башкира и его семьи. Старик считался богатым[194], у него имелось шестьдесят лошадей и множество молочных кобылиц. Должно быть, в свое время он был очень красивым мужчиной. Мне встречались башкиры двух типов: первый, очень похожий на сибирских остяков, живущих в бассейне Оби, отличается плоским носом, прямым профилем, квадратным лицом, короткой шеей, черными блестящими глазами, немного выступающими скулами и редкой бородкой. Старик-башкир с Ямантау был скорее второго, киргизского типа, характеризующегося широким лицом и орлиным носом. Он встретил нас довольно приветливо, но, увидев с нами писаря, бросил на него подозрительный взгляд. У старика была бычья шея, из распахнутой рубахи виднелась покрытая седыми волосами грудь. По его словам, ему было девяносто лет, но, скорее всего, он, как и все туземцы, преувеличил свой возраст, поскольку точно его не знал. Звали его Мурзабай. В момент нашего прихода он молился, уткнувшись носом в старый потертый ковер, расстеленный перед хижиной.

Старик пригласил нас войти и спросил, хотим ли мы отведать барашка. Я сказал, что нам будет достаточно кумыса. Когда ему принесли в миске этот напиток, он взял большую ложку и стал его черпать и выливать обратно – кумыс бывает вкуснее, когда его взбалтывают. Помню, когда я долго жил у одного киргизского султана, наполненный кумысом большой кожаный бурдюк укладывали на спину верблюда и заставляли его ходить в течение четверти часа. Бултыхаясь между горбами, жидкость приобретала особенный вкус. Старый башкир относился к перемешиванию кумыса со всей серьезностью: этот напиток был для него божьим даром, всем сущим. Точно так же относятся к каравaю французские крестьяне, осеняя его крестом, или русские мужики, целующие упавший на землю кусок хлеба.

Я принялся расспрашивать старика о его молодых годах, о победах в борьбе и участии в облавных охотах, но он испугался и замолчал, а затем зарыдал.

– Он плачет, – после долгой паузы пояснил мне его сын, – потому что стар и уже не способен на это.

К нам подошла башкирка, и мой собеседник кивнул ей в сторону отца. Она сразу убежала, так как считается, что женщин нельзя показывать старикам, чтобы не вводить последних в искушение и не вызывать у них ненужных воспоминаний. Мальчишка, внук Мурзабая, уселся напротив своего деда, и тот, обняв ребенка, улыбнулся ему сквозь слезы. Я предложил старику табак, но он отказался от него:

– Мне уже ничего не нужно, отдай это моему сыну.

Однако несколько минут спустя старик вновь был в веселом расположении духа: он хохотал, когда я фотографировал его семью, и, прощаясь, помог мне взобраться на лошадь, чтобы показать, что у него еще есть порох в пороховницах.

В нескольких километрах от кочевья Мурзабая мы посетили лесное хозяйство Бакиево[195] с его большими печами для производства дегтя, смолы и древесного угля, и, уставшие, возвратились в Старое Сеитово, где поужинали молочными продуктами. В нашу комнату башкиры бросили несколько связок сена для отпугивания клопов, которые были здесь повсюду.

– Завтра, – сообщил мне писарь, – я буду присутствовать на заседании башкирского суда.

Мне тоже захотелось посмотреть, что это такое. Оказывается, в каждой башкирской волости, или, по-нашему, кантоне, земский начальник ежегодно выбирает судей из двух предложенных сельчанами кандидатов. Суд обычно состоит из председателя и двух-трех членов, за делопроизводство отвечает писарь, обладающий, как у всех отсталых племен

Урала, Туркестана и Сибири, огромной властью. Туземцы, для которых он олицетворяет государство, боготворят его и одаривают всякого рода подношениями. На самом деле все писари – плуты, работающие на попа или мелких вышестоящих чиновников. Зная о прегрешениях своих хозяев, они держат их на крючке, угрожая в случае чего прибегнуть к широко распространенному в России способу борьбы с неугодными – анонимному доносу.

Суд в Старом Сеитово напоминал комедию: оба судьи едва понимали по-русски, а говорить на этом языке вообще не умели.[196] Что касается председательствующего, то он лишь озвучивал мнение писаря, старшина же участвовал в прениях, сидя на ящике. На повестке было несколько дел, и все они касались споров башкир с русскими ростовщиками.[197]Последние уже дали взятку писарю, и, следовательно, решение было известно заранее. Тем временем судьи заняли скамью, а писарь пристроился за маленьким столиком. Меня и Гавриила Эдуардовича посадили в середине комнаты. За нами навытяжку стоял Антонов с моим фотоаппаратом через плечо.

Наконец писарь открыл заседание и стал расспрашивать несчастного башкира, с трудом понимавшего, о чем идет речь. Оба судьи, тоже не разумевшие по-русски, рассматривали летавших вокруг мух, а председатель лез из кожи вон, пытаясь изображать деятельное участие в процессе. Старшина, видя, как башкир путается в бесконечных объяснениях, взял слово и вкратце изложил суть дела. Эта самодеятельность не понравилась писарю, который тотчас же отослал его что-то принести.

– Председатель, – время от времени приказывал писарь, – а ну-ка, спроси-ка об этом!

Но председательствующий чаще всего не понимал, чего от него хотят, и взбешенному писарю приходилось вновь и вновь повторять свой вопрос, который председатель затем воспроизводил слово в слово, как ребенок на школьном уроке.

Обратив внимание на забавные физиономии судей, я шепнул Антонову:

– Вот бы их сфотографировать!

Писарь, однако, услышал меня и переспросил:

– Вы хотите их запечатлеть? – и затем рявкнул: – Судьи, а ну-ка все живо во двор!

Судьи и председатель, которые скорее поняли жест, чем слова, встали и собрались около избы, где я их и сфотографировал. Затем они возвратились обратно и возобновили рассмотрение дела.

Тем не менее, несчастному башкиру не удалось отстоять свою позицию, и председатель вынес приговор, кое как пробормотав то, что ему диктовал писарь.[198]

Обычно башкиры стараются решать все споры между собой с помощью какого-нибудь уважаемого старца, которого приглашают в качестве арбитра. По словам местных жителей, раньше у них были честные судьи, которые занимали свою должность пожизненно, и молва о справедливых блюстителях закона привлекала к ним много клиентов. Рядом с ними жили ученики, которые перенимали нормы обычного права. Теперь такого нет: сегодня судьи назначаются на один год и стараются побыстрее набить себе карманы, так как не уверены, что займут эту должность вновь.

– Эти дикари, – заявил мне писарь по окончании суда, – лишены чувства справедливости!

– Но ведь для этого есть Вы! – стараясь не расхохотаться, заметил ему Гавриил Эдуардович.

Между тем ко мне подошел председатель суда, и я нарочито серьезно поздравил его с успешным завершением дела. Он принял мою похвалу как должное и признался, что является потомком знаменитого судьи, основавшего Старое Сеитово. Отсюда я сделал вывод, что все сеитовцы – это прирожденные судьи, а некоторые из них по совместительству еще и замечательные жулики.

Вполне возможно, что деревню и впрямь основал некий Сеит. Говорят, что его сын был знаменитым священнослужителем, святым, совершавшим при жизни и даже после смерти чудеса, рассказ о которых взволновал самого Антонова. Когда этот мулла в старости ослеп, он посещал больных, брал их за руку, и они, излеченные этим простым прикосновением, вставали и бросались на колени, чтобы благодарить Бога.[199] После смерти муллу похоронили в бакиевском лесу, и с тех пор из его могилы якобы иногда вырывается и поднимается к небесам пламя.

Именно последнее больше всего изумило Антонова.

Судьи из с. Старое Сеитово

– Разве такое бывает? – мучился сомнениями он. – Нет, это все выдумки! Хотя ведь огонь видно, его же нарочно не придумаешь!

– Да, – серьезным тоном ответил я ему, – если огонь действительно вылетает из земли и устремляется в небо, значит, так оно и есть!

– Наверное, это правда, – согласился Антонов. – Впрочем, многие башкиры умеют колдовать, и их чар нам нужно опасаться!

Верхом на лошадях мы выехали из Старого Сеитово и направились в Умитбаево[200]. Нам предстояло через долину Малого Шишеняка выйти к Таре и ее притоку Мазаре. Тара впадает в Зигазу и Зилим, а те в свою очередь – в Белую. Первой горой, встретившейся на пути, была Белетау, а второй – Баштинтау[201]. Леса, покрывающие обе эти горы, состояли из деревьев разных пород, но постепенно в них стали преобладать сосна и ель, поэтому ландшафт и окраска гор стали иными. Понемногу тропинка стала получше – работники французского завода в Авзяно-Петровском[202], которому принадлежали эти леса, расчистили просеку.

Наш маленький караван состоял из меня, старшины, о котором я писал выше, помощника писаря и еще двух башкир, а также Гавриила Эдуардовича и Антонова. Старшина постоянно жаловался мне на сеитовского писаря.

– Это настоящий ворюга и негодяй! – кипятился он.

– Да успокойся ты наконец! – не выдержал я. – Как только об этом узнает земский начальник, он назначит вам нового письмоводителя.

– Боже упаси! – воскликнул старшина. – Наш-то уже наворовал достаточно, еще немного – и он успокоится. А новому все придется начинать сызнова!

Возможно, тут мой собеседник был прав. Сопровождавший нас лесник, а это был самый замечательный башкир из всех, которых я знал, в этой связи заметил:

– Если все время жить в своей глухомани, иметь хорошее ружье и два-три раза в неделю охотиться, то, конечно, можно прожить и без писаря.

Слушая нас, писарский помощник расхохотался. Я искренне симпатизировал этому забавному, недавно сыгравшего свадьбу юноше двадцати одного года от роду. Как он жалел, что не родился башкиром, ведь им разрешено иметь несколько жен!

– Да как тебе не стыдно говорить такое! – возмущался Антонов. – Ведь ты без году неделя как женился, и всем известно, как ты любишь свою бабу!

– Разумеется, очень люблю, но что мне делать, если я способен доставлять радость двум женщинам одновременно!

Тут Антонов восхищенно присвистнул и крепко пожал молодому человеку руку, сопроводив свой восторг каким-то скабрезным комментарием, от чего парень весь зарделся. Потом они отошли в сторонку и стали хвастаться друг перед другом своими любовными похождениями. Я полагаю, что их подвигам мог позавидовать сам Геркулес.

Наконец мы достигли цели. Впереди, на берегу очаровательной речки Тара, показалась спрятавшаяся в густом еловом лесу деревенька Умитбаево. Здесь мы с Гавриилом Эдуардовичем распрощались с сопровождавшими нас людьми. На околице нас уже ожидал умитбаевский староста с повозкой и молодым русским кучером. В деревне никого не было, все ее жители были на кочевье в десяти верстах отсюда. Дорога была неплохой, но вскоре мы свернули в лес на густой мох, и под колесами телеги захрустели сухой валежник и сосновые шишки. Кустарников вокруг не было, мы ехали мимо гигантских елей, на стволах которых стучали клювами крупные черные дятлы с красными хохолками, а по веткам прыгали белки. Внезапно перед нами возникли еловые летние хижины, немного походившие на русские избы. Староста с криком спрыгнул на землю. Тотчас же из избушки вышел старик и пригласил нас пройти внутрь:

– Заходи, будь гостем у Сарыбая![203]

В избе нам подали теплые лепешки, политые расплавленным жиром, есть их было невозможно, но мы умирали от голода и выбирать не пришлось. Тем временем старый Сарыбай принес свой курай и сыграл несколько мелодий. Каково же было наше удивление, когда среди них мы опознали одну французскую, которой его научил папаша, в 1815 г. побывавший в составе русской армии в далекой стране, где жители якобы питались подошвами сапог: башкир думал, что то, чем его кормили русские, было привычной едой для французов.

– Мой отец вернулся оттуда больным и покрытым коростами, так как восемь месяцев не снимал одежду! Но будучи по натуре крепким, он быстро поправился и вернулся к своему привычному занятию – охоте. К сожалению, в те годы здесь не было медведей.

– Как, неужели они иногда куда-то исчезают? – удивился я.

– В те времена был у нас некий знатный охотник, который убил девяносто девять медведей, но, к сожалению, не высушил шкуру последнего на солнце. Продав ее в таком виде, он вернулся в деревню, где встретил старика, который упрекнул его за этот грех. Башкир, не выдержав, отвесил старику оплеуху. А старик-то оказался колдуном и изрек, что отныне башкиры не смогут убивать медведей. И действительно, в течение пятидесяти лет убить медведя не удавалось никому. Эти звери сильно размножились, приходили к башкирам, похищали девушек и уносили их с собой в лес. Однажды в кочевье некоего муллы, почитавшегося всеми за свою добродетель, пришел огромный медведь и схватил его маленькую дочку. У миролюбивого священнослужителя не было дома никакого оружия, поэтому он инстинктивно схватил маленький детский лук, принадлежавший девочке, и

пустил стрелу прямо в сердце зверя. В тот же миг наложенное колдуном проклятье рассеялось, и мы смогли победить медведей.[204]

Тем временем сноха Сарыбая вынесла несколько противных кусков жира, которые Антонов сразу же проглотил. Что касается нашего кучера, то он был раскольником, и его вера позволяла ему питаться только чаем, молоком, водой, хлебом и мучными изделиями. Сарыбай, видя, что его еда нам не подходит, пообещал организовать для нас рыбалку. Пока же мы занялись осмотром деревеньки. Ее еловые избы пустовали: все жители, кроме нескольких женщин, детей, стариков и инвалидов, были на сенокосе.[205] В десять часов вечера Сарыбай пригласил нас порыбачить с его сыном и племянником. По его словам, в версте от кочевья в изобилии водится форель.

Ночь была очень темной, между верхушками деревьев иногда просматривалось полное звезд, но безлунное небо. Первый башкир нес с собой лук, а второй что-то вроде дубинки, и у каждого в руках еще были горящие смолистые ветки. Одолеваемые любопытством, Антонов и кучер последовали за нами. Один башкир взял оба факела, а другой, вооруженный палкой, вошел в реку и медленно пошел вниз по течению. Тот, что был с факелами, тихо последовал за ним, освещая неглубокое дно Тары. Увидев спящую форель, первый рыболов оглушал ее дубинкой. Иногда он использовал лук, пригвождая рыбу стрелой ко дну реки.[206] Наш улов был невелик, мы прошли приблизительно километр и затем возвратились в расположение кочевья. Было довольно прохладно, мы быстро шли по полям благоухающей на весь лес дикой земляники, продираясь сквозь заросли и наступая на муравейники. При свете двух факелов, которые несли башкиры, гигантские лесные деревья, и особенно стволы и вырванные бурей чудовищные корни елей и берез, приобретали в холодной ночи фантастические очертания. Мы шли, оставляя за собой искрящийся шлейф. Было слышно, как убегают невидимые звери, разбуженные нашими шагами, вскакивают козы, удирают охотящиеся волки, бешено лают на кочевье собаки, на верхушках елей жалобно кричат совы, тяжело хлопая крыльями, взлетают потревоженные сонные птицы.

Спать на открытом воздухе было холодно, и сын Сарыбая постелил нам в своей хижине. Сам старик уже уснул. Антонов растянулся во весь рост, загородив собою дверь. Мы улеглись в глубине дома на дощатом настиле, напоминавшем лежанку в караульном помещении. Гавриил Эдуардович лег у стены, рядом с ним я, затем сноха Сарыбая и его сын. Последний прикрепил к потолку занавеску, чтобы отделить меня от своей жены, но я сразу прижался спиной к этой башкирке, благодаря чему смог избежать воспаления легких.

Утром мы обнаружили, что соседние горы покрыты снегом, хотя дело было в августе. Наша вчерашняя форель была приготовлена на старом бараньем жире. Это было так отвратительно, что только Антонов смог ее есть. Оставив Сарыбая и его семью, мы отправились через живописные ущелья в село Авзяно-Петровское, где тогда находился французский завод. Передохнув один день, мы повернули на Стерлитамак.[207] Новая дорога большей частью была ужасна, местами вымощена стволами деревьев, по которым повозку нещадно трясло. Мы проехали несколько зимних селений, покинутых башкирами, заходили в избы, чтобы немного отдохнуть, и если бы хозяева неожиданно вернулись, то могли бы подумать, что в их жилище прокрались разбойники. Хотя на самом деле разбойниками были сами башкиры, отказавшиеся дать нам лошадей. Они даже чуть было не избили нас, и только благодаря своей настойчивости мы добились своего. Наконец темной ночью мы прибыли к дому муллы в Ахмерово[208]. Из-за проливных дождей дорогу развезло, и мы с ног до головы были покрыты грязью. В избе было полно тараканов, столь многочисленных, что нельзя было понять, какого же цвета ее стены. Гавриил Эдуардович разбросал в комнате немного порошка от насекомых. Тараканы сразу же забегали, стали толкаться, ползать друг по другу и при этом падать на нас подобно дождю.

В Зиргане[209] мы вышли на почтовый тракт Уфа – Оренбург и расстались с Антоновым. Это очень большое селение выглядело как новое, так как в прошлом году трижды сгорало в

результате пожара. В нем живут русские, мордва и чуваши. Я сразу пошел к земскому участковому начальнику. На крыльце его дома меня встречали дети и слуги, желавшие посмотреть на живого француза, и были весьма удивлены тем, что я почти не отличался от них самих.

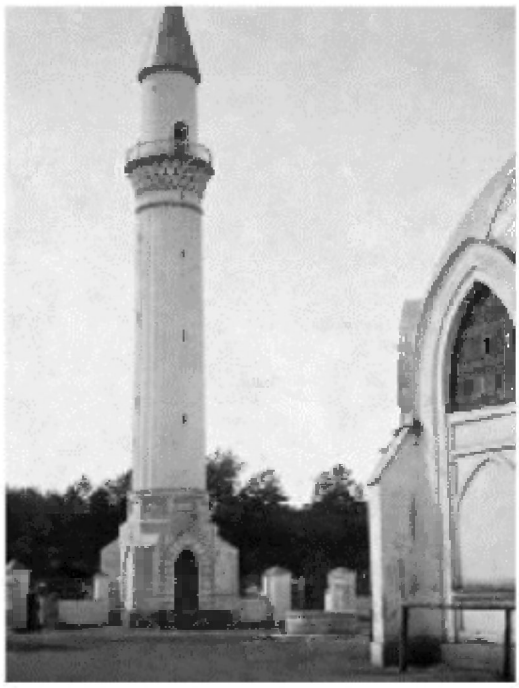
Покинув Мелеуз[210], большое процветающее село, часть жителей которого составляют татары, а отдельные дома удивительно красивы, мы оказались в Оренбургской губернии, столицу которой достигли двумя днями позже.[211]

Оренбург – это большой город, конечный пункт Московской железнодорожной магистрали. Он расположен в Европе на правом берегу реки Урал, за которой начинается Азия. Его ожидает очень большое будущее, так как именно отсюда вскоре будет проложено железнодорожное полотно до Ташкента, и тогда можно будет попасть из Петербурга до Туркестана без пересадки. Как со стратегической, так и с экономической точки зрения новый путь будет гораздо важнее даже Закаспийской железной дороги.

Я не знаю более гостеприимного города, чем Оренбург! Нигде меня не встречали так хорошо, как здесь, шампанского и водки не жалели! В первый день моего приезда городская управа организовала торжества в Меновом дворе, который находится на левом берегу Урала, куда ежегодно приходят торговать более ста караванов из киргизской степи, Туркестана и стран бухарского эмира и хивинского хана. В честь меня поставили шатер и устроили обед, на котором рекой текли вина и странные смеси пива с коньяком и бенедиктина[212] с кофе. Перед шатром певцы-кочевники играли на кубызе, курае и домбре (разновидность гитары), затем состоялись конские скачки.

Главный татарский священнослужитель, ахун, показал мне мечети, самая большая из которых отличается невероятной красотой[213]. Выступили певцы из представителей всех народностей, проживающих в Оренбурге. Мелодии, которые я тогда услышал, позже записал месье Рыбаков[214], и в Петербурге их исполнила известная даже у нас мадам Долина[215].

Не зная, как отблагодарить город за такое гостеприимство, я решил внести пожертвование в кассу сиротского приюта. Оренбургские газеты восторженно рассказали об этом на следующий день, а городская управа преподнесла мне от имени горожан альбом. Губернатор[216]пригласил меня посетить Илецкую Защиту[217], что в 60 верстах от Оренбурга. Нас сопровождали его семья и несколько чиновников, а полицмейстер ехал впереди и на каждой остановке заказывал нам чай и прохладительные напитки.

Минарет и мечеть в Караван-Сарае, г. Оренбург

В Илецкой Защите мы спустились в гигантские шахты, в которых ведется добыча каменной соли. Специально для меня взорвали несколько ее громадных блоков.

– Все оренбуржцы были рады Вам, – сказал мне заступающий место городского головы[218]. – Я же подготовил в честь Вас этот гигантский фейерверк!

Глава седьмая
Раздел башкирских земель и русская колонизация

В краю башкир вопрос о разделе земель сейчас уже не актуален, но мною было собрано много материала на этот счет. Особенно большую помощь мне оказал уфимский губернский чиновник месье Михайлов[219], перед которым я навсегда останусь в неоплатном долгу.

Выступление киргизского и башкирского артистов в Оренбурге

Сегодня русское правительство много занимается вопросами колонизации и раздела земель, вопросами, которые возникают в ее населенных туземцами азиатских губерниях, особенно в степях, где тюрко-татарские и монгольские племена продолжают вести кочевой образ жизни и занимают огромные пространства плодородной земли, пригодной для обработки. В отличие от башкир, туземцы восточных окраин России всеми способами стараются удержать свои земли.

В начале XVII в. башкиры стали продавать свои земли за бесценок. Русские торговцы за несколько сот рублей приобретали огромные владения, а теперь их потомки являются богатейшими землевладельцами России. В те времена башкиры даже не подозревали, что земля может иметь цену. Ценностью для них было что-то материальное например, несколько серебряных монет, чай или мешок риса, что им и предлагалось на обмен и что могло на несколько дней обеспечить их пропитанием без всяких трудозатрат. Они легко соглашались на эти сделки, не думая об их последствиях. Нищие купцы и чиновники, уезжая на Урал, возвращались оттуда сказочно богатыми и наперебой рассказывали, как легко приобрести (а по сути – украсть) у башкир землю. Чтобы положить конец этим безобразиям, царь Алексей Михайлович в Соборном уложении, принятом в 1649 г., запретил такого рода сделки. Но в 1736 г. продажи земли были вновь разрешены ради стремления обеспечить землей дворян, вельмож и чиновников.[220]

Однако с 1761 г. для продажи угодий чужеземцу стало требоваться согласие волости[221].

В 1818 г. продажа башкирских земель вновь была запрещена.[222]

В 1832 г. государство закрепило за каждым башкиром 40 десятин земли, а продавать принадлежащую общине остальную часть можно было только с разрешения оренбургского генерал-губернатора и единодушного одобрения волостного схода.[223]

В 1869 г. обязательное требование единогласного одобрения сделки волостью было заменено согласием на это двух третей ее членов.[224]

В 1882 г. вышел действующий по сие время закон, позволяющий башкирам продавать свои земли только государству и общинам русских крестьян – либо уже существующим, либо создающимся.[225]

Это было вызвано тем, что после отмены крепостного права русские крестьяне стали переселяться на новые места. Как когда-то дворяне и купцы, они стали скупать плодородные земли у башкир по смехотворным ценам, что привело к росту напряженности в крае. Крестьяне ощущали за своей спиной поддержку губернской администрации, стремившейся превратить их в землевладельцев. По этой причине была пересмотрена норма неотчуждаемой собственности – отныне за каждым башкиром мужского пола закреплялось 15 десятин земли, не подлежащих продаже. Именно столько получал в Сибири русский крестьянин-переселенец.

Башкиры, лишившись возможности кочевать, стали переходить к землепашеству, и их численность с каждым годом стала сокращаться. Многие из них нашли в торговле землей легкий способ зарабатывания на жизнь. Как я уже говорил, продажа и аренда земли породили постоянные, крайне запутанные и практически не разрешимые конфликты между башкирами и переселенцами. До сих пор можно встретить голодных и изможденных башкир, которые вместо того, чтобы делать запасы на зиму, продают русским переселенцам целые гектары своих угодий за небольшое количество сахара, чая, риса и муки. Быстро проев полученные продукты, они нанимаются батрачить на своем же собственном участке.[226]

Хитрющие русские крестьяне быстро раскусили простоватых туземцев. Поскольку земля действительно стоит немало, крестьянин уговаривает башкира разрешить выплату ее стоимости маленькими частями и сразу делает первый взнос, который превосходит последующие, но гораздо меньше всей суммы. Ослепленный видом денег, башкир забирает их и дает расписку, что от остального отказывается.

Но судебные тяжбы были вызваны не только этим. Башкиры, войдя во вкус, стали одновременно продавать один и тот же участок разным людям, нисколько не задумываясь о последствиях этого. Немедленно появились пройдохи-посредники, наживающиеся на обмане обеих сторон. Для этого им даже не приходится хитрить: все и без того крайне запутано, а судебные процессы по земле иногда длятся годами, при этом владельцев некоторых участков земли бывает невозможно установить.

* * *

Переселение в Стерлитамакский уезд русских крестьян началось с конца 1869 г.[227] Если до 1867 г. здесь было только три их селения, то в 1870 г. – уже 21, а с 1870 по 1880 г. их образовалось 77, в 1880–1890 гг. – 87. Переселение достигло своего максимума в промежутке между 1890 и 1894 гг.: в 1890 г. в уезде обосновались 252 семьи колонистов, в 1891 г. – 321, в 1892 г. – 247, а в 1893 г. – 421. Затем приток русских сократился, потому что все свободные земли были уже заняты, начались частые неурожаи с последующим голодом, эпидемии скота, а юристы стали натравливать крестьян и туземцев друг на друга и разорять их судебными процессами.

Крестьяне приезжали сюда со всей России, однако из Петербургской, Новгородской, Тверской, Московской, Владимирской, Ярославской и ряда других губерний они тянулись в Башкирию неохотно: в близлежащих столицах было проще найти работу. Колонисты, обосновавшиеся в Уфимской губернии, в основном были выходцами из Самарской, Пензенской, Вятской, Тамбовской, Курской и Полтавской губерний. Большинство их осели на равнинах и в долинах рек, и лишь вятские крестьяне по привычке предпочли леса.

Впрочем, почти все они не задерживаются долго на одном месте. По данным месье Михайлова, из 1 662 семей, проживавших в уезде в 1897 г., 892 перебрались в местности, где и земля получше, и климат помягче.

Надо также отметить, что крестьяне нередко переезжают в менее плодородные места, поскольку не могут освоить глубокую вспашку почвы и не обладают необходимыми орудиями для этого. Первые три года они получают неплохой урожай, не удобряя землю.[228] Истощив ее, они уходят на новое место, бросая свои избы, которые сразу же заселяются ворами и бродягами. Все попытки переубедить крестьян наталкиваются на их косность. Я видел торговцев, предлагавших мужикам приобрести превосходные и недорогие орудия труда, но те, признавая их преимущества, стояли на своем:

– Эти штуковины нам ни к чему, наши отцы обходились без них, и наши сыновья проживут без этого![229]

Я сам был свидетелем этого диалога, но не хочу делать каких-то обобщений. Рано или поздно цивилизация все равно привнесет сюда перемены. Замечу лишь, что и у французского крестьянина, который во всех отношениях намного развитее русского, имеется немало предубеждений, основанных на суевериях.

Я уже называл культуры, которые здесь возделывают: это пшеница, овес, гречиха, рожь, конопля, просо и т. д. Землепашество – единственное занятие большинства населения России, за исключением тех мест, где имеются фабрики и заводы. На Урале много действующих рудников, и их станет еще больше, поскольку там есть месторождения угля, платины, золота и серебра. Крупнейшие месторождения находятся на азиатском склоне Уральских гор, и многие мужики, оставив на полях своих женщин, уходят туда работать. Напротив, башкиры в промышленности почти не представлены.[230] Самые крупные предприятия, где задействованы крестьяне, – это винокуренные заводы, которые ежегодно производят до 6 800 000 л 40-градусной водки.

Кустарные промыслы, в которых так искусен русский крестьянин, в Уфимской губернии развиты меньше, чем в соседних губерниях. В силу довольно позднего прихода сюда русских, сокращения лесов, уменьшения поголовья скота, увеличения численности и плотности населения, а также по причине наличия крупной промышленности этому роду деятельности выживать тяжело, несмотря на поддержку его правительством.[231]

Садоводство здесь также развито слабо, крестьяне мало уделяют внимания огородничеству, собирая небольшие урожаи огурцов, а в солнечных местах порой и дыни с арбузами. Уже несколько лет в губернии неплохо возделывается табак.

Переселенцы, как и башкиры, разводят скот, лошадей и пчел, причем в качестве пастухов обычно нанимают туземцев. Численность скота у крестьян в последние годы растет, а у башкир уменьшается[232], в чем они обвиняют ветеринаров: будто бы те, нуждаясь в деньгах, «находят» у животных болезни и обязывают резать скот. Чтобы избежать этого, башкиры дают им взятку, и тогда и волки бывают сыты, и овцы целы – ветеринары уезжают с набитыми карманами, скот сохраняется живым, а его хозяева избегают разорения. Но если туземцы в силу своей бедности не могут наскрести требуемую сумму, то тогда начинается массовый забой животных. Хотя туземцам особо верить нельзя, вполне возможно, что здесь они не лгут[233]: я сам был свидетелем, правда, не у башкир, а в Сибири, как ветеринар получил сто рублей за право сохранить стадо. Заметив меня, коновал смутился, но деньги не вернул.

Русские крестьяне отпускают пастись своих лошадей в степь, кормят их заранее заготовленным сеном, а в случае изобильного урожая даже дают скоту зерно, чтобы оно не пропало.

За качеством скота не следят по причине изобилия его голов в губернии. Овцеводство развито слабо, а вот разведением свиней занимаются не только крестьяне, но и крупные помещики.[234] Местные свиньи мелкие, но сейчас здесь пытаются внедрить английскую породу.

Коневодство развивается там, где существуют казенные жеребцы-производители. Башкирская лошадь в настоящее время вырождается и, видимо, вскоре совсем исчезнет. Сегодня ее можно встретить только в Белебеевском и Стерлитамакском уездах. Часто молочных кобыл оставляют пастись в присутствии жеребца. Хороший конь энергичен и заботится о кобылицах. Чтобы спастись от зноя, он уводит табун в лес, причем сам идет впереди, защищая лошадей от волков. Когда вечером кобылицы выходят на луга, он идет последним, потому что хищник может наброситься сзади. В случае нападения волков жеребец сгоняет жеребят в середину, кобылы становятся вокруг головой наружу, а жеребец начинает бешено носиться вокруг табуна.

Пчеловодством занимаются 10 % башкир и 4 % крестьян. Ульи стоят на лугах, но чаще в горных лесах. Я уже говорил, что самый вкусный мед тот, который пчелы откладывают в дуплах старых лип. У пчеловодов-переселенцев существует немало суеверий: они, например, полагают, что пчелы боятся некоторых птиц, что нельзя заниматься пчелами по пятницам, а любое нововведение в этом деле есть грех! Крестьяне-раскольники вроде бы не столь суеверны, но и у них в конюшнях я часто замечал прикрепленные к стене сорочьи хвосты. Говорят, что черт (а он невидимый!), войдя в помещение, сразу на что-то садится, но если это будет лошадь, то она вскоре сдохнет. Если же, увидев хвост сороки, он сядет на него, тогда лошади будут спасены. Такую примету я слышал не только в Уфимской губернии, но и в Сибири, Забайкалье и на Амуре.

В этих местах очень много староверов. Они полагают, что молиться Богу можно без участия священников. Согласно Всероссийской переписи 1897 г., в Уфимской губернии насчитывается 23 485 раскольников, но на самом деле их намного больше.

* * *

Надо сказать, что 2/5 крестьян обрабатывают арендованные или сданные на откуп башкирами земли, 2/5 владеют землями, купленными у помещиков, и 1/5 – у башкир.

Сначала рассмотрим крестьян, которые обрабатывают землю, не владея ею, или, проще говоря, выясним условия аренды и арендного откупа на башкирских угодьях. Во время моего пребывания на Урале там было 102 селения, в которых проживало 16 595 душ, имевших хоть в какой-то мере оформленные договора на аренду земли или владение ею. Их можно разделить на три категории:

1. Селения, находящиеся на землях башкир;

2. Селения, занимающие неразмежеванные земли;

3. Селения, стоящие на землях, закрепленных правительством за башкирами, то есть на так называемой «неотъемлемой части».

Первая категория включала на тот момент 40 населенных пунктов с 4 219 жителями, арендовавшими примерно 30 000 десятин земли. Более половины этих селений пытались приобрести участки в собственность, однако покупатели и продавцы не могли договориться между собой. Им старались помочь разного рода «доброжелатели», которые накаляли страсти еще больше. Претензии обеих сторон становились день ото дня абсурднее, и ссоры возникали совершенно на пустом месте.

Вторая категория населенных пунктов состояла из 14 селений, и судьба их жителей была незавидной: участки, которые они занимали, были плохо размежеваны. Они не знали, чем

будут владеть завтра (сейчас уже принято решение о новом межевании[235]), и даже не ведали границ арендуемых ими земель. Месье Михайлов, которому было поручено внести предложения по улучшению их положения, подтвердил мне, что пятая часть этих переселенцев безлошадная, а ¾ крестьян этой категории ежегодно не хватает хлеба. Им предложили переехать в Сибирь, где они получат землю, 19 семей согласились на это, остальные же не смогли этого сделать по причине своей бедности. Во время голода в России мне встречались деревни, в которых вообще не было никакой живности, и я думал, что хуже этого уже быть не может, но, оказывается, в Уфимской губернии имелись селения еще беднее.

Третья категория, представленная 22 селениями, была, быть может, еще более несчастной, чем предыдущая. Они арендовали у башкир участки, строили на них свои избы и распахивали. Живя рядом с башкирами, эти крестьяне даже не подозревали, что эти земли нельзя арендовать, что в любой момент их могут отсюда изгнать. Чтобы этого не произошло, необходимо вновь сократить размер неотчуждаемого надела у каждого башкира, но если это случится, то этот народ окончательно исчезнет с лица земли.

Лишь несколько деревень находятся в лучшем положении. Они не стали выкупать у помещика землю по установленной властями цене, а взяли ее в аренду и стали строить на ней избы, пасти скот и пахать. С помещиком они расплачиваются либо деньгами, либо отработкой. Наконец, самыми счастливыми являются те несколько крестьян, которые арендуют казенную землю.

Жизнь показала, что законы о земле не исполняются вообще. Тот неотчуждаемый надел, который принадлежал башкирам и который они должны были обрабатывать сами, не имея права его продавать или сдавать в аренду, на самом деле как раз часто сдается, и многие мусульмане живут на доходы от этого.

Лишь отдельные селения оформили аренду у уфимских и стерлитамакских нотариусов. Понятно, что без юридически оформленных договоров судам бывает очень трудно выносить какие-либо решения. Правительствующий Сенат, озабоченный этой ситуацией, решил навести хоть какой-то порядок в этом вопросе и потребовал соблюдать запрет на продажу неотчуждаемого надела, но и это предписание осталось невыполненным.

Башкиры не хотят обрабатывать принадлежащую им по праву землю и потому сдают ее крестьянам. Поэтому, ежели власти потребуют строгого исполнения закона, то это прежде всего ударит по русскому крестьянину, потому что туземцы всегда сдают землю только тем, кто платит наличными, и никогда эти деньги (как правило, уже израсходованные) не возвращают. Законы об аренде земли повсеместно нарушаются, более того, отсутствует точный план всех башкирских земель.

Права на землю узаконены только у тех селений, которые нотариально их заверили, у всех остальных они существуют в виде простых расписок на татарском языке, этаких «филькиных грамот», то есть ничего не значащих бумажек.[236] А ведь у некоторых селений нет и таких «документов» и все сделки оформлены устно!

Башкира довольно легко уговорить сдать землю в аренду. Для этого ему нужно предложить взятку и несколько стаканов водки. В первый год сумма аренды для русского крестьянина обычно составляет 1 руб. за 1 десятину, а затем 15–20 коп. ежегодно. Крестьяне-старожилы платят за аренду намного меньше новоселов. Трудно сказать, какова средняя цена аренды десятины земли, но во всяком случае она не превышает 40 коп. в год, или, по-нашему, 1 франк за 1 га. Аренда, как правило, оформляется на 12 лет. Существуют еще субарендаторы, которые арендуют землю у башкир за бесценок, затем сдают ее подороже русским переселенцам и неплохо на этом наживаются.

Если арендуемый участок принадлежит башкирам, то плату за него нужно вносить сразу деньгами, зерном, чаем, скотом, войлоком или домашней утварью. Выручку башкирское

общество делит между своими членами. Но недавно власти потребовали, чтобы платежи осуществлялись только деньгами и через волостную кассу, тем самым спровоцировав множество крестьян и башкир на разрыв контрактов.

Аренда помещичьих земель производится по частям деньгами или отработкой. Учитывая ее высокую стоимость в данном случае, сроки оплаты постоянно срываются. Крупные помещики взимают по 2–5 руб. со двора, но большинство предоставляют участки под дворы бесплатно, чтобы привлечь к себе работников и землепашцев.

* * *

Там, где крестьяне являются собственниками земли, она была, как я уже писал, куплена ими либо у башкир, либо у помещиков и крупных землевладельцев, чьи предки некогда приобрели огромные владения за ничтожную цену. Все сделки между крестьянами и помещиками оформляются по закону и интереса не представляют. Зато процесс заключения земельных договоров между крестьянами и башкирами являет собой исключительно живописное зрелище, подобного которому трудно сыскать.

Закон, регулирующий эти отношения, принят 15 июня 1882 г., то есть в то время, когда землю у башкир могли покупать либо государство, либо существующее или находящееся в процессе становления крестьянское общество. Переселенцы должны договориться с башкирской волостью, ибо наличие несогласных может приостановить или вообще аннулировать ее. Для того чтобы контракт состоялся, нужно одобрение 2/3 состава волости. Бывает, что из-за споров и согласований оформление сделки занимает до трех лет. Крестьяне рассказывали мне, что в самый последний момент башкиры по бог знает какой причине внезапно становились сговорчивыми и все подписывали.

К сумме контракта и накладным расходам следует прибавить скрытые затраты, которые называются «темной». Это многочисленные взятки башкирам, а иногда чиновникам и полицейским, которые стараются затягивать переговоры. Кроме того, без водки и обильных угощений башкиры ничего не подписывают.

Избранные от переселенцев лица, которым общество поручает приобрести землю, сначала ведут тайные переговоры с несколькими влиятельными башкирами, щедро кормят их кониной и бараниной, а также обильно угощают чаем и медовухой. После этого к обсуждению подключается более широкий круг башкир, а затем и все они на так называемых «сходах». При этом покупатели стараются приобрести землю по максимально низкой цене, ибо и так уже много внесли в виде взяток. Случается, однако, что какой-то влиятельный башкир, не получивший мзду, срывает переговоры, и тогда все приходится начинать заново. На сходах происходит подписание предварительного договора о продаже, а покупатели позванивают монетами в своих карманах, чтобы рассеять сомнения последних претендентов на «темную». Часто башкиры подписывают бумаги только после того, как им забьют лошадь, которую они прямо на месте варят и съедают.

Наконец, когда все формальности улажены, представители башкир начинают под разными предлогами уклоняться от присутствия, где подписываются документы, и полиции приходится приводить их туда силой. В целом «темная» может составлять до 5 руб. за десятину.

Треть всех селений приобрела у башкир землю, не имея на то права и даже не получив разрешения на переезд сюда.

Цена на землю не была постоянной. Известен случай, когда в начале XIX в. 23 000 десятин были куплены у туземцев за одну кобылу и семнадцать фунтов чая.

В 1870–1880 гг. средняя цена одной десятины составляла 30 коп., сейчас она продается башкирами по 5–12 руб., а помещиками и крупными землевладельцами – по 9–30 коп.

Оплата в основном происходит через Крестьянский поземельный банк, который сам занимается операциями с землей, владея в Уфимской губернии около 12 000 ее десятин. К сожалению, переселенцы частенько закладывают свои участки в ипотеку, берут, как принято в России[237], кредиты под высокие проценты и, не имея возможности выплачивать их, продают свою землю за бесценок. Как правило, крестьяне-переселенцы – люди ограниченные и невежественные, они не знают законов и порядка оформления документов, а потому легко попадаются на удочку жуликов. Адвокаты и особенно разного рода дельцы обманывают их на каждом шагу, а алчные чиновники готовы помогать только за деньги.

* * *

Земля распределяется в зависимости от вклада каждого в ее аренду или покупку. На первых порах крестьянину дают место для двора и пашню, а затем пастбище и луга. Распределение лесных пространств осуществляется по мере их освоения.

Участок, выделяемый под двор, прямо пропорционален размеру земельного надела. Однако это правило не всегда соблюдается, иначе бы у некоторых беднейших и, как правило, многодетных переселенцев двор не смог бы вместить всю семью.

Поля тоже распределяются в зависимости от того, кто сколько вложил в их аренду или покупку. Пастбище делят с учетом численности скота у каждой семьи, при этом молодая и здоровая лошадь приравнивается к нескольким старым, старая лошадь – к быку (корове) или пяти овцам (баранам). Единицей измерения обычно служит старая лошадь.[238] Исходя из этого, рассчитывается размер стада среднестатистического переселенца. Богатый крестьянин, у которого скота больше нормы, платит по одному рублю в год за каждую голову скота. Эти деньги предназначаются тем, чье поголовье ниже среднего.

Переселенцы-малороссы сами определяют, сколько им надо земли для обустройства двора. Если земля покупается вскладчину, а кто-то из участников этой сделки решает переехать, то он должен найти себе замену.

Переселенец платит государственные или земские налоги, а также другие, менее значительные, но достаточно весомые взносы. Сельчане оплачивают содержание администрации, дорог, церкви, сельского писаря, старосты, почтмейстера (точнее, его жилища). Земские начальники озабочены лишь поступлением налогов от переселенцев и совершенно не интересуются их жизнью. Зачастую они заставляют крестьян платить налогов больше, чем требуется, поскольку начисляют их произвольно или вводят свои собственные.

Налоговыми сборами в деревне занимается специально выбранный крестьянами человек. Как я уже сказал, люди платят налог на церкви, впрочем, их число пока еще невелико – на 271 селение приходится только 17 храмов, и чтобы в них помолиться, нужно преодолеть 30–40 верст. Правда, многие деревни населены раскольниками. Они обходятся без специальных помещений, а священные тексты у них читает старейший из прихожан.

Церкви здесь каменные, избы деревянные, но 4,5 % их сооружены из глины. Школ в уезде мало, а больниц как таковых вообще нет: двух частных госпиталей в виде маленьких избушек на весь уезд не хватает.[239]

Башкиры обучаются в особых начальных школах, но посещаемость их невелика. Система народного просвещения Уфимской, Пермской и Оренбургской губерний, а также Тургайской и Уральской областей (казачьими школами в ней ведает Уральское казачье войско)[240] подчинена Оренбургу.

Часть третья
Уральские казаки

Глава восьмая
Уральские казаки – Город Уральск – Сцены войсковой жизни

Путешественниками неоднократно отмечалось гостеприимство русских, но у уральских казаков оно отличается особой широтой и очарованием. Эти их замечательные и ценные качества необходимо подчеркнуть особо, поскольку, скажем, у сибирских казаков они развиты меньше.

В этих местах, орошаемых рекой Урал, располагаются земли казачьего войска. С этнографической точки зрения уральские казаки являются не какой-то отдельной группой населения, а пестрой смесью жителей. После разгрома Казанского ханства разношерстные искатели приключений осели в низовьях Волги и на реке Урал. В Москве их считали разбойниками, но сами себя они называли свободными людьми. С целью извлечения выгоды от их существования им старались давать самые трудные поручения и назначать на опасные должности. У Петербурга казаки вызывали страх, и потому там были только рады, что они находятся далеко и заняты полезным делом. Долгие годы уральское казачество отстаивало интересы царей на границах. По сути это были разбойники, но разбойники благородные. Тем не менее они приняли участие в знаменитом пугачевском бунте, и их потомки до сих пор с гордостью вспоминают имя этого честолюбивого бунтовщика, чей дом все еще стоит в Уральске, административном центре области.[241] Несомненно, они испытывают удовлетворение от того, что один из их предков выступил против самой Екатерины Великой.

С 1833 г. их глава, так называемый атаман, назначается царем, не являясь при этом казаком. Во время моего путешествия эту должность занимал генерал Максимович[242], ныне – атаман Донского казачьего войска. Из всех казаков донские являются самыми многочисленными, а ведь кроме них еще существуют кубанские, астраханские, оренбургские и, наконец, сибирские казаки, расселившиеся от Оренбурга до Иртыша, Амура и азиатских границ России.

Уральские казаки образуют особое войско с собственными администрацией, финансами, судами и школами, в девятнадцать лет принимают присягу и служат два года на своей родине, а затем в крупных городах России или на границе. Казачье войско состоит из крепких, очень выносливых и мужественных людей. Они отличаются храбростью, инициативностью, умом, но в то же время вспыльчивостью, отсутствием благородных манер и тягой к спиртному. В гостеприимстве им нет равных, они безумно рады всякому, кто переступает порог их дома. Если вы предложите деньги приютившему вас бедняку, то тем самым нанесете ему оскорбление.

Казаков нельзя назвать хорошо образованными людьми, они больше склонны к движению, активной деятельности, чем к сидению за партой, однако грамотой владеют практически все. В большинстве своем они принадлежит к староверам, а, по моим наблюдениям, в России лиц, имеющих начальное образование, у раскольников больше, чем у православных.

Главный город области, Уральск, стоит на правом берегу реки Урал почти на равном удалении от Каспийского моря и от соседней Оренбургской губернии. Я прибыл в него из Оренбурга, следуя на тарантасе по правому берегу реки и оставляя за собой многочисленные селения, которые отличаются от остальных русских деревень только своей чистотой. Дома там всегда ухожены, и даже когда я ночевал на почтовых станциях, мне не приходилось сражаться с легионами голодных клопов, как это частенько бывало в Уфимской, Казанской и

Оренбургской губерниях. По правде говоря, проводить ночь в казенных помещениях мне приходилось редко, ибо сразу по прибытии я оказывался в распоряжении очередного зажиточного казака, почти завсегда прислуживавшего мне лично и следившего, чтобы его дочь, как того требует русский обычай, наполняла мой стакан. Всякий раз приглашение делалось столь непринужденно и искренне, что отказаться от него было просто невозможно. Причем нередко хозяина самого приходилось долго уговаривать, чтобы он вместе со мной отведал свои же водку с закусками, молочные продукты, баранину, дыни и арбузы.

Прибыв в Уральск, я послал солдата-казака, с самой границы области сопровождавшего меня в качестве проводника и слуги, к губернатору, чтобы уведомить его о своем приезде.

– Так это ты помогал французскому путешественнику? – спросил у него губернатор. – Все обошлось без происшествий?

– Так точно, без происшествий, Ваше превосходительство! – бодро отвечал казак.

– Но как же, черт возьми, вы понимали друг друга? На каком языке вы говорили? – удивился губернатор.

Мы, естественно, говорили по-русски, но вопрос генерала застал беднягу врасплох, хотя должен заметить, что это был не самый сообразительный казак из тех, кого я знал. Действительно, как это он, русский, разговаривал с французом?! Не зная, что ответить, мой спутник с ходу брякнул:

– На каком языке мы разговаривали? Не могу знать, Ваше превосходительство, но мы отлично понимали друг друга!

В Уральске, где происходила эта сцена, нет никаких примечательных архитектурных сооружений, нет их и в остальных городах области, но даже в самых бедных районах дома отличаются своей чистотой, а улицы, кстати, очень широкие, пересекаются строго под прямым углом. Летом, едва подует ветер или проедет повозка, сразу вздымаются вихри сухой и плотной пыли. После небольшой грозы и во время таяния снега улицы превращаются в грязное месиво и становятся непроходимыми. Весьма примитивные тротуары сделаны из более или менее крепких, но полусгнивших досок, и пешеходы иногда проваливаются в них по колено. Определенный интерес вызывают такие городские постройки, как атаманский дом, церкви, войсковое реальное училище, низшая сельскохозяйственная школа, триумфальная арка[243] и дом Пугачева[244], примечательный лишь тем, что в нем в XVIII в. жил упоминавшийся мною знаменитый бунтовщик, осмелившийся выступить против Екатерины Второй.

В глубине городского парка располагается маленький клуб, куда молодежь по вечерам ходит на танцы. Ежедневно там играют в азартные игры, и даже женщины предпочитают допоздна засиживаться за несносным русским лото-домино[245].

Особое место среди достопримечательностей занимает большая загородь, о которой я подробнее расскажу ниже. Она является заслоном против крупных рыб, идущих из Каспийского моря.

Более всего казаки ценят в человеке физическую силу. Могучий человек для них – персонаж однозначно положительный и смелый, в минуту опасности отважному и удалому уральскому казаку нет равных. С самого раннего детства они занимаются физическими упражнениями. Малышами казачков сажают на коня, и вскоре они становятся искусными всадниками. Ловкие и крепкие от природы, они легко переносят усталость и голод. Мальчишкам физические упражнения нравятся больше, чем занятия науками. Как-то раз я с офицером посетил начальную школу. Поначалу дети даже не обратили на нас внимания, продолжая шумно играть. Наконец, увидев, что пришли какие-то начальники, они замерли, но казачий офицер воскликнул:

– Шумите, шумите, ребятишки, дети казаков всегда должны шуметь!

Школьники сразу продолжили кричать, но вскоре учителя позвали их в классы, а офицер предложил мне пообщаться с ними. Побеседовав с этими детьми, я пришел к выводу, что прилежными учениками их назвать никак нельзя.

Вырастая, казаки сохраняют к силе совершенно особое уважение. До сих пор не могу забыть, как однажды в окрестностях Уральска я натолкнулся на ручей, а вокруг не было ни моста, ни доски, чтобы перейти через него. Не успел я опомниться, как мой казак поднял меня на руки и, не снимая сапог, перенес на противоположный берег. Мой вес не такой уж и маленький, но он оказался вполне по силам этому Геркулесу.

Если таких атлетов подчинить военной дисциплине, это может привести к ужасным последствиям, так как казак всегда выполняет приказ в точности. А если он неверно его поймет или распоряжение будет ошибочным?

Русские иногда любят покритиковать недостатки казаков, но в глубине души гордятся и восхищаются этими людьми. Когда в Петербурге или в Варшаве они идут строем в своих сине-красных и коричнево-фиолетовых черкесках, виртуозно джигитуя на выносливых и великолепно выдрессированных лошадях, то это становится демонстрацией их мужества и героизма. Если они атакуют бунтовщиков, то те бегут от них в ужасе, если им поручено обеспечивать порядок, то мужики стараются держаться от них подальше, ибо от казаков можно всего ожидать. Помню, во время прощания с императором Александром III[246] одна со вкусом одетая женщина, на вид мещанка, стала протискиваться сквозь толпу, чтобы попасть в первый ряд. Так как она была довольно мила, перед ней все расступались. Дежуривший поблизости казак, заметив это, подъехал и, не слезая с коня, схватил ее за шиворот и перенес туда, где ей надлежало находиться. Несчастная чуть не умерла от страха.

Помимо принадлежащей войску школы, где учатся только дети казаков, в Уральске есть большое реальное училище, мелкие татарские учебные заведения и русско-киргизская ремесленная школа, занимающая большое и красивое современное здание. Ее посещают дети не только казаков, великороссов и малороссов, но и местных мусульман, киргизцев, татар и даже исповедующих буддизм астраханских калмыков. Ученик сам выбирает ремесло, которому хочет выучиться. Помимо русского языка, арифметики, географии и естествознания детей здесь обучают сапожному, кузнечному, слесарному или столярному делу. В Оренбурге на выставке предметов, изготовленных учащимися такого рода школ, я видел довольно искусно сделанные экспонаты.

Мастерские в ремесленной школе были просторными, и мастера подходили к своему делу ответственно, во всяком случае дети очень старались. Учащиеся распределены по группам, созданным по национальному признаку, но так решила не администрация, а они сами. Я заметил, что казачьи дети, как правило, выбирают наиболее шумные профессии – столяра, кузнеца или слесаря, а киргизцы и калмыки, более спокойные и размеренные в движениях, предпочитают обучаться сапожному делу.

Завершая перечисление примечательных мест Уральска, замечу, что вот уже несколько лет в нем действует вокзал. Здесь заканчивается железная дорога, которая начинается на левобережье Волги. Около Саратова ширина реки составляет 4 800 м, однако вопрос о строительстве моста в этом месте пока не обсуждался. Добраться напрямую из Петербурга или Москвы до Уральска, конечно, можно, но только переправившись на пароме через Волгу. Зимой же эту реку вполне можно пересечь по льду.

П. Лаббе (справа, в европейском костюме) в русско-киргизской ремесленной школе в Уральске

Читатель, наверное, обратил внимание, что я еще ничего не сказал о местном музее, но это не означает, что казакам чуждо искусство. Напротив, они являются большими любителями ценных вещей, таких, как дорогое оружие, роскошные пояса и украшенные бирюзой конские сбруи. Из заграничных походов они привезли на родину множество вещей, оружия и тканей XVIII в. Например, в ходе кампании 1815 г. казаки забрали у нас немало прекрасных часов.

Узнав, что я хочу увидеть вольтижировку, ко мне пришел начальник штаба войск Уральской области полковник Огановский[247] и сообщил, что имеет в своем распоряжении незанятую другими делами казачью сотню.

Казаки собрались на плацу недалеко от города, и полковник пригласил меня присутствовать при смотре того, что в России называют джигитовкой.

Слово «джигит» в киргизском языке означает молодого, ловкого и смелого парня. Если о человеке говорят «это настоящий джигит», то подразумевают, что он молодчина. Именно так у азиатских кочевников отец называет сына, удачно укравшего соседских лошадей.

Вокруг просторного плаца, бывшего, однако, лишь маленьким кусочком уходившей за горизонт огромной степи, собралось множество горожан.

Вся сотня была на конях. У половины всадников, одетых в белые рубахи, в руках сверкали сабли, другая полусотня, затянутая в длинные сюртуки из темного сукна, служащие им форменными мундирами, была вооружена копьями.

Сначала казаки медленно прошли перед нами, выполняя установленные упражнения и различные маневры. Вдали от нас были вкопаны в землю два столба. На вершине одного находился пучок сена, ко второму была прибита ветка дерева с привязанной посередине красной ленточкой.

Всадники замерли в 200 м от столбов. По сигналу полковника двое казаков понеслись на лошадях во весь опор. Первый, пролетая мимо столба трехтактным галопом, должен был

одним ударом срезать ветку в том месте, где была привязана красная лента, а второй – наколоть на пику и унести с собой пучок сена с другого столба. Специальные люди меняли срезанные ветки и ставили свежие пучки сена, а мимо нас проносились все новые и новые всадники. Наконец полковник отдал приказ перейти к другому упражнению, но тут к нему подскочил подъесаул[248].

– Прошу Вас, господин полковник, – обратился он, – позволить мне и моему сотнику[249] тоже выполнить это упражнение. Наш французский друг увидел, что умеют наши рядовые, а теперь пусть убедится в способностях офицеров!

Полковник улыбнулся и дал согласие. Сотник с удивительной ловкостью подхватил своим копьем сено. Что касается подъесаула, то он на своей лошади, которая, казалось, парила над землей, просто творил чудеса. Бешено вращая своей огромной саблей, он разрубил ветку вместе с лентой пополам. Вслед за тем, гордясь своим успехом, он подошел к нам за поздравлениями.

Начались новые трюки, напоминающие цирковые: прыжки, кульбиты над несущейся галопом лошадью, подбирание бумаги и носовых платков с земли. Сняв седла, всадники проскакали мимо нас, стоя на спинах лошадей, вначале шагом, затем рысью и, наконец, галопом.

Затем два казака встали ногами одновременно на двух лошадей и взяли на свои плечи третьего. Публика, окружавшая нас, все прибывала и непрерывно аплодировала. Стоявший рядом со мной старик воскликнул:

– Как это прекрасно, как прекрасно! Не так ли, мусью француз? А что выделывали мы в свое время, о-о-о!

Я не смог сдержать улыбку, хотя старик и не думал хвастаться. Это был могучий мужчина с длинной белой бородой, огромного роста и, как он сам мне сказал, еще способный убить быка кулаком.

Между тем казаки собрались в группу. Внезапно один из них, изображая убегающего врага, бросил свою лошадь в четырехтактный галоп. Животное, покрытое пеной и с вырывающимся из ноздрей паром стремительно понеслось вперед, а за ним бросились в погоню два всадника. Первый уже было настиг беглеца, но тот повернулся, выстрелил из пистолета, а затем поскакал еще быстрее. Его преследователь поднял на дыбы свою лошадь, затем, имитируя смерть, упал наземь, но его товарищ прямо на скаку подхватил с земли «убитого» и бросил на свое седло. Мне еще ни разу не приходилось видеть более чудесного зрелища.

Все эти виртуозные упражнения продолжались около часа. К сожалению, несчастного случая избежать не удалось: один казак при падении застрял ногой в стремени, и его еще долго тащила разгоряченная лошадь. Старик, с которым мы уже говорили, сказал мне вполголоса:

– Если бы это произошло с моим сыном, я бы не стал жалеть его, ведь с коня падают только размазни!

– А в Ваше время разве не падали? – задал я ему вопрос.

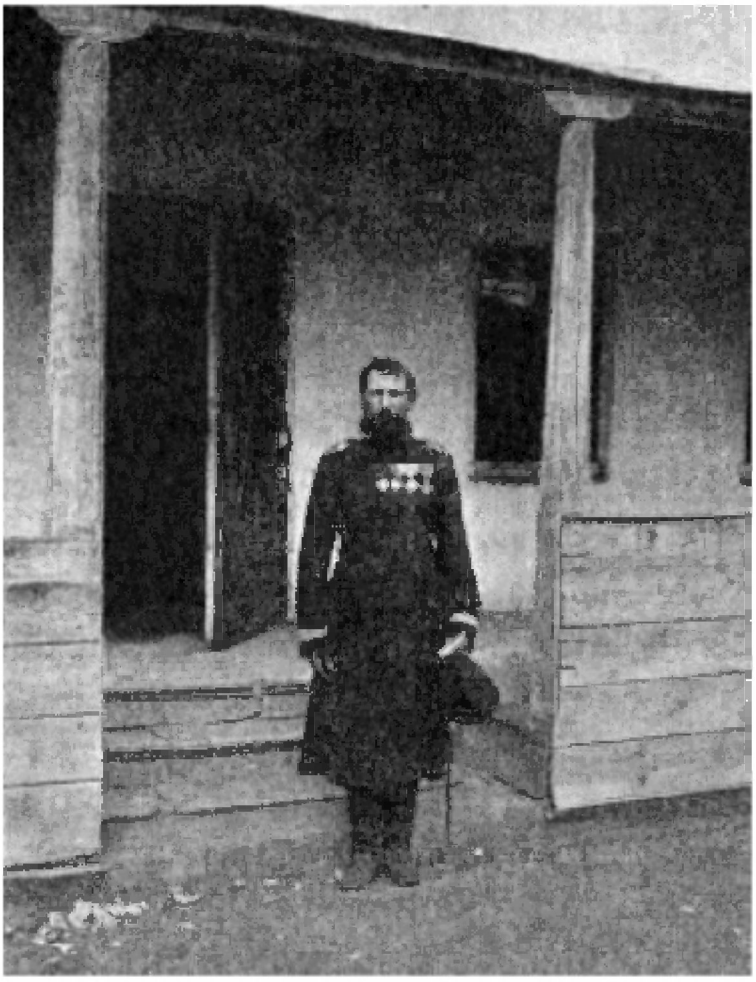
– Настоящий казак никогда не упадет с коня. Будучи убитым в бою, он остается в седле, и враг, думая, что он жив, продолжает в него стрелять. В наши годы падений с коня не было!

Я полагаю, что он несколько преувеличил, но старик говорил столь убедительно, что я не стал ему перечить.

Офицеры предложили мне побывать в казармах, и я увидел, с каким уважением они пожимали руку этому старику.

– Это наш герой! – объяснил мне полковник. – В Туркестане ему с несколькими товарищами пришлось отбиваться от более чем ста неприятелей. Получив тяжелое ранение, он крикнул сослуживцу: «Пока я на коне, я не чувствую боли!» – и, истекая кровью, запел веселую песню.

– О, казачья песня! – воскликнул я.

Уральский казак

– Старик не только хорошо поет, но еще и прекрасно танцует, и может много выпить, одним словом, это настоящий казак. Он говорит, что, несмотря на возраст, пока еще силен в танцах, вине и с женщинами! Да-да, не удивляйтесь, наш ветеран все еще пользуется успехом у прекрасного пола!

Мы подъехали к казармам, перед которыми на столе стояла бочка с водкой. Солдаты выстроились перед нами, чуть поодаль толпились горожане. Полковник налил водки и сообщил казакам, что устроил джигитовку, дабы «французский представитель в Уральской области» узнал, что такое храброе казачье войско. Затем он торжественно поднял стакан и выпил за императора Николая.

Оркестр заиграл государственный гимн России «Боже, Царя храни», который офицеры слушали, взяв под козырек, а гражданские обнажили головы. Следуя их примеру, я тоже снял шляпу. Затем солдаты начали бросать вверх свои меховые шапки под нескончаемые возгласы «Ура! Ура! Ура!».

Тем временем полковник опять наполнил свой стакан.

– Друзья мои! – воскликнул он. – Я хочу еще раз выпить, но уже за дружественную нам страну, которая послала сюда с поручением человека, коего мы сегодня от всего своего сердца приветствуем на нашей земле и которому мы всячески постараемся помочь! За Францию! За ее президента! За его представителя!

Полковой оркестр заиграл Марсельезу, офицеры обнажили свои сабли, а горожане опять сняли головные уборы. На меня это произвело большое впечатление. Солдаты вновь закричали «Ура!» и стали бросать вверх шапки, а горожане кричать и аплодировать.

Офицеры пригласили меня на ужин, который быстро стал превращаться в попойку. Что такое застолье в России? Это когда все напитки смешивают в один и хозяева стараются до беспамятства напоить им своих гостей, которые, впрочем, сами бывают не против. Когда я путешествовал по Сибири и меня приглашали на эти коллективные возлияния, я всегда настаивал, чтобы гости обязательно приходили со своими женами, поскольку те хоть как-то могут воздействовать на своих мужей. Поэтому и здесь мне пришлось прибегнуть к этому проверенному способу.

– Вы знаете, – объявил я всем присутствующим, – что нам, французам, весело бывает только тогда, когда рядом женщины.

Офицеры захохотали: «Да он самый настоящий француз! Около него обязательно должна быть юбка! Они все такие!»

После этого, чтобы доставить мне удовольствие, они пригласили к столам своих женщин, благодаря чему мне удалось избежать спаивания. Впрочем, казачьи дамы снисходительно относятся к употреблению водки.

Во время трапезы я случайно услышал, как одна из женщин прошептала своей соседке:

– Ах, как мне раньше хотелось побывать в Париже, но теперь я уже туда не хочу: все французы, которых я знаю, слишком маленькие!

Это было сказано в мой адрес и очень мне не понравилось. А что на это возразишь? Француз среднего роста действительно выглядит в окружении казаков карликом. Я выразительно посмотрел на эту особу, столь неуважительно отозвавшуюся о моих соотечественниках. Она, поняв, что я все слышал, совершенно спокойно кивнула в сторону соседа, который был на голову выше меня. Это был острый на язык офицер. Посмеиваясь, он негромко сказал мне:

– Ей нравятся только высокие мужчины, и она при каждом удобном случае охотно это доказывает. Муж, конечно, переживает, но поверьте, он еще ниже Вас, и поэтому, возможно, никогда ее всерьез не интересовал!

Между тем я все еще пытался объяснить присутствовавшим, что не употребляю спиртного. Видел бы читатель, с каким презрением они на меня смотрели! Но иначе было нельзя: лучше сразу наотрез отказаться, чем согласиться выпить «немножечко». В России немножечко пить не умеют, там едва успевают откупоривать бутылки.

– Непьющий француз, – объяснял мне сидевший рядом и окосевший от выпитого батюшка, – это плохой француз!

Но, честно говоря, меня больше задела реплика одной казачки:

– Если он не пьет водку, значит, он не мужик!

Мужчины понимают, насколько обидно было услышать такое из уст представительницы прекрасного пола. Но я быстро придумал, как мне отбиться от назойливых просьб собравшихся. Я уже знал, что некоторые русские по совету своих докторов на год-два прекращают пить и начинают лечиться от алкоголизма. Поэтому, когда мне в очередной раз попытались налить, я объяснил, что до недавнего времени сильно употреблял, а теперь хочу

поправить свое здоровье. Все меня сразу зауважали. «О! Он столько пил, – думали они, – что теперь решил сделать паузу и подлечиться!»

И все же вообще избежать употребления алкоголя мне в тот день не удалось. Мы пригласили несколько казаков, певших и плясавших прямо перед нашим домом, и те под аплодисменты публики сплясали нам, в частности, «казачок», пируэты которого очень забавны, но в данном случае показались мне не совсем уместными.

Мы уже собрались было разъезжаться, как один из офицеров воскликнул:

– Вот уникальная бутылка французского коньяка, одна из немногих, что у нас остались!

Присутствующие зашумели, обсуждая этот шедевр. Оказалось, что во время своего визита в Россию Феликс Фор послал казачьему войску партию коньяка. Разумеется, в Саратове часть ее бесследно исчезла, но что-то все же дошло до адресата. И теперь этот подарок месье Фора стоял перед нами.

Пожилая уральская казачка в традиционном костюме

– О, вот это настоящий мужчина! – многозначительно отозвалась о французском президенте любительница великанов.[250]

– Ну дайте же мне сказать, прошу вас, – взмолился офицер, – ну замолчите же вы, наконец!

В зале воцарилась тишина.

– Смотрите, – продолжал военный, – вот перед вами бутылка коньяка от Феликса Фора, а вот бутылка русского шампанского, произведенного в Крыму. Я выливаю обе их в эту салатницу и перемешиваю ложкой. Итак, союз двух государств свершился! Да здравствует Франция! Да здравствует Россия! Так выпьем же за это! – торжественно провозгласил офицер.

Все зааплодировали, и, услышав наши крики, оркестр уже по крайней мере в двадцатый раз заиграл Марсельезу. Весь вечер, налив себе спиртного, офицер кричал через окно: «Русский

гимн!» или же «Марсельезу!». И как только музыканты начинали играть требуемую мелодию, он запивал ее стаканом водки или бокалом шампанского.

Всем нам – и мужчинам, и женщинам – пришлось отведать из салатницы. Могу сказать, что эта франко-русская смесь получилась если уж не идеальной, то во всяком случае очень крепкой. Старый белобородый казак, о котором я уже рассказывал, отхлебнув ее, сразу начал травить похабные анекдоты. Перейдя со мной на «ты», он полез ко мне обниматься, клянясь в вечной дружбе.

– Вот Вы, – посмеиваясь, спросил я у него, – считаете, что сегодня все хуже, чем раньше, и нынешние люди не такие, как тогда. А портится ли с возрастом вино?

– Не-е-е-т! – воскликнул старик. – Вино – это единственная вещь, которая остается вечно юной, в нем одном я нахожу утешение, когда вижу, что творится вокруг. Я ведь уже говорил тебе, что нынешняя молодежь не стоит мизинца моих сверстников. Да, сегодня казаки смелые, но в мое время они были героями, сегодня они крепки, как быки, а прежде были сильнее львов, сегодня у них рождаются дети, а мы делали только близнецов! И еще, посмотри на меня и посмотри на всех этих, – он обвел взором собравшихся. – Разве они могут столько выпить, как мы?

И, подтверждая сказанное, ветеран, подняв салатницу, в один присест поглотил все, что в ней оставалось. Затем, чеканя шаг, он торжественно открыл дверь и с гордо поднятой головой вышел из комнаты.

Глава девятая
Поездка к казакам – от Илека к Каспийскому морю – Жизнь и быт населения

Земледелие является основным занятием жителей на территории от городка Илек[251], административного уездного центра, расположенного вблизи реки Урал у границы казачьих земель Оренбургской губернии, до Уральска. В этих местах почва очень плодородна, и поэтому все здешние селения (а их немало) относятся к зажиточным. Большинство каменных и деревянных домов отличается исключительной чистотой, что является редкостью для России.

Почтовый тракт проходит недалеко от реки почти по прямой линии с севера на юг. Он неплохой, но очень пыльный, часто пересекает пески, в которых колеса повозки вязнут и лошадям приходится переходить на шаг. Вокруг селений множество возделанных полей, на которых растут пшеница, овес, рожь, просо, подсолнечник, дыни и арбузы. Деревьев в этих местах мало, но благодаря довольно изобретательному, хотя и примитивному орошению высокие ивы, березы или тополя иногда скрашивают монотонный пейзаж и защищают избы от северо-западных ветров.

Почтовые станции здесь такие же, как в Казанской и Уфимской губерниях, но чище. Наличие при мне проводника из казаков вызывало у моих собеседников уважение, хотя иногда они спрашивали, кем я являюсь на своей родине.

Как-то раз вечером я подслушал разговор моего спутника с его приятелем:

– Вообще-то, – говорил мой проводник, – этот француз – мужик хороший, он угощает меня табаком и время от времени покупает мне стакан водки. Однако он не настоящий генерал, а, видимо, штатский, потому что не носит мундиру, не напивается и не ругается матом!

Однажды вечером мы прибыли на постой, где нас встречали хозяин с женой, причем женщина, белокурая молодая крестьянка крупного телосложения, почему-то была вся в

слезах. Я спросил, что с ней, но муж сделал ей знак, и она молча вышла. На следующий день, когда мы уезжали, от ее вчерашнего горя не осталось и следа. Я ничего не понимал. Ситуацию прояснил мой казак:

– Так это ее муж побил, вот она и ревела!

Комментарий самого супруга на этот счет был возмутительным:

– Моя жена принадлежит мне, и наш поп, который колотит свою благоверную еще сильнее, утверждает, что если бабу бить, то она будет здоровее. Впрочем, мы не обижаемся друг на друга, верно, Машка? – он положил свою тяжелую руку на плечо жены, которая, глядя на него влюбленными глазами, залилась смехом.

Мне сразу вспомнилась одна знакомая казачка, муж которой устроился в город прислуживать генералу и через некоторое время забрал ее из станицы к себе, но уже вскоре она, рыдая, жаловалась на супруга и просилась обратно.

– Я больше ему не нужна! – причитала она сквозь слезы. – Мы уже месяц как живем вместе, а он еще ни разу меня не побил!

В Уральской области сложилась уникальная для России ситуация: водные ресурсы и земля принадлежат казачьему войску в целом, а не отдельным лицам. Однако сейчас этот коммунизм уже несколько нарушен: офицеры, имеющие возможность нанимать батраков, при разделе урожая получают значительно больше, чем рядовые казаки.

Во время пахоты, сроки которой определяет атаман, только офицеры могут пользоваться двумя плугами. Пахать можно почти везде, за исключением особо оговоренных участков, вблизи родников, рудников и прудов, а также полей с бахчевыми культурами. Малолеткам 17–19 лет разрешено распахивать до 10 хозяйственных десятин[252] земли, то есть немногим более 10 га, взрослым казакам всех разрядов – 20, обер-офицерам – 50, штаб-офицерам – 75 хозяйственных десятин. Одна семья может распахивать за плату не более 210 хозяйственных десятин. Вдовам и сиротам военнослужащего разрешается пахать земли столько, сколько полагалось их мужьям и отцам.

Уже несколько лет в этой области активно внедряется интенсивная и основанная на научных достижениях агротехника, вследствие чего улучшилась урожайность пшеницы, овса, ржи и проса. Ведется работа по предотвращению голода. Зерно хранится на складах войсковой администрации, а не в личных подворьях, и в трудное время распределяется между казаками. Однако обеспечить продовольствием всех не всегда удается, и после суровой зимы иногда приходится голодать.

Казачка в традиционном костюме

В целях развития сельского хозяйства в Уральске недавно открыли низшую сельскохозяйственную школу с фермой, на которой разводят высокопродуктивных животных для улучшения породы скота. Все казаки занимаются скотоводством, но особенно на юге области. Они несколько презрительно относятся к профессии пастуха, считая себя прежде всего воинами, поэтому обычно доверяют скот полудиким калмыкам из соседней Астраханской губернии или киргизцам из степи, простирающейся на левом берегу Урала. Калмыки и киргизцы, как и все кочевники, боятся казаков, поскольку последние обращаются с ними как с побежденными и ведут себя на их землях как завоеватели. Один киргизец однажды откровенно признался мне:

– О, нет, я не трус, я не боюсь казаков. Но если вижу одиноко едущего по дороге казака, то сразу убегаю!

Несмотря на все, казачьи стада не защищены от невзгод погоды. В области часто случаются морозные зимы и засушливое лето, и, стало быть, снег и дождь выпадают редко. Самым тяжелым периодом для скота является время с середины марта по середину апреля, когда снег начинает стремительно таять и вдруг наступают заморозки. Копыта лошадей не могут разбить гололед, и животные умирают от голода. Овцы, которых разводят казаки, принадлежат к так называемой «курдючной» породе, у которой в районе хвоста откладывается 8–12 кг жира превосходного качества. Благодаря его запасу животные переносят холодную зиму, но к весне верблюжьи горбы становятся дряблыми, а толстые и твердые бараньи курдюки обвисают.

Правила, аналогичные тем, что предписаны для пахоты, действуют и для косьбы: все казаки имеют право заготавливать сено и даже нанимать батрака. Войсковая администрация построила фуражные склады в четырех крупных населенных пунктах – Уральске, Темире[253], Гурьеве[254] и Калмыкове[255]. Это было мудрое решение, поскольку казаки, как и все русские, живут только сегодняшним днем, не думая о предстоящей зиме. Кроме того, если казак, как, впрочем, и всякий русский, чуть разживется деньгами, то сразу стремится потратить их со своими друзьями. В России деньгам не придают того значения, как у нас, и даже в трудные времена их всегда стараются спустить. Русская душа шире французской, но во Франции люди намного экономнее, бережливость же не входит в перечень русских достоинств.

Казаки весьма привержены садоводству, они любят цветы и ставят на подоконники горшки с розами и геранью. В своих больших огородах они выращивают лен, который, как известно, составляет одно из главных богатств России. Его ежегодно в больших объемах закупают прядильные фабрики Лилля, Рубе, Армантьера и Туркуэна. Еще казаки высаживают столь необходимый для русских крестьян картофель, который хорошо родится почти по всей империи, даже на Сахалине, и табак, разводимый в малом количестве на хорошо удобренных грядках. Курительный табак поливают немного, а листья оставляют надолго бродить в ямах, накрытых ковром или шерстяной тканью. Небольшие плантации нюхательного табака, наоборот, поливают обильно, стебли срезают вместе с листьями, сушат в тени, а затем пестиком растирают в порошок. Именно этот вид табака больше всего обожают кочевники, но они его не нюхают, а жуют.

Овощеводство, представленное насаждениями картофеля, лука, моркови, огурцов, подсолнечника, дыни и арбузов, характерно для всех казаков, но особенно уральских. К моменту отмены крепостного права во всей области было только 30 садов, а сегодня их уже приблизительно 600, и занимают они 1800 га.

К югу от Уральска занятия жителей совершенно иные: большая загородь на реке Урал, которую я уже упоминал, но подробнее опишу далее, отделяет земледельческий район от рыболовецкого. Здешние казаки в основном занимаются только скотоводством и ловлей рыбы. Доходы, получаемые казаками от охоты, намного меньше тех, что приносит им рыболовство. Рыбу ловят в области все, а некоторые даже сумели на этом разбогатеть. Охотой тоже занимаются повсеместно, но это не более чем развлечение, состояние на ней сделали лишь отдельные добытчики пушного зверя. Дичи здесь невероятно много, можно охотиться на лебедей, гусей, диких уток, куропаток, рябчиков, перепелов и тетеревов, на таких крупных птиц, как орлы, коршуны, грифы и ястребы, а из млекопитающих – на волков, лис, барсуков, хорьков, куниц и зайцев.

От Уральска до Гурьева – порта, расположенного в устье реки Урал, почтовый тракт намного хуже, чем на севере, он проложен через сухую и унылую степь, где на телеграфных проводах дремлют орлы и грифы. Здесь уже нет красивых деревянных и каменных жилищ, им на смену приходят почти исключительно глиняные, но все так же чистенькие дома. За исключением Чагана[256] в Урал между Уральском и Каспийским морем впадают лишь две незначительные речушки, еще несколько мелких ручейков теряются в песках, пересыхают, но если здесь осуществить оросительные работы, то жизнь в эту пустыню можно вернуть.

Самые крупные селения, вроде Калмыкова, где живет уездный начальник, представляют собой маленькие хутора. Я до сих пор со смехом вспоминаю мой визит к милейшему главе уезда[257], который отвечал на мои вопросы невпопад, все время повторяя, что ничего не понял. Это меня очень расстроило, но тут этот чиновник сказал своей жене:

– Французы всегда воображают, что все должны понимать их язык. И этот оказался таким же!

Взбешенный, я заорал на него по-русски:

– Вы же просто не хотите понимать меня!

Уездный начальник был крайне удивлен:

– Смотрите-ка, Вы, оказывается, говорите по-русски, но почему тогда столь долго беседовали со мной на французском?!

Только теперь до меня дошло, что чиновник был глуховат, и ему нужно было кричать в ухо. Я ведь сначала заговорил с ним по-русски, не повышая тона, он же думал, что я говорю на французском, а когда я вынужден был закричать, то сразу понял меня. С его помощью я посетил тюрьму, отчасти похожую на свинарник, в которой сидели несколько киргизцев, малоинтересную мечеть, совершил прогулку по берегу реки. Урал в Калмыкове не шире, чем

в Уральске, его левый берег низкий, а правый – крутой и состоит из постепенно размываемых рекой глинистых обрывов.

После Калмыкова мне порекомендовали сделать остановку в станице Кулагинской[258] у богача по имени Сага. Калмыки – это монгольский народ, живущий сегодня в Астраханской губернии, и сохранивший буддийскую религию в том виде, в каком она существует в Тибете, Монголии и Забайкалье под именем «желтой веры»[259]. В XIV в. являвшийся воплощением Будды монах по имени Цонкапа, о появлении которого сообщалось в священных книгах, реформировал эту религию, вернув ей первоначальную чистоту и внедрив в нее иерархию и дисциплину. Именно он учредил большие монастыри, где сегодня дети изучают тибетский и монгольский языки у наиболее высокочтимых монахов и проникают в тайны религии. Около озера Байкал в русской Азии я посещал восхитительные монастыри, наполненные драгоценностями и статуями богов из золота и серебра. Калмыцкие монастыри гораздо беднее, и калмыцкие ламы не облачаются, как их азиатские собратья, в желтые одеяния и не покрывают руки и плечи длинными пурпурными шарфами.

Несколько калмыков, обитающих, как Сага, в Уральской области, стали казаками, волей или неволей приняли православие, а их собратья, оставшиеся в Астраханской губернии, освобождены от военной службы, занимаются скотоводством и живут в страшной нищете. Обычаи калмыков такие же, как у всех примитивных азиатских народов: родители обручают своих детей иногда еще в колыбели, брак заключается, как только мальчик достигнет половой зрелости, а девушка брачного возраста, зять платит тестю выкуп лошадьми, баранами и предметами домашнего обихода или просто отрабатывает в его хозяйстве. Буддизм у них существует не в чистом виде, а с примесью культа духов и некоторых языческих суеверий.

Дом у Саги оказался уютным, похожим на жилища казаков, но сам хозяин в нем не жил: по примеру своих предков он предпочитал юрту, но так как не кочевал, то поставил ее во дворе. Все официальные лица (и я в том числе), проезжающие через Кулагинскую, обязательно посещают его. Для меня забили барана и приготовили превосходное блюдо ковурдак[260] и, по туркестанскому обычаю, плов из риса[261]. Ковурдак делается из кусочков баранины, поджаренных на сковороде. Туркестанский плов включает в себя, кроме риса и баранины, еще и айву, несколько тонко нарезанных морковок, изюм и дикие абрикосы. Это, я вам скажу, восхитительнейшее блюдо.

Весь вечер Сага в основном рассказывал мне о своем сыне, который служил офицером в казачьем войске, и об осенней рыбалке, на которой мне удалось побывать несколькими днями позже. На следующий день он посадил меня в тарантас и поблагодарил за посещение. По дороге я обогнал калмыцкого всадника.

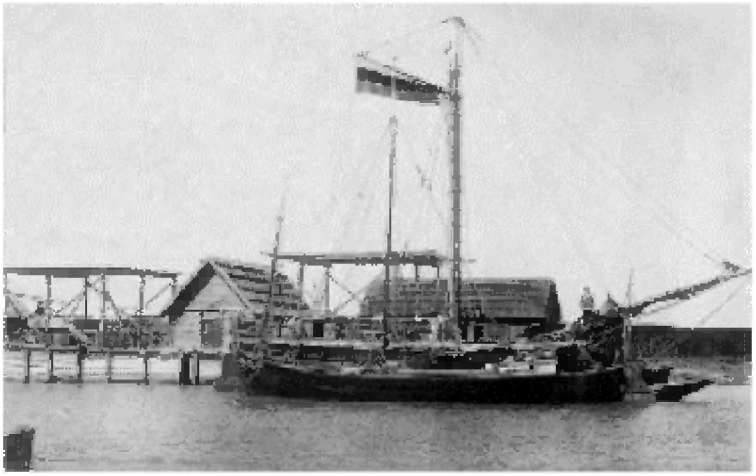
– Добрый день, султан, – сказал он мне. – Сага оказал тебе хороший прием?

Я ответил утвердительно, удивившись лишь титулу, которым наградил меня калмык.

– Сага – добрый человек, хотя и не чтит веру отцов. Это я вчера сообщил ему о твоем приезде, сказав, что к нему скоро прибудет французский султан.

– Но как ты узнал об этом? – моему изумлению не было предела.

И тут я вспомнил, что за два дня до этого видел, как из дома, в котором я остановился в Калмыкове, выходил мой собеседник. Он не предполагал, что я его тогда заметил.

Рыболовное судно в Гурьеве

– Я прочитал о твоем приезде по звездам, мне об этом сообщил Будда! – не моргнув газом, ответил калмык.

Я искренне поздравил служителя Будды – а он был как раз им – с его превосходными связями и, давясь смехом, спросил у него, не могу ли, будучи совершенным безбожником, тоже поговорить с божеством и узнать свою судьбу по звездам.

Мой тон не понравился калмыку, он пришпорил свою лошадь и пустил ее галопом по дороге, но через несколько минут остановился и, когда я подъехал, сказал:

– Ищи Будду, и ты его найдешь! Человек не может знать, что готовит ему будущее. Возможно, что ты однажды увидишь Бога. Прощай! – и поскакал прочь.

Больше я его не встречал, но его слова оказались в чем-то пророческими: через два года я действительно оказался в буддийских монастырях Сибири и даже удостоился разрешения жить в непосредственной близости от высокочтимого воплощения Будды, то есть наедине с божеством.

Между Кулагинской и Гурьевом я останавливался на постой у одного знаменитого героя, который сражался в Туркестане против нескольких сотен туркменцев. Его отряд насчитывал сто тридцать человек, выжил только тридцать один, но пятнадцать здравствуют еще и сегодня.

Город Гурьев, построенный недалеко от берегов Каспийского моря, на левом берегу Урала и недалеко от его устья, является портом казачьего края. Это богатый и процветающий населенный пункт, живущий за счет торговли рыбой. Она хранится живой в больших садках, устроенных по берегам реки, либо заморожена в огромных ледниках, либо, наконец, сушится на солнце в самом порту. Казаки заготавливают сельдь, осетра, карпа и судака, о которых я подробнее расскажу, повествуя о речной ловле. Осетры живут то в море, то в реке, сельдь же – рыба исключительно морская. Казаки вымачивают ее в рассоле, добавляя в него куски льда, а если его нет, то ставят бочку в тень или зарывают в землю. Через двенадцать часов рыбу вынимают из рассола и кладут рядами в бочку, пересыпая каждый ряд толстым слоем соли. Если сельдь крупная, то ее оставляют в таком виде на 10–12 дней, а затем помещают в другую бочку по 250–300 рыб и кладут сверху груз. Бочонки герметично закрывают и кладут на лед. Так, по крайней мере, готовят сельдь в порту Гурьева. Другая рыба, находящаяся в ледниках, извлекается оттуда только во время постов, очень долгих в России, когда большинство русских питаются почти исключительно ею.

Полковник, атаман Гурьевского гарнизона[262], организовал мне осмотр этого довольно красивого города. Вид левого берега был очарователен благодаря удивительным деревьям и виноградникам. Мы посетили местные учебные заведения. Русско-киргизское училище, где

несколько русских детей учились вместе с туземцами, помещалось в большом, неплохо благоустроенном здании. Меня попросили задать вопросы ученикам, но они, испугавшись, молчали: за время каникул они наверняка забыли то немногое, что знали. Однако самые младшие очень старались. Учитель заставил их прочесть фразу: «Ваня украл часы»

– А теперь, – попросил он, – скажите мне, кто украл часы? Что украл Ваня? Что он сделал?

Вопросы следовали один за другим, и ученики тянули руки, чтобы ответить.

– Я тоже хочу спросить, – сказал я учителю. – Ну-ка, скажите, кто из вас любит конфеты?

Мой вопрос смутил киргизских ребят, мне пришлось его повторить, но, когда самый маленький робко поднял руку и я дал ему немного сладостей, руки потянули все.

В казачьей школе детей переспрашивать об этом не пришлось.

– Смотрите-ка, – заметил полковник, – а эти-то совсем не боятся!

Классные комнаты в школе были маленькими. Я задал детям вопросы по изучаемым предметам, но, оказалось, что они сильны только в гимнастике.

– Оставьте себе несколько конфет, не отдавайте все, – предупредил меня полковник. – Сейчас Вы увидите, какие у них крепкие легкие. А ну-ка, дети, – обратился он к ним, – кто из вас громче всех крикнет, тот получит конфеты!

Поднялся ужасный шум, но полковник был рад и все повторял:

– Ай да молодцы, ну, молодцы!

Затем он принялся кричать вместе с ними. Когда все охрипли, я оставил школу вместе с полковником, тепло поздравив его с наличием таких талантов у молодых казачков.

Визит в реальное училище был более полезным для меня: там, по крайней мере, с детьми занимались всерьез.

Затем полковник предложил мне побывать в клубе, где меня ожидали казаки в парадной форме, чтобы продемонстрировать свои полковые танцы. Три офицерские жены надели по этому случаю праздничный наряд казачек, чтобы я их сфотографировал. Одна из них, в длинном национальном сарафане, сшитом из светлой ткани с вышивкой, была совершенно очаровательна.

Посетив правобережье Урала, я совершил несколько поездок по киргизскому берегу. Там на шестьсот километров нет ни одного притока. Стоячие ручьи теряются в песках или в наполовину высохших соленых озерах. Это огромная степь, покрытая везде одними и теми же травами и мхами, занимает 1 850 000 кв. км от реки Урал до Иртыша и Небесных гор[263]. Только на границе степь орошается большими реками, возле которых присутствуют небольшие леса. В целом же флора этого региона не отличается большим разнообразием по причине крайне сурового климата: летом здесь стоит ужасная жара, зимой – страшные морозы, и круглый год влажность минимальная. Границами киргизской степи почти везде являются казачьи земли.

Киргизцы – это тюрко-татарский народ мусульманской веры, они кочуют исключительно по своей территории, зиму проводят в полуземлянках и сделанных из смеси глины, травы и высушенного помета верблюдов хижинах. Обычно их зимовки находятся в низинах, где скот может найти под снегом чахлую, но вполне съедобную траву, которая, во всяком случае, не даст ему умереть от голода. После схода снега каждое селение начинает кочевать вслед за своим стадом, идя по кругу от одного колодца к другому, от равнины к равнине и от зимнего жилища к зимнему. Киргизские семьи из поколения в поколение пользуются одними и теми же местами зимовки, пастбищами, колодцами и ставят там свою юрту, почти неосознанно повторяя ежегодно один и тот же путь. Скотоводы и пастухи, они всецело поглощены заботой о своих животных, составляющих весь смысл их существования. Обладая всеми

недостатками примитивных и мусульманских народов, они, однако, отличаются доброжелательностью и гостеприимством: путник, вошедший в их жилище, становится для них как бы посланником бога. Мне приходилось долго жить среди киргизцев, и они нередко воспринимали меня в качестве пророка, хотя на самом деле я был всего лишь посланником Министерства народного просвещения Франции.

В степи, окаймляющей реку Урал, можно долго не встретить ни одной живой души. Пейзаж вокруг остается неизменным, и уже начинает казаться, что тарантас никуда не двигается, как вдруг неожиданно появляется одинокая киргизская школа, подобная той, что я уже описал. Иногда в степи можно повстречать всадников или временную стоянку кочевников, состоящую из юрт.

По левую сторону уральского берега имеются два больших озера: Челкар[264] и Индер[265]. Первое – пресное и расположено в 90 км к югу от Уральска. Когда-то его окружность составляла 50 км, но сейчас оно постепенно высыхает, так как перестало подпитываться водами реки Урал, ограничившись двумя источниками типа колодцев, всегда кипящих и очень глубоких. Озеро это богато рыбой, и казаки ежегодно приезжают сюда с огромными сетями порыбачить. Расходы на рыбную ловлю берут на себя казачьи общины, участвующие в ловле. Одна команда рыболовов состоит из 10–14 человек, каждый из них вооружен стометровой сетью. Рыбу ловят по весне, что, впрочем, наносит озеру большой ущерб, и в декабре. Целые караваны казаков приезжают сюда со всем снаряжением, запасами провизии и фуража, остальное докупая у киргизцев. Последних используют в качестве рабочей силы для прорубания во льду полыньи и оттеснения крупных льдин. В последние годы улов рыбы, в первую очередь карпа, судака, щуки, окуня и карася, постоянно снижается. Сами киргизцы могут бесплатно рыбачить с сетью на берегах озера и в устьях мелких рек, впадающих в него.

Озеро Индер расположено намного южнее Челкара, оно соленое, и там можно только добывать соль. Я посетил соленый и горячий ручей, выходящий из глубин и далеко распространявший запах серы. Не из-за нее ли дно ручья ржавого цвета? Кромка озера покрыта жидкой и соленой грязью, которая сильно пачкает обувь, а его берега – мелким, напоминающим крупинки хрусталя песком. Вдалеке внезапно поднялись в воздух крупные дикие лебеди. При каждом моем шаге из-под ног взлетали утки и бекасы, везде было множество мелкой дичи, на которую охотились парившие в небе большие орлы.

Недалеко я заметил густой дым и уже вскоре был рядом с обедающими киргизцами.

Нас встретили несколько удивленные нашему (со мной были казак и кучер) появлению молодой, опрятно одетый человек в пестром шелковом бухарском халате, его сын и несколько слуг. Хозяин пожал руку кучеру и объяснил, что везет сына в киргизскую школу и хочет оставить его там на время учебы. Стоявший рядом мальчишка лет четырнадцати безучастно слушал рассказ отца.

Кочевники сделали из войлочного ковра и палок небольшой навес от солнца. На земле лежало ружье, рядом с ним – поджаренная тушка дикого гуся, которую они уже начали есть. Казак, знавший киргизский язык, объяснил киргизцу, кто я такой, и тогда кочевник молча отрезал кусок гуся, съел половину, а мне протянул остаток.

– Ты живешь в стране, где садится солнце? – спросил он, показывая на запад.

Я ответил утвердительно и несколькими киргизскими словами выразил благодарность своему новому другу за гостеприимство. Мы уселись рядом с ним и продолжили обед. Закончив есть, мои спутники попросили у киргизца ружье, чтобы пострелять озерных уток. Когда они ушли, кочевник спросил у меня по-русски:

– Что ты думаешь о киргизской школе?

– Думаю, что твой сын сможет узнать там много полезного для жизни, – ответил я.

– Конечно, – согласился киргизец, – но это не главное. Выучившись, он сможет получить место в русской администрации, будет брать взятки и быстро разбогатеет! А в твоей стране русские тоже вымогают деньги?

Оказывается, этот кочевник полагал, что во всех странах у власти находятся русские!

Глава десятая
Казаки-рыболовы – Три сезонные рыбные ловли и их правила

Казаки, живущие на землях от Уральска до самого Каспийского моря, в основном занимаются рыбной ловлей. Выше Уральска построена огромная загородь, называемая «учуг» и представляющая собой огромную решетку из вбитых в дно реки свай и кольев. Крупная рыба, идущая с моря, не может преодолеть эту преграду и попадает в гигантскую ловушку между Уральском и Каспием. Учуг круглосуточно охраняется казачьим постом, и каждое утро в любую погоду состояние этого сооружения проверяется ныряльщиками.

Рыбная ловля строго регламентируется пятью основными правилами:

1. Рыбу могут ловить только казаки;

2. Рыболовство разрешается только в установленные местной властью сроки, строго в определенных местах и с сетями, параметры которых определяются соответствующими решениями войсковой администрации;

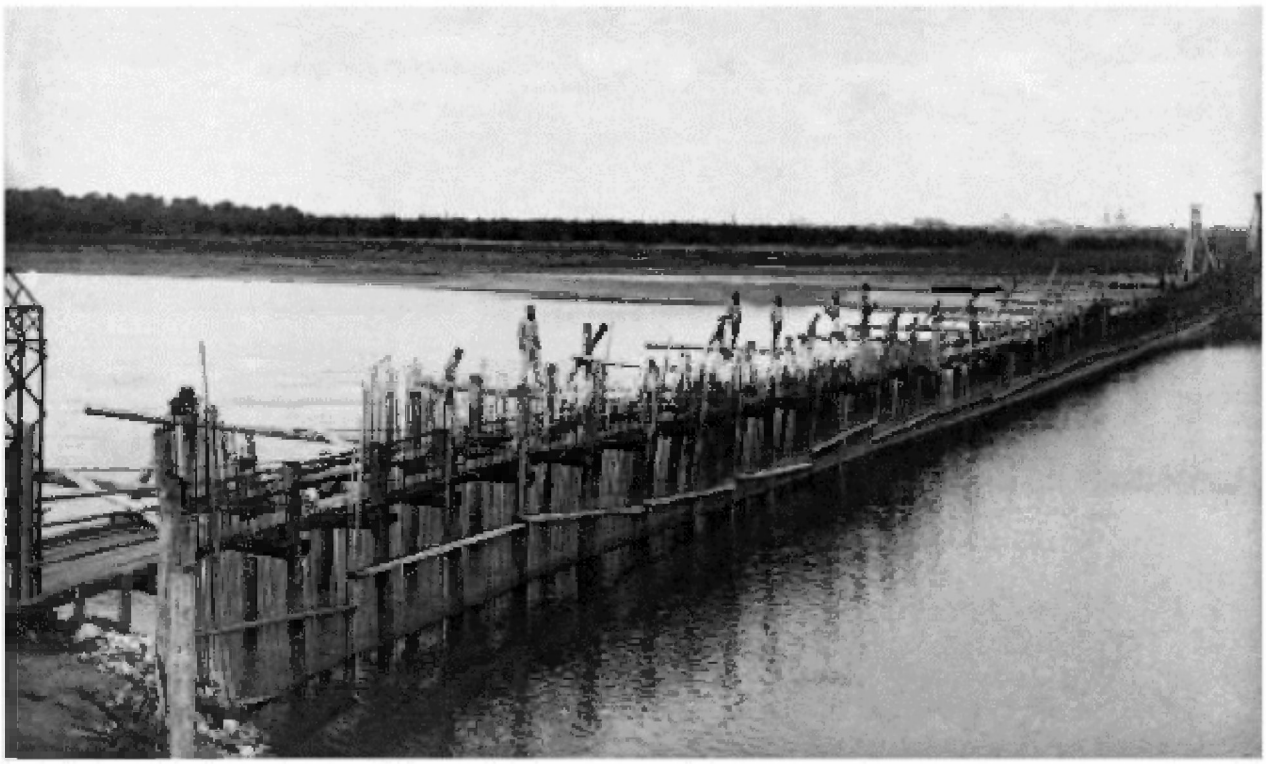
3. Женщины к плавне не допускаются;

4. Индивидуальное разрешение на рыбную ловлю запрещено передавать другим людям;

5. Нанимать помощников для рыбной можно только при соблюдении определенных условий, установленных законом.

Войсковая администрация строго следит за исполнением этих предписаний и в случае их нарушения накладывает на виновного штраф или даже заключает его в острог. Незаконный улов подлежит конфискации и продаже, а вырученные деньги поступают в войсковую казну. Сети, лодки и рыболовные снасти в этом случае также изымаются и становятся собственностью войска, которое может распоряжаться ими по своему усмотрению. Наконец, лица, выявившие нарушение указанных правил, получают 10 % от выручки от продажи рыбы и конфискованных снастей.

Войсковой атаман ежегодно назначает ответственного за рыбный промысел, так называемого атамана рыболовства[266]. Из казаков избирается 6–12 его помощников[267], которые следят за исполнением закона, однако и без этого все казаки обязаны немедленно сообщать о его нарушении атаману рыболовства и даже в войсковую администрацию.

Учуг в Уральске

– Закон должен быть единым для всех, – говорили мне казаки, – для бедных и богатых, начальников и простонародья.

Бывает достаточно одного удачного дня, чтобы семья могла обеспечить себе безбедное существование на всю зиму.

Ежегодно проводятся три больших плавни (от слова «плавать») – зимняя, весенняя и осенняя, сроки которых определяются администрацией войска.

В зимнюю плавню казаки делают прорубь и бьют баграми рыбу, поднимающуюся к поверхности реки подышать воздухом. Рыбаков набирается целая армия. Плавня длится несколько дней, а улов делится поровну, но рыбакам-офицерам полагается двойная доля. Багрение не всегда бывает удачным и зачастую опасно по причине сильных морозов и буранов. Известно, что русская зима сопровождается так называемыми «метелями», то есть снежными буранами, из-за чего путешественникам приходится делать остановку, чтобы переждать непогоду, рискуя оказаться жертвой волков. В год моего пребывания в Уральской области зимняя плавня была неудачной и, несмотря на большие расходы, принесла каждому не более 20 руб., то есть менее 60 франков. Многие ихтиологи предлагают отменить ее, но это одобряют не все казаки, хотя их мнение на этот счет меняется в зависимости от того, насколько удачным был сезон.

– Наши мужики не любят весенней плавни, – сообщила мне одна казачка, – но нам, бабам, грех жаловаться на весну, поскольку в это время наши мужики бывают о-го-го!

Ее супруг, услышав это, расхохотался и с характерной для казаков непосредственностью воскликнул:

– Вот, сам посуди – семь моих сыновей родились в январе, значит, именно весной я пребываю в самой силе!

Весенняя плавня начинается после схода с реки льда и продолжается до 25 мая, но если улов невелик, то атаман продлевает сезон до 1 июня.

Одновременно, или даже раньше, начинается добыча рыбы на Каспии.

Отправившись на паровой шлюпке из Гурьева к морским рыбакам, я, прибыв на место, увидел, что они поймали белугу весом в четыреста ливров[268], причем стоимость ее икры намного превосходила стоимость самой рыбины.

Для морской рыбалки каждому взрослому казаку отводится до 60, обер-офицеру – до 90, штаб-офицеру – до 120, а генералу – до 240 саженей вдоль бакенной линии[269], причем использовать можно только сеть. Офицерам разрешается нанимать от одного до трех работников в качестве помощников.

Так называемое курхайское рыболовство[270]осуществляется артелями, места ловли распределяются согласно жребию, и никому не дозволяется их менять. Для слежения за порядком и наложения штрафов выбирается морская охранная стража из шести человек во главе с атаманом морской ловли. Именно они выдают рыболовам разрешения для доставки рыбы на берег, без наличия которых весь улов подлежит конфискации сразу после выгрузки.

В открытом море ловля свободная, и владелец судна может взять с собой любое количество работников.

Морская рыбалка почти всегда заканчивается 24 мая, однако может затянуться и до 1 июня, после чего строжайше запрещается до середины августа, а потом возобновляется на тех же условиях, как весной, заканчиваясь одновременно с осенней плавней. В период между весенней и осенней плавнями рыбная ловля на реке Урал и Каспийском море запрещена, в это время вдоль реки стоят казачьи посты, отслеживающие браконьеров и детей, которые своими играми и криками могут распугать пришедшую на нерест рыбу. На реке запрещена любая навигация, здесь никогда не увидишь буксиров, тащащих за собой, как на Волге, Днепре, Оби и Амуре, огромные плоты. Впрочем, учуг делает любой лесосплав невозможным, да и лесов в этих местах нет. Пересечь Урал можно только там, где войско установило плот. Скот из реки поить запрещено, около нерестилищ нельзя шуметь и жечь костры, но рыбу можно ловить удочкой, днем и только с берега вблизи своей станицы. Конечно, браконьеры не соблюдают этих предписаний, и я знал одного офицера, который, не боясь наказания, предпочитал рыбачить ночью.

Мне тоже пришлось побывать браконьером, правда, днем и по инициативе местного начальства. Случилось это в Гурьеве. У нас были длинные и крепкие бечевки со свинцовым грузилом на концах и двумя крупными крючками, на которые были насажены червяки. Бечевку раскручивали и бросали в реку как можно дальше, на 10–30 м, после чего закрепляли ее конец на воткнутом в землю шесте внизу, а затем приподнимали и закрепляли уже на верхнем конце. Как только рыба начинала клевать, она натягивала бечевку и заставляла колебаться шест. Крючки были очень толстыми и предназначались для крупной рыбы. Менее чем за час нам попалось несколько карпов 30–50 см в длину, 2–3 судака того же размера и один большущий лещ. Поскольку целью этого занятия было продемонстрировать мне один из способов рыбной ловли, офицеры выбросили улов обратно в реку. Я поинтересовался, почему они не отдали ее находившимся вблизи рыбакам.

– А зачем? Казакам нравится рыбачить, – сказал мне офицер. – Каждый из них за считаные минуты поймает на свою удочку гораздо больше нас.

В другой раз я заметил на берегу старого рыбака, около которого лежал большой, примерно в три четверти метра длиной, судак. Я хотел его купить, чтобы пообедать им на почтовой станции, где тогда жил.

– Да что ты, что ты, возьми его просто так, – засуетился старик, – я сейчас поймаю себе другого.

Тогда я предложил несколько копеек его внуку, игравшему рядом, чтобы он купил себе конфеты.

– Лучше бы ты дал ему конфет, а не денег, – заворчал рыбак. – Ну ладно, ладно, я согласен, все же это мой внучок.

Офицер, который сопровождал меня, расхохотался и сказал:

– Сегодня все делается ради детей, причем даже у нас, казаков. Вот до чего мы дошли!

Я ответил, что эта традиция очень давняя и в подтверждение своих слов даже привел соответствующий пример:

– Однажды Фемистокл[271], указав на своего сына, произнес: «Вот настоящий хозяин Афин! Он управляет своей матерью, та управляет мной, а я – афинянами!»

– Ну, к нам это неприменимо, – ответил мне, посмеиваясь, офицер. – Казак еще может пойти на поводу у внука, но никогда – у своей бабы!

Осенняя плавня обычно начинается 20 сентября (7 сентября по русскому календарю) у Каленовского поселка[272], расположенного на реке в 220 км от Уральска и в 260 км от Каспийского моря. Весной рыбу ловят между ним и Уральском, а осенью – только между Каленовским и устьем Урала. Плавня начинается от Каленовска, постепенно спускаясь примерно на 25 км вниз по течению. Через день делают перерыв, чтобы выпотрошить рыбу, достать из нее икру, починить лодки и сети и прямо на месте реализовать улов торговцам, приехавшим из крупных городов России. Затем, делая однодневные передышки, проходят раз за разом следующие 20–25 км, пока не достигнут устья Урала. Каждый рыбачит самостоятельно, нанимать помощников или батраков запрещено.

Багрение

В период осенней плавни используются длинные и узкие лодки-будары, похожие на венецианские гондолы и так называемые «байдарки». Самые красивые и дорогие сделаны из ивы, но большинство – из тополя. Интересно отметить, что до недавнего времени будары изготовляли из цельного ствола дерева, а сейчас из досок. Старики поначалу не воспринимали это новшество, молчала и администрация войска, но в итоге все решила цена: старая будара стоит 25–30 руб., новая – не более 15 руб.[273] Сегодня даже разрешается иметь лодки с резервуаром для воды, но подавляющее большинство казаков пока еще предпочитают пользоваться долбленой бударой.

В осеннюю плавню используют большие сети строго определенного размера[274]. Специальным крюком рыбаки оглушают рыбу, чтобы она не смогла выпрыгнуть из лодки. В былые времена казаки сами плели сети, и многие продолжают это делать до сих пор, однако

сейчас чаще применяется отличающаяся особой прочностью фабричная и импортная продукция. Администрация войска выдает малоимущим казакам кредит для приобретения этих сетей, но спрос на них пока еще превышает предложение. Единственная крупная российская фабрика по их производству находится в Риге, но она в основном обслуживает прибалтийские губернии.

Несколько лет назад здесь начат выпуск сетей из волокон кендыря сибирского (Apocynum sibiricum), который решено выращивать в больших объемах и построить фабрику для его переработки. Другую фабрику предполагается открыть для выпуска непромокаемой одежды для рыбаков. Все эти снасти и амуниция незамедлительно раскупаются казаками.

Рыба делится казаками на красную и черную. К красной рыбе относятся четыре вида осетровых:

1. Белуга, вес которой может достигать тысячи двухсот ливров[275]. По словам казаков, иногда попадаются белуги еще большего веса, хотя, сказать по правде, казак-рыболов – это такой же враль (да простят мне это слово), как француз-охотник: каждый утверждает, что его улов больше, чем у соседа, а поскольку в устах последнего размер рыбы и так уже огромен, то постепенно он вообще становится фантастическим;

2. Собственно осетр, который несколько меньше белуги и тупоносый;

3. Шип – осетр среднего размера;

4. Более мелкая севрюга, нос которой похож на утиный клюв. У нас эта рыба за ее пятнистое тело называется звездным осетром.

У всех перечисленных рыб, даже самых крупных особей, очень маленькие глаза и крошечный рот. Красная рыба наиболее любима казаками, но она и самая дорогая. Ее икра, в отличие от других сортов рыб, отличается особым, неповторимым вкусом. Разумеется, икра, потребляемая в России и поставляемая в Европу, является не только осетровой.

Черная рыба распространена чаще, особенно в реке Урал. К ней относятся изумительный на вкус карп и еще более вкусный судак. Оба они часто достигают больших размеров и в былые времена славились изобилием. В Урале водится много лещей, подкаменщиков и окуней. Карасей, линей и щук здесь намного меньше, чем в степных казачьих озерах, а такие известные во Франции рыбы, как угорь или пескарь, в Уральской области практически неизвестны.

Рыбаки часто сами приготовляют рыбью икру, особенно карпа, судака и подкаменщика. У последнего она красного цвета, но не рассчитана на гурманов. Напротив, икра четырех видов осетровых изумительна на вкус. Казак сразу же может определить вид осетра по вкусу его икры, особенно лакомой считается икра белуги и севрюги.

Ближе к морю осетровых становится больше. В Волге они представлены сейчас меньше по причине, как полагают, загрязнения воды нефтью, используемой пароходами.

Хотя рыбы в Урале пока хватает, известным ихтиологом месье Бородиным[276] уже начаты работы по ее искусственному разведению. Первые попытки искусственной инкубации рыбы в России были сделаны в 1869 г. на Волге господами Ковалевским и Овсянниковым, но они главным образом ограничились стерлядью. В 1884 г. месье Бородин впервые поставил такие опыты на реке Урал, и хотя их успех был невелик, по крайней мере стало ясно, что он возможен. Через два года немецкие ученые сумели вырастить осетров на берегах Эльбы.[277] Но только в 1897 г. Российское общество рыбоводства и рыболовства решило организовать на реке Урал четыре рыборазводные станции: осетровую – в поселке Трекинский[278] и станице Кругло-Озерной[279] вблизи Уральска, белужью – в поселке Горский[280], белужью и севрюжью – в Гурьеве. Ихтиологи, работающие на них, исследуют осетровую икру, ставят опыты по ее инкубации и изучают биологию рыб. Все станции хорошо оборудованы, и администрация войска предоставляет ученым лошадей, лодки, сети и

работников. Казаки одобряют эту работу, поскольку численность самого крупного вида осетров ежегодно падает. Месье Бородин, являясь директором Гурьевской рыборазводной станции, установил, что осетровые мечут икру рядом с этим городом, поскольку икра белуги встречается в желудках шипа. На станцию были доставлены несколько самок осетров, но успеха удалось добиться только с третьего раза. В ходе первого опыта через несколько дней после искусственного оплодотворения в икринках зародились эмбрионы. При проведении второго опыта месье Бородину удалось получить уже тысячу эмбрионов, а при третьем – девять тысяч, из которых шесть тысяч были выпущены в реку Урал. Осетровые очень неприхотливы: первые двое суток им не нужна пища, и лишь на третьи им дают растертые личинки. Согласно исследованиям, проведенным на Гурьевской рыборазводной станции, севрюга мечет икру ночью.

Искусственно разводить собственно осетров не получилось. Рыбаки рассказывали мне, что они удерживали в воде пойманных рыб-самцов вблизи самок и якобы самки по вечерам метали икру, которую самцы тотчас же оплодотворяли. Однако повторить это в лабораторных условиях не удалось. Но даже если рыбаки смогли осуществить искусственное размножение осетра, внедрить его в промышленное производство сложно: осетр, попав в сеть, начинает биться, и рыбаку приходится его приканчивать.

Исследования месье Бородина показали, что осетр нерестится только в пресной воде, ибо в морской его эмбрионы погибают. Именно поэтому весной эта рыба идет откладывать икру в верховья реки, а подросший молодняк потом уходит в море и к августу его в Урале уже не бывает.

Выше уже говорилось о наличии в Гурьеве огромных ледников для хранения рыбы. Кроме них вдоль реки построено несколько больших дощатых, либо более дешевых веревочных садков. Веревочный садок стоит около 20 руб., то есть почти 60 франков, и вмещает до 20 000 рыб, которых оставляют в нем до зимы, а затем отправляют в замороженном виде в Россию. Владельцы садков получают огромную прибыль, правда, эти сооружения требуют тщательного ухода, иначе рыба в них быстро гибнет, однако он отчасти облегчается проточной водой. В заключение можно сказать, что организация рыбной ловли в Уральской области может послужить образцом для других мест, однако ни в одной стране мира невозможно закрыть для торговли и промышленного освоения такую большую реку, как Урал.

В среднем за сезон на уральских рыбных промыслах добывается:

Икра 1 180 000 кг;

Балык 15 000 кг;

Крупная рыба 12 000 000 кг;

Обычная рыба 20 000 000 кг.

Прибыль от рыболовства составляет 3 500 000 руб., причем, замечу, это достигается всего за несколько дней, ибо остальную часть года рыбная ловля запрещена.

У казаков есть обычай преподносить в дар важным особам России несколько самых лучших трофеев. Каждый год они посылают Высочайшему двору несколько рыбин, отобранных среди самых крупных осетров, карпов и судаков.

Глава одиннадцатая
На осенней плавне

В Гурьеве я получил телеграмму от генерала Максимовича, который призывал меня вернуться в Каленовский поселок, где через несколько дней начнется плавня. Вся дорога от Уральска до Каспия, почти всегда безлюдная, теперь была заполнена телегами, людьми и караванами. Меня обгоняли всадники и повозки с лодками, запряженные лошадьми, быками и даже верблюдами. На других телегах лежали сети, провизия и разобранные временные жилища, в которых в это время живут казаки.

Завидев мой тарантас со слугой-казаком, рыбаки останавливались и отдавали честь, поскольку принимали меня за французского генерала, но если им случалось застать меня одиноко бредущим пешком, то тогда они не проявляли ко мне никакого уважения. От пыли, поднятой телегами, вокруг ничего не было видно.

Прибыв в Каленовский поселок, я сразу отправился в стан рыбаков, находившийся в трех километрах от него. Он представляет собой множество небольших шатров[281], несколько тысяч повозок и постоянно снующих людей. Одни рыбаки проверяли сети и готовили к завтрашнему дню лодки, другие обустраивались на ночь, а третьи варили ужин, впрочем, достаточно скромный[282], растапливали самовары и раскладывали кокурки (пирожки)[283], хлеб, огурцы, дыни и арбузы. Среди казаков важно расхаживал грузный поп, который лез ко всем с разговорами, пробовал арбузы и дыни, нигде не отказывался от спиртного, отчего вскоре его окончательно развезло.

– Посмотрите, ну посмотрите-ка, как они работают, наши казаки, да благословит их Господь: он ведь так не любит бездельников! – батюшка, слегка пошатываясь, шел рядом со мной и непрерывно болтал.

Заметив невдалеке приличный тарантас, он направился к нему и, чуть не перевернув его, рухнул внутрь. Я же тем временем продолжал разговор, но в ответ услышал только ужасный храп.

– Ну и пьянчуга! – сказал, посмеиваясь, стоявший рядом казак. – Этаким храпом можно распугать всю рыбу на десять верст вокруг. Да, не видать нам завтра осетров!

В сопровождении этого казака я спустился к реке. Мимо медленно нес свои воды Урал. Было еще светло, и поэтому в нем вовсю резвились рыбы. Мой провожатый легко определял их по манере выпрыгивать из воды. Оказывается, если рыба выскакивает тяжело и при этом блестит чешуей – это карп, ежели бьет по волнам своим длинным хвостом, образуя многочисленные брызги, – значит, это судак. Вдруг недалеко от нас из реки взметнулась метра на полтора и сразу же скрылась в пучине огромная рыбина. Это, по словам казака, была самка осетра. Не сразу с поверхности воды исчезли следы от ее кульбита. Примерно то же самое я наблюдал в корейских бухтах с акулами, и лишь тихоокеанские киты произвели на меня большее впечатление.

Когда я вернулся в поселок, казачий лагерь уже отходил ко сну. Взошла луна, и ее золотистый свет причудливо осенял речную поверхность.

Рано утром меня разбудил громкий колокольный звон. Я открыл окно, выходившее на широкую улицу рядом с площадью, посреди которой стояла церковь. Жители поселка уже собрались, все вокруг было праздничным. Закончив богослужение, священники, дьяконы и служки вышли из нее, неся перед собой святые образа, за ними следовала толпа женщин и детей. Вместо торжественности, какая обычно бывает в таких случаях в других местах России, на их лицах отражалось характерное для казаков искреннее и заразительное веселье. Женщины нарядились в яркие праздничные платья и корсажи, надеваемые только по большому случаю. Хотя эта одежда напоминала куртки наших жокеев, она соответствовала предстоящему зрелищу.

Подали две повозки – мою и войскового атамана. Толпа расступалась и приветствовала нас. Мы прибыли к месту сбора. Палатки были уже убраны, а телеги со снаряжением и провизией

в сопровождении детворы отправились к следующему населенному пункту[284], куда рыбаки прибудут к вечеру и будут там продавать пойманную за день рыбу, готовить икру, солить улов и выпускать оставшуюся его часть в садки, устроенные у реки, чинить сети и лодки, и если предоставится возможность, то отдыхать.

Когда появился войсковой атаман, служитель Бога перекрестил реку и прочитал проповедь. Его речь была наивной и простой, как будто предназначалась для детей, но зато она была понятна казакам. Священник стоял на берегу, рядом с ним, окруженный святыми образами, находился войсковой атаман. Среди казаков много староверов, поэтому к проповедям попов они равнодушны: истово веря в Бога, они полагают, что с ним можно общаться и без посредников. Тем временем православные просили Всевышнего даровать им удачу. Их поддержали несколько раскольников, считающих, что даже чужая краткая молитва не помешает.

После окончания моления все казаки, причем даже те, которые в нем не участвовали, окружили атамана. Он поприветствовал их, пожелал успешной рыбалки и спросил, есть ли какие жалобы. Несколько стариков, выбранных казаками в качестве представителей, вышли вперед, отдали атаману честь и перечислили свои просьбы. Атаман дал им соответствующие ответы, а затем приказал готовиться к началу плавни.

Вслед за тем я вместе с офицерами и батюшкой направился в атаманскую палатку, где был накрыт стол, обильно заставленный закусками, самогоном и рябиновой настойкой. Священник произнес тост за здоровье войскового атамана, который лишь пригубил спиртное, и чокнулся с присутствующими. Пропустив первый стакан, он налил еще пару и подошел ко мне, но атаман предупредил его:

– Отец Михаил! Наш француз не пьет самогона, а предпочитает только вино.

– О, матушка, Пресвятая Богородица! Да как такое можно?! – оторопело выпучил глаза служитель Бога.

Однако он быстро пришел в себя и залпом выпил содержимое сначала одного стакана, затем еще раз изумленно взглянул на меня и, видимо, решив, что добро не должно пропадать, разом опустошил второй.

– Нельзя пренебрегать дарами Создателя! – воскликнул он.

– Ну раз Вы, отец Михаил, пьете за двоих, считайте, что половину этого составляет моя доля, – успокоил его я.

Все покатились со смеху: очевидно, они подумали о том же.

– Вы меня обижаете, – недовольно буркнул поп, – я не пью за других!

– Ну не сердитесь, отец Михаил, – примирительно произнес я, протягивая ему руку, – не сердитесь. Поскольку дары Божьи воистину не следует отвергать, я прошу Вас пить за меня до конца Вашей жизни.

– Не надо мне повторять это по несколько раз, – обрадовался он, – я согласен, согласен!

– А ты, Мишка[285], помнишь, что тебе сказал епископ? – укоризненно изрек ему один из офицеров, видимо, знавший священника с детства.

– И что же?

– Уже забыл? Так я тебе напомню. Он сказал: «Сын мой, знайте, что употреблять можно, но нельзя злоупотреблять!»

Будары

– Дружище, тут ты не прав! – воскликнул отец Михаил. – Мы с французом уже обо всем договорились. Когда я предстану перед Всевышним и мне придется отвечать за свое пьянство, я объясню, что половину из выпитого мною принадлежит мусье Павлу!

Эх, святой отец, святой отец! Сколько же тебе, должно быть, пришлось в тот день выпить за нас двоих! И я даже не решаюсь предположить, сколько своих грехов ты припишешь мне на Страшном суде…

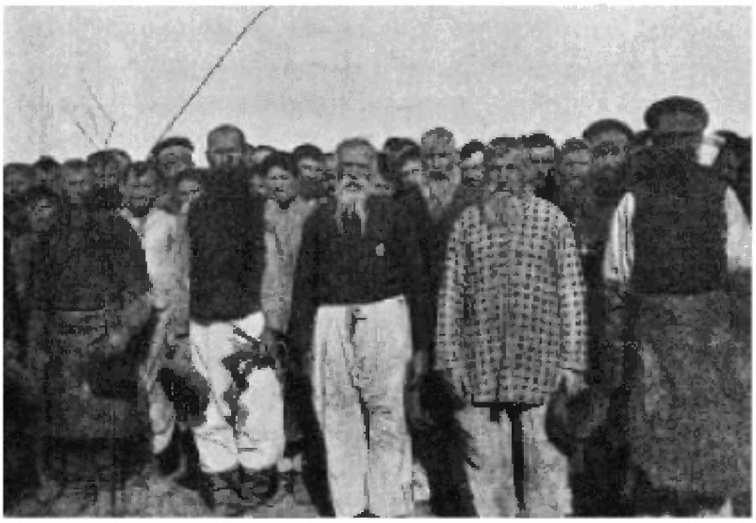
Атаман внезапно прервал нашу беседу и попросил следовать за ним. Мы вышли на крутой правый берег Урала. Его высота в этом месте была всего пять-шесть метров. В метрах тридцати от берега рядами лежали длинные будары, числом около трех тысяч. Рядом с каждой неподвижно, словно на военном параде, стояли по два казака[286]. Противоположный берег был песчаным, плоским и пустынным, с редкими зелеными кустиками. До самого горизонта тянулась однообразная и бескрайняя степь, а перед нами нес свои воды резвый и безмолвный Урал.

Внезапно атаман резко поднял руку, и тотчас же прогремел пушечный выстрел[287]. Казаки схватили свои лодки и поволокли их к реке. Расталкивая друг друга – до воды нужно добраться побыстрее, – они бросали их в Урал и незамедлительно же начинали грести. Несколько лодок сразу опрокинулось, но их владельцам никто не помогал, чтобы не упустить рыбу. Через некоторое время казаки-неудачники смогли придать своим лодкам нормальное положение и вычерпать из них воду. Зрители громко хохотали над этими недотепами.

Почти все будары были черного цвета, и лишь одна – зеленого. Узкая и грациозная, она быстро шла вниз по течению, легко обходя остальных, пока из-за неудачного маневра не опрокинулась, и оба ее владельца долго плавали вокруг нее, безнадежно пытаясь перевернуть свое суденышко.

В это время войсковой атаман попрощался со мной и отбыл обратно в Уральск. Я вскочил в коляску и, сопровождаемый несколькими офицерами, во весь опор помчался в поселок Лебяжий[288], расположенный в нескольких километрах южнее. Мне хотелось прибыть туда

заранее, чтобы полюбоваться идущими по реке бударами. Сделать это было легко: мой путь шел по прямой, тогда как рыбакам предстояло преодолеть многочисленные излучины Урала между Каленовским и Лебяжьим поселками. Толпа нарядно одетых женщин спешила к берегу. В ней я приметил несколько ядреных и пышущих здоровьем соблазнительных девушек довольно крепкого телосложения, которые без умолку болтали и хохотали. Столь же шумели и замужние женщины, рядом скакала, бегала, играла и боролась ребятня, а старики вспоминали о плавнях былых времен. Не имея возможности рыбачить, они ругали то, как это делают их внуки. Река все еще была безмолвна, и вверху по ее течению между золотистой песчаной отмелью киргизского берега и серебристыми березами, растущими на казачьей стороне, в водах отражались солнечные блики.

Казаки-раскольники

Вдруг на горизонте показалась какая-то черная полоса. То были рыбацкие лодки, над которыми развевались синие и красные рубахи казаков. Сигнал начать ловлю еще не прозвучал, но казаки гребли изо всех сил, вынуждая рыбу спасаться от этой безумной погони.

Лодка, шедшая первой, принадлежала атаману рыболовства, за ней следовали двенадцать его помощников. Полагая, что войсковой атаман все еще находится среди нас, атаман рыболовства приказал всем лодкам выстроиться рядами по всей ширине реки, как на войсковом смотре. На берегу сразу все смолкло, но в момент, когда лодки проходили мимо нас, шесть тысяч рыбаков (экипаж лодки состоит из двух человек) поприветствовали всех громогласным «Ура!». В ответ офицеры, женщины и старики знаками и криками пожелали рыбакам хорошего улова. Жены и дети пытались разглядеть среди рыбаков своих мужей и отцов. Одна девушка посылала воздушные поцелуи лодке, в которой будто бы завидела своего жениха, другая радостно воскликнула:

– У меня нет суженого, но по воздуху я одновременно целую всех!

«Ура!» рыбаков послужило сигналом к началу лова. Ряды будар смешались. На носу каждой из них сидел гребец, а на корме – рыбак. На двух шедших рядом лодках стояло по казаку, которые держали за концы и тянули по дну реки огромную сеть. При ее выемке будары сближались и на их днища вываливали лещей, карпов, судаков и подкаменщиков. Поимка осетра сопровождалась радостными криками, но иногда его крупные особи рвали сети, опасно раскачивая при этом лодки.

Вдруг ко мне бросился старый казак, держа в своих руках яростно бившегося звездного осетра, то есть севрюгу длиной примерно в метр и двадцать сантиметров, и предложил ее мне.

– Я был на Малаховом кургане, – пояснил он, – и с тех пор уважаю французов.[289] Позвольте мне в связи с этим преподнести Вам эту рыбу.

Я пожал старику руку. Рыбина билась о землю так сильно, что ее икра обрызгала грудь одного из стоявших рядом мужчин. Севрюга не только крупная, но еще и неимоверно сильная порода, поэтому держать ее надо в рукавицах, ибо о туловище и плавники можно серьезно пораниться. Старый казак вспорол ножом рыбье брюхо, вывалил икру в ведро[290] через сито[291], оставив кровяные волокна в руках, а затем посолил ее. На пуд, то есть 16 кг, икры требуется фунт соли. Через пятнадцать-двадцать минут эту смесь можно есть. Но даже такому любителю этого деликатеса, как я, было не очень приятно наблюдать за ходом его приготовления. Тем не менее, икра была превосходной, а во время обеда, устроенного прямо на берегу, мы с аппетитом полакомились вареной севрюгой. Многие рыбаки, чтобы не тратить время, обедали в своих лодках. К вечеру у большинства их они были наполнены рыбой. Я пешком добрался до селения, где мне отвели комнату. Неподалеку стояли палатки, и мне вновь пришлось увидеть рыбацкий лагерь. Рядом с каждой повозкой горел костер, дети и несколько стариков готовили суп и чай.

Поужинав с офицерами, я вернулся к себе, но уснуть не мог: рыбаки кричали и бегали, разыскивая свои телеги. Распахнув окно, я увидел в ночном мраке множество огней: лагерь напоминал армейский бивуак.

Отовсюду раздавались крики и песни. Несмотря на усталость, большинство рыбаков предались попойке: казаки, как известно, очень гордятся своими способностями потреблять много спиртного.

Количество выпитого в тот вечер вполне сравнимо с размером выловленной в первый день рыбы. Удачливые казаки пили за свой успех, а остальные – с горя.

На следующий день рыбу не ловили, а продавали.[292]

На берегу был разложен вчерашний улов, по словам атамана рыболовства, около 65 000 кг, чем он был не совсем доволен. Но это вполне нормально для первого дня, так как половина его уходит на молитву, речь войскового атамана, рассмотрение просьб казаков и различные приготовления. Красной рыбы в первый день было поймано мало. Один рыбак показал мне сеть, которую порвала 700-килограммовая белуга. Пораженная багром, она все же смогла опрокинуть лодку. Однако небольшое количество красной рыбы на берегу имелось. Самая крупная из выловленных рыбин весила фунтов 250–300, в составе улова имелись судаки, подкаменщики и особенно карпы.

Везде стояли маленькие белые палатки торговцев из Уральска, Гурьева, Саратова, Одессы, Москвы и Петербурга. Покупатели громко торговались с рыбаками и обсуждали наиболее удивительные экземпляры особей. Все были возбуждены, толкались, бранились и беспрестанно орали.

– Казаки, – пожаловался мне один коммерсант из Казани, – сегодня хорошо разбираются в ценах, и нам больше не удается вести с ними дела так, как раньше!

Офицер, которому я пересказал эти слова, подтвердил:

– Да, сейчас казаки набрались опыта, но торговцам все равно удается наживаться на них. Жуликов среди покупателей немало.

Люди, однако, продолжали готовиться к завтрашнему дню, при помощи стариков чинили будары, а женщины и дети штопали порванные сети. Одни рыбаки препирались с

торговцами, другие засаливали улов для отправки его в большие ледники Гурьева или готовили икру.

Большая путина

Днем я, сев в тарантас, поехал обратно в Уральск, а рыбалка тем временем продолжалась, и еще несколько часов мне слышались крики тысяч людей, пока наконец не наступила тишина. Моя повозка бойко катилась по скверной дороге через бескрайнюю и унылую степь. Я проезжал через безлюдные и мрачные станицы: все мужчины были на рыбалке, а потому меня встречали только женщины. Они спрашивали, не видел ли я их мужей и отцов, как проходит ловля, велик ли улов.

Вскоре я был в Уральске, откуда на следующий день должен был отправиться в Париж, но перед моими глазами еще долго стояло, возможно, самое удивительное и волнующее зрелище из всех, которые мне когда-либо приходилось наблюдать!